

Ярослав ГАШЕК

Примеры из жизни

Поиски пути.
Публицист, боец, комиссар.
Снова на родине.



И·З·К·Н·И·Г

МОСКВА «ПРОГРЕСС»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Т. В. БАЛАШОВА, Н. И. БАЛАШОВ, Ю. Н. ВЕРЧЕНКО,
Я. Н. ЗАСУРСКИЙ, Д. В. ЗАТОНСКИЙ, А. А. КЛЫШКО,
Н. И. НИКУЛИН, В. Н. СЕДЫХ, П. М. ТОПЕР.**

Ярослав ГАШЕК

.....
Примеры из жизни
.....

Художественная публицистика



Москва «Прогресс» 1983

Составитель, автор предисловия и комментария
кандидат исторических наук Ю. Н. ЩЕРБАКОВ
Художник В. И. ЛЕВИНСОН
Редактор Т. Б. ЖДАНОВА
Портрет Я. Гашека на обложке
работы художника ЦИРИЛА БОУДЫ (ЧССР)

В работе над томом приняли участие: кандидат фило-
логических наук С. И. Востокова, главный редактор газеты
«Руде право» Зденек Горжени (ЧССР); С. И. Колесников;
доктор филологических наук С. В. Никольский.

© Состав, предисловие, перевод на русский язык произведений, отмеченных*,
издательство «Прогресс», 1983.

Г $\frac{4703000000-386}{006(01)-83}$ КБ — 24—33—83

ПРЕДИСЛОВИЕ

В один из январских дней 1919 года в редакцию газеты «Наш путь» политотдела Реввоенсовета 5-й армии Восточного фронта, находившуюся в Уфе, вошел человек в шинели и красноармейской фуражке. Щелкнув каблуками, он по-военному, с чуть заметным иностранным акцентом доложил:

— Ярослав Гашек. Назначен политотделом заведовать типографией,— и, протянув несколько исписанных листков, продолжал: — Прошу посмотреть. Если подойдет, напечатайте.

Так в трудные годы гражданской войны началось сотрудничество чешского писателя в советской фронтовой печати. На листках серой оберточной бумаги, которые он принес в редакцию «Нашего пути», был его первый фельетон, написанный по-русски,— «Из дневника уфимского буржуя».

Имя Ярослава Гашека давно и прочно вошло в мировую литературу. Известность писателю принес бессмертный роман «Похождения бравого солдата Швейка». Это произведение явилось венцом творчества чешского сатирика. К тому времени когда Швейк занял почетное место в сокровищнице мировой литературы рядом с такими образами, как Санчо Панса и Тиль Уленшпигель, Гаргантюа и Кола Брюньон, Гашеком было написано более 1200 фельетонов и юморесок. В середине первого десятилетия нашего столетия он проявил себя как искуснейший мастер политической сатиры. Виднейший деятель чехословацкой культуры академик Зденек Неedly, оценивая

литературное наследие писателя, признавал, что ему особенно нравятся его небольшие произведения. «В них Гашека больше всего», — отмечал он, считая, что именно в этом жанре раскрылись характерные черты личности и творчества сатирика.

В сборнике произведений Я. Гашека, который предлагается читателю, его публицистическое творчество представлено в разделах: «Поиски пути», «Публицист, боец, комиссар» и «Снова на родине», что отражает этапы непростого жизненного и творческого пути Гашека. Ведь бытописатель-юморист отнюдь не сразу стал мастером социальной и политической сатиры, овладевшим методом глубокого анализа общественных явлений.

Писатель родился 30 апреля 1883 г. в Праге. С детства Ярослав Гашек близко соприкоснулся с бытом и нравами чешского простонародья. На маленьких улочках Нового Места, где жила семья Гашеков, обитали городские низы: рабочие и мастеровые, прислуга и ремесленники. Их жизнь, каждодневные заботы о хлебе насущном были близки сыну учителя, ставшего позже мелким служащим банка «Славия».

Мальчику довелось учиться в гимназии у будущего классика чешской литературы Алоиса Ирасека. С волнением Ярослав Гашек слушал его рассказы о самоотверженной борьбе Яна Гуса и гуситов против католической церкви и феодалов, за освобождение Чехии от чужеземного порабощения. Будущий писатель уже в эти годы столкнулся с национальным и социальным угнетением, которому подвергались трудящиеся Чешских земель и Словакии, входивших тогда в многонациональную «тюрьму народов» — Австро-Венгерскую империю. В его сознании запечатлелись картины унижения чехов и словаков чиновниками Габсбургской монархии, душившей любые проявления их национального самосознания.

Не случайно осенью 1897 г. четырнадцатилетний гимназист стал участником уличных волнений чешского населения Праги, вспыхнувших в ответ на провокации немецких шовинистов в связи с принятием правительством Бадени закона об относительном равенстве чешского и немецкого языков в государственных учреждениях Чехии.

С юности Гашек не верил в религиозные догматы. Исполняя обязанности «министранта» — служки в соборе святого Штепана и костеле иезуитов святого Игнация, он был свидетелем отвратительных сцен дележа пожертвований верующих между священнослужителями и монахами. Уже тогда он понял, что за благочестивой внешностью и богоугодными речами «слуг божьих» скрываются ханжество, лицемерие, корыстолюбие. Впоследствии Гашек с уничтожающей силой разоблачал церковь и духовенство в своих искрящихся остроумием публицистических произведениях.

Много занятий перепробовал юный Гашек. После смерти

отца он забросил учебу, а потом и вовсе ушел из гимназии. Был в ученье у владельца лавки хозяйственных товаров пана Кокоски. Наконец, в 1899 г. он поступил в коммерческое училище, носившее громкое название Торговая академия.

Главным увлечением Гашека во время учебы в академии становится литература. Он читает книги чешских писателей Божены Немцовой, Карела Гавличека-Боровского, Яна Неруды, Йозефа Тыла. Сильное впечатление производит на него русская классическая литература— произведения Пушкина и Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Чехова, творчество «буревестника революции» Максима Горького, которого Гашек называл своим «учителем жизни».

В эти годы формируются демократические взгляды будущего сатирика. Социальное и национальное угнетение широких слоев чешского народа Габсбургской монархией и буржуазно-помещичьими кругами Австро-Венгрии вызывали у него стихийный протест. Активная, свободолюбивая натура Гашека, его горячий темперамент не позволяли ему оставаться в бездействии.

Друг и одноклассник по Торговой академии Ладислав Гаек в своих воспоминаниях писал: «Уже в то время Гашек проявлял революционные наклонности. Где бы ни происходила демонстрация, в ней обязательно участвовал Ярд... Он всегда был в первых рядах демонстрантов, ничего не боялся и уже тогда умел, когда нужно, превращать все в веселую шутку. Чаще всего он таким образом дурачил полицию. И ему удавалось благополучно отделаться: когда он попадал в участок, то на допросе отвечал так, что все покатывались со смеху и отпускали его».

Однако под маской шутника и балагура скрывался юноша, всерьез задумывавшийся об освобождении чешского, словацкого и других славянских народов Австро-Венгрии от гнета Габсбургов.

Первые очерки, опубликованные Ярославом Гашеком в 1901 году в газете «Народни листы», представляли собой зарисовки о его путешествиях, которые он еще со времени учебы в Торговой академии начал совершать вместе со своим братом Богуславом или одним из друзей по Чехии, Словакии, Хорватии и другим землям Австро-Венгерской империи. Героями этих произведений были люди из народа—крестьяне, горцы, пастухи... Простота нравов этих людей, цельность их характеров, самобытность жизненного уклада и извечное стремление к свободе импонировали начинающему репортеру.

Время, когда Ярослав Гашек входил в чешскую литературу, характеризовалось появлением в ней декадентско-модернистских тенденций, являвшихся отражением идеологического кризиса буржуазии Чехии на рубеже XIX и XX вв. Эскапизмом, уходом от действительности, от острых общественных конфликтов в сферу нарочито личного, культом эстетства и индивидуализма отличалось творчество некоторых тогдашних

молодых чешских писателей, объединившихся вокруг журнала «Модерни ревю» во главе с его редактором А. Прохазкой.

Ярослав Гашек заявил себя как подлинный реалист, продолжатель демократических традиций чешской литературы XIX в. Это сближало его с представителями пролетарского направления в литературе Иваном Ольбрахтом и Марией Майеровой — писателями, страстными политическими публицистами, активно вторгавшимися своим литературным творчеством в жизнь, в ее социальные противоречия.

Эстетические требования молодого Гашека довольно ясно видны в публикуемом в настоящем сборнике фельетоне «Поэзия социальная». Высмеивая произведения тогдашних чешских поэтов, изображавших рабочих в сентиментально-слащавых тонах — лишь как страдающих и угнетенных, Гашек призывал к тому, чтобы в литературе получила преобладающее звучание тема революционной борьбы пролетариата за свое освобождение.

Один из друзей Я. Гашека — Э. Лонген вспоминал о том, как Гашек излагал свои воззрения на общественное предназначение искусства. «... Искусство, — говорил писатель, — означает открытие истины в ее глубочайшей сущности. ... Рабство и людская глупость, низводящие жизнь людей на самую низкую ступень, владеют миром, и против этой гнусности нужно бороться. ... В искусстве должна отражаться борьба. ... Долг художника — путем раскрытия истины сражаться против темных сил, управляющих человечеством...»

Если первые художественные зарисовки и очерки молодого Гашека отличали мягкое юмористическое звучание и лиризм, то в дальнейшем все более усиливается социальный аспект в изображении им жизненных ситуаций. В творчестве писателя постепенно занимает ведущее место политическая сатира. Он высмеивает все институты капиталистического общества: государство, политические партии, армию, школу, религию и мораль.

Формируется и постепенно приобретает особые, «гашековские» черты и литературный метод сатирика. Одним из излюбленных приемов становится гиперболизация изображаемых им общественных явлений и личностей. Сатирик широко использует этот прием, обнажая противоречие между официальной версией существовавших в Австро-Венгерской империи политических, социальных, правовых и моральных отношений и их подлинным классовым содержанием, их действительной ролью в эксплуататорском обществе.

В центре внимания писателя — социальный конфликт между угнетателями — капиталистами, помещиками, жандармами, священнослужителями и людьми труда — рабочими, крестьянами, ремесленниками. Отчетливо раскрыто это противопоставление интересов труда и капитала в фельетоне «Катастрофа на шахте». Его «героиня» — супруга шахтовладельца госпожа Сталлова,

организующая благотворительный вечер для сбора пожертвований семьм погибших шахтеров и заказавшая по этому случаю роскошное платье в Вене, опечалена лишь одним — тем, что жертвами катастрофы не стало большее число рабочих. Ведь если бы их было больше, рассуждает она, то для сбора пожертвований можно было бы устроить еще более пышный бал.

Разоблачению лживой сущности буржуазного парламентаризма посвящен целый ряд произведений сатирика. В фельетоне «О парламентах» писатель показал, что так называемые «представительные учреждения» — важное звено буржуазной политической системы, которые лишь на словах выражают волю народа, а на деле являются прикрытием полновластия класса капиталистов. Описывая в одном из фельетонов заседание Верхней палаты австрийского парламента, где обсуждались меры борьбы с дороговизной, Гашек с присущей ему иронией издевается над представителями «палаты господ», собравшимися, чтобы поговорить об излюбленных блюдах гурманов, а не решать важную для трудящихся проблему.

Большое место в творчестве Гашека занимала антирелигиозная тематика. Сатирик вскрывал лицемерие христианской морали, высмеивал самую сущность религиозного мировоззрения, разоблачал реакционную роль церкви. Многие антирелигиозные произведения писателя возникли как результат его непосредственной полемики с партией христианских социалистов. Он обличал характерные черты духовенства — паразитизм, мракобесие, их тесное родство со всеми другими прослойками класса угнетателей, с откровенными реакционерами.

В фельетоне «О католической печати» Гашек развенчивает небылицы, содержащиеся в религиозных газетах и журналах. С юмором он комментирует «чудеса», творимые на страницах клерикальных изданий, например историю о том, как молния, ударившая в группу рабочих, поразила лишь тех из них, кто были социалистами, и т. д.

Среди персонажей Гашека и духовник княгини фон Шварц, грозивший крестьянам божьей карой за те грехи, которые совершает он сам, и «набожный» студент Юрайда, на собственном опыте убедившийся, что господь бог не может помочь ему в сдаче экзамена по римскому праву, и гимназист Балушка, столкнувшийся с ложью и лицемерием «тайны исповеди».

Наряду с фельетонами и юморесками, в которых писатель изображал вымышленные сюжеты, в творчестве Гашека этого периода немало и политических памфлетов, посвященных реальным событиям и лицам. Таков, например, памфлет, в котором разоблачаются один из лидеров крупнейшей в Чехии буржуазной партии младочехов Карел Крамарж и его «позитивная политика» — политика компромиссов с Габсбургской монархией.

Гневом и болью дышат слова писателя, когда он пишет о

национальном и социальном угнетении чешского и словацкого народов. Среди материалов, впервые публикующихся на русском языке,—статья «Чернова» (1908). Она явилась откликом на расстрел габсбургскими властями словаков—жителей деревни Чернова, пытавшихся отстоять свои национальные обычаи. Страстный политический публицист выразил возмущение этим преступлением, а также заклеймил фарисейство чешской буржуазии в отношении словацкого народа.

Первая русская революция всколыхнула революционное и национально-освободительное движение в Австро-Венгрии. В этой обстановке Я. Гашек мучительно искал ту политическую партию, деятельность которой отвечала бы его стремлениям к борьбе против социального и национального гнета и неравноправия. Но оппортунистическая политика руководства тогдашней Чехославянской социал-демократической рабочей партии, идущего по пути реформизма и возлагавшего все надежды на парламентские формы борьбы, отталкивала его. Еще менее могли удовлетворить писателя лозунги чешских буржуазных партий—младочехов, реалистов и других, проповедовавших различные теории «классового мира».

На некоторое время Гашека увлекают мнимореволюционные взгляды чешских анархистов. В 1904—1907 гг. Гашек примыкает к анархистскому движению, работает в редакциях газет анархистов—«Нова Омладина», «Худяс» и «Коммуна». Он ведет агитацию среди чешских горняков и текстильщиков на севере Чехии в Ломе и его окрестностях; за участие в митингах и демонстрациях несколько раз подвергается аресту и непродолжительному тюремному заключению.

Однако писатель разочаровывается в политической программе и тактике анархизма, поняв, что за трескучими фразами анархистов о непримиримости по отношению к монархии Габсбургов и капиталистическому строю скрывается политическое бессилие, что они не знают действительных путей освобождения трудящихся от социального и национального гнета.

Несколько месяцев сатирик работает в качестве литературного сотрудника в газете национально-социальной партии «Ческе слово». Но писатель не мог ужиться в редакции с деятелями этой партии, обманывавшими рабочих демагогическими фразами, а фактически сотрудничавшими с буржуазией—опорой режима монархии.

Разойдясь во взглядах с партиями чешских анархистов и национальных социалистов, Гашек продолжает бороться с социальной несправедливостью своим излюбленным оружием—иронией, сатирой, смехом.

В 1911 году писатель организовал беспрецедентную политическую буффонаду. Выступив от имени вымышленной им и его друзьями партии «умеренного прогресса в рамках закона», он зло издевается над буржуазной демократией, трусливой тактикой чешских буржуазных политиков и социал-соглашателей.

Позже, в 1912 году, сатирик создает и юмористическую историю этой партии. В памфлетах и очерках Гашек пародировал предвыборные выступления буржуазных политиков («Величайший чешский писатель Ярослав Гашек», «Манифест партии умеренного прогресса в рамках закона»), систему буржуазной демократии («День выборов»).

Еще до первой мировой войны политический публицист с глубоким предвидением обращает внимание на угрозу назревавшей всемирной катастрофы, пишет об усилении милитаризма, планах империалистической военщины, о гонке вооружений («Дредноуты», «Война в воздухе»), выступает против войн, ложившихся тяжелым бременем на плечи трудящихся («Цена славы»). Еще задолго до выстрела в Сараеве чешский сатирик в фельетоне «Забывтый юбилей» говорит о возможности развязывания империализмом мировой бойни. Именно в эти годы писатель начинает работать над образом простого человека из народа, стихийно протестующего против войны,—бравого солдата Швейка.

Вскоре после начала первой мировой войны Ярослав Гашек был призван в войско «святейшего» императора Франца-Иосифа. Попав на Восточный фронт, он 23 сентября 1915 года у села Хорупаны в Галиции добровольно сдался в плен русской армии и вскоре попал в один из крупнейших пересыльных лагерей для военнопленных — Дарницкий, под Киевом, а затем оказался в Тоцком лагере в Самарской губернии.

Среди военнопленных чехов и словаков в это время развернули агитацию эмиссары буржуазного «Союза чешских обществ в России», призывая вступать в создававшиеся чехословацкие воинские части, которые должны были сражаться против Австро-Венгрии и Германии. Стремясь обеспечить себе поддержку правительства Антанты, эту политику активно проводила и одна из группировок чешской и словацкой буржуазии, возглавлявшаяся чехословацким Национальным советом, созданным в 1916 г. в Париже Т. Г. Масариком.

Ярослав Гашек был воодушевлен возможностью бороться с оружием в руках за освобождение своей страны от габсбургского засилья. Он считал необходимым участвовать в деятельности «Союза чешских обществ». В июне 1916 г. писатель уже в Киеве. Зачисленный в резервную часть 1-го чехословацкого полка имени Вацлава, он неоднократно обращался к командованию с просьбой направить его в разведывательное подразделение. Но руководители «Союза» решили использовать литературный талант публициста в своих целях—для привлечения военнопленных в формирующиеся воинские части.

Писатель сотрудничает в различных периодических изданиях чехословацких организаций в России, печатается в газетах «Чехослован», «Революция» и других.

Искренне веря, что чехословацкие воинские части, сражавшиеся на стороне Антанты, принесут чешскому и словацкому

народам избавление от многовекового гнета Габсбургов, писатель разделял некоторое время иллюзии в отношении чехословацких буржуазных организаций, действовавших в эмиграции. Далеко не сразу он смог разобраться в сущности акции чехословацкой буржуазии, возглавляемой чехословацкими эмигрантскими органами, понять, что цели буржуазных кругов и интересы чешских и словацких рабочих и крестьян, оказавшихся в России, различны.

Свержение царского самодержавия в феврале 1917 года, возросшая политическая активность широких масс российского рабочего класса и крестьянства — все это не могло не сказаться на отношении Гашека к вопросам борьбы за освобождение чешского и словацкого народов.

Я. Гашек в фельетонах и юморесках, опубликованных на страницах «Чехослована» и других изданий, разоблачал реакционную сущность Габсбургской монархии, подводя читателей к выводу, что она обречена на гибель всем ходом истории. Публицист высмеивает главу австрийского монархического режима («Повесть о портрете императора Франца-Иосифа I»), показывая его как тупого и жестокого деспота, обличает разветвленную систему полицейской слежки в Австро-Венгерской империи («По следам тайной полиции»). Здесь, в России, писатель снова возвращается к образу своего любимого героя. В серии библиотечки «Чехослована» выходит его повесть «Бравый солдат Швейк в плену».

В статье «Республиканская программа в Чехии», напечатанной в «Чехословане» 29 марта 1917 г., Гашек высказывает мысль о том, что освобождения чешских земель и провозглашения республики нельзя добиться парламентской деятельностью, «необходим другой метод — революция. Как успешно ее провести, показала в эти дни Россия, где насильственно свергнут старый строй...».

Писатель постепенно начинает убеждаться в порочности политического курса чехословацкого Национального совета. Приняв активное участие в острой борьбе, развернувшейся весной 1917 г. между киевской и петроградской группировками чехословацкого движения в России, Гашек выступил в газете «Революция» с фельетоном «Клуб чешских пиквиков», пародировавшим деятелей Отделения Национального совета — Халупу, Патейдла, Папоушека, Фишера и других.

Вехой, определившей решающий рубеж в жизни и творчестве писателя, стала Великая Октябрьская социалистическая революция. Гашек на собственном политическом опыте пришел к пониманию свершившегося революционного переворота, важности этого исторического события не только для России, но и для трудящихся всех стран. Великий Октябрь означал претворение в действительность прекрасного будущего, о котором он мечтал. «Социализм благодаря своим практическим результатам уже не является романтическим сном, — писал Га-

шек в феврале 1918 года.—Из гармонии личности и общества он создает зажигающую и славную музыку жизни. Лишь трудящиеся классы могут внести в сегодняшний мир великие черты—волю, энергию, направленные к окончательной победе».

А руководство чехословацкого Национального совета с первых дней Октябрьской революции, прикрываясь лозунгом нейтралитета, помогало силам российской контрреволюции на Украине, а затем по указанию правительств Антанты начало тайную подготовку к антисоветскому мятежу. Объявив об отъезде чехословацких легионов во Францию, командование стремилось растянуть войска по территории Советской республики, чтобы поднять вместе с внутренней контрреволюцией восстание против Советской власти.

Гашек окончательно понял, что ему не по пути с чехословацким Национальным советом, когда узнал о предательстве командования корпуса во время наступления германских оккупантов в феврале 1918 года: в боях под Бахмачем воинские части чехов и словаков были отведены с фронта и красноармейские отряды, сражавшиеся против немцев, были оставлены чехословацкими легионерами без поддержки. В марте 1918 г. писатель уже в Москве. Он ходит на митинги и собрания, стараясь разобраться во всем происходящем. Здесь, в сердце революционной России, он приходит к выводу, что его место—в рядах защитников русской революции. По воспоминаниям старого коммуниста С. М. Бирюкова, встречавшегося с ним в Москве, Ярослав Гашек в это время впервые услышал вдохновенные слова Владимира Ильича Ленина, присутствуя на заседании Московского Совета в Политехническом музее 12 марта 1918 г. В этой речи Ленин говорил о том, что дело международной социалистической революции, которое начал пролетариат России в октябре 1917 г., несмотря на все усилия ее врагов, победит. Одним из залогов этого является интернациональная поддержка трудящихся революционной России зарубежным рабочим классом в их грандиозной борьбе.

Я. Гашек в марте 1918 г. становится членом РКП(б), вступает в организацию чехословацких левых социал-демократов, на основе которой происходило формирование Чехословацкой коммунистической секции при Российской Коммунистической партии (большевиков). Вместе с ведущими деятелями этой группы он активно участвует в выпуске 27 марта 1918 г. первого номера ее газеты «Прукопник» («Пионер»), где была помещена передовая статья Гашека «К чешскому войску. Зачем ехать во Францию?». Это было первое публицистическое выступление писателя, избравшего для себя новый путь, путь коммуниста.

Вскоре Гашек выполняет и первое партийное поручение. Во главе группы чехословацких интернационалистов в начале апреля 1918 г. его направляют в Самару для разъяснительной

работы среди проезжавших через город в эшелонах чехословацких легионеров и формирования из чешских и словацких солдат интернациональных отрядов Красной Армии.

Ярослав Гашек пишет пламенные воззвания, выпуск которых был налажен чехословацкими коммунистами в Самаре. Обращаясь к своим соотечественникам, оказавшимся в чехословацком корпусе, он раскрывает реакционные замыслы его командования, призывает отказаться от участия в империалистической аванюре, стать в ряды защитников социалистической революции в России.

В листовках и воззваниях, которые читатель найдет в настоящем сборнике, Я. Гашек выступает как интернационалист, глубоко осознавший международное значение Великого Октября, его роль для освободительной борьбы трудящихся всего мира.

Во время контрреволюционного выступления корпуса чехословацкий отряд Красной Армии, созданный Я. Гашеком в Самаре, сражался против мятежников плечом к плечу с красноармейскими частями и рабочими дружинами, обороняя город.

Когда белочехи 8 июня 1918 г. захватили Самару, Ярослав Гашек остался в городе. Он уничтожил в помещении «Чешского военного отдела» и организации чехословацких коммунистов документы, которые не должны были попасть в руки контрреволюционеров. С большим трудом, переодевшись в штатское платье, он выбрался из Самары и в течение некоторого времени скрывался в селах Самарской губернии.

После освобождения 12 сентября 1918 г. Симбирска (ныне г. Ульяновск) Красной Армией чешский коммунист снова стал в ее ряды. В качестве ответственного сотрудника политотдела Реввоенсовета 5-й армии Восточного фронта он занимал различные должности — от инструктора-организатора до заместителя начальника политотдела. Гашек прошел с 5-й армией боевой путь через Бугульму, Уфу, Челябинск, Омск, Новониколаевск (ныне г. Новосибирск), Красноярск, Иркутск. Работая в политотделе, он занимался и большой литературной деятельностью, выступал как публицист фронтовой печати на страницах газет «Наш путь», «Красный стрелок», «Красная Европа» и других.

Художественная публицистика Я. Гашека вступает в качественно новый этап развития. Решающую роль здесь сыграл политический опыт, приобретенный писателем в борьбе вместе с российскими рабочими и крестьянами под руководством большевистской партии против сил контрреволюции, за победу идеалов социализма. Большинство публицистических произведений периода гражданской войны в Советской России им написано на русском языке.

Каждый фельетон Я. Гашека в фронтовой печати подобно снаряду стрелял по врагу, помогал Коммунистической партии воспитывать у красноармейцев ненависть к врагам революции, к угнетателям, готовность бороться до последнего вздоха про-

тив сил отживающего старого мира, вселял уверенность в неизбежность победы трудового народа.

В публицистике писателя 1919—1920 гг. перед читателем предстает галерея отрицательных персонажей—представителей российской буржуазии, духовенства, иностранных интервентов. Это уфимский буржуй, лавочник Балакулин, провокатор и паникер Иван Иванович, «пастырь воинства Христова» поп Малюта, «император всесибирский Колчак I», «преосвященный владыка Андрей», «спасители России»—английские, французские, американские интервенты, пособники российской контрреволюции—руководители мятежного чехословацкого корпуса, эсеры и т. п. Вооружившись бичующим сарказмом, иронией, смехом, сатирик разоблачал их антинародные цели, патологическую ненависть к трудящимся, убеждал читателя в неминуемом поражении контрреволюции, ее исторической обреченности.

Иные краски в палитре Я. Гашека, когда он пишет о тех, кто несет народу избавление от эксплуатации, обеспечивает защиту от контрреволюции. Возвышенно говорит о Красной Армии, разъясняет ее классовую сущность, ее интернационалистскую миссию как защитницы угнетенных и эксплуатируемых во всем мире; симпатией и теплом проникнуты его выступления, где речь идет о рабочих и крестьянах, взявших в руки ружье, чтобы отстоять молодую народную власть.

С публицистической деятельностью Гашека тесно связана его работа по интернациональному воспитанию бывших военнопленных периода первой мировой войны и беженцев, оказавшихся на территориях, по которым проходила 5-я армия Восточного фронта. С начала января по март 1919 г. чешский интернационалист был одним из руководителей созданной при его активном участии организации иностранных коммунистов в Уфе. 15 февраля начал издаваться ее печатный орган—газета «Красная Европа», выходившая на немецком, венгерском и русском языках. Редактором стал Ярослав Гашек. В первом номере «Красной Европы» напечатана статья «Ликующий зверь», в которой Гашек писал об убийстве контрреволюционерами вождей германского пролетариата Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

В конце августа—начале сентября 1919 г. писателю было поручено руководство иностранной секцией политотдела Реввоенсовета 5-й армии. В письменном докладе о ее работе Гашек указывал, что в круг главных задач входило разъяснение иностранным трудящимся сущности рабоче-крестьянской Советской власти, содержания программы Коммунистической партии, широкая пропаганда идей пролетарской революции и диктатуры пролетариата. В апреле 1920 г. вместо иностранной секции было создано интернациональное отделение, тоже возглавлявшееся Гашеком, которое развернуло широкую разъяснительную работу среди иностранцев и трудящихся национальных меньшинств на огромных просторах Сибири. При активном участии

Ярослава Гашека издавались газеты «Нахрихтен-Хирек» на немецком и венгерском языках, «Всемирная революция» на немецком, венгерском и русском, «Рогам-Штурм» — на немецком и венгерском, «Глос комунисты» на польском, а также воззвания на немецком, венгерском, чешском и сербско-хорватском языках. В этих газетах печатались статьи писателя, зачастую он был и автором выпускавшихся воззваний.

О работе, которую чешский коммунист вел во время службы в 5-й армии, красноречиво говорит письмо Гашека другу — Салату-Петрлику, тогдашнему председателю Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б): «Если бы я хотел говорить и писать о том, какие я занимал «должности» и что я переделал, то, право, не хватило бы того небольшого запаса бумаги, который есть у нас в Иркутске... Мне всегда дают полно работы, и, когда я думаю, что уже больше никто не сможет придумать, что бы я мог делать, обстоятельства вынуждают меня работать еще и еще. Я вообще не ропщу, поскольку все это нужно для революции».

26 ноября 1920 г. Гашек выехал из Москвы на родину. Он ехал на партийную работу в Кладно по просьбе руководства Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (Левой).

19 декабря писатель снова ступил на брусчатые мостовые своей любимой Праги. С первых же дней на него обрушилась со злобной клеветой буржуазия. Буржуазные и правые социал-демократические газеты обвиняли писателя в предательстве, измене чешскому народу. О писателе распространялись самые невероятные слухи. Гашеку мстили за участие в борьбе за власть Советов в России, за его интернационалистские позиции, за агитационную работу среди солдат мятежного чехословацкого корпуса.

В то время когда писатель вернулся на родину, Коммунистическая партия Чехословакии еще только создавалась. После поражения всеобщей декабрьской забастовки 1920 г., ставшей высшей точкой подъема революционного движения чехословацкого пролетариата в 1918—1920 гг., буржуазия бросила в тюрьмы сотни руководителей рабочего класса. Были арестованы десятки активистов Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (Левой), в том числе делегаты II Конгресса Коминтерна, видные чехословацкие коммунисты, возвратившиеся из России, которые хорошо знали о деятельности Гашека в Красной Армии.

Люди, работавшие в это время в секретариате Левой (некоторые из них впоследствии изменили делу пролетариата), отнеслись к коммунисту Гашеку очень холодно. Они сеяли недоверие к нему, не привлекали к партийной работе. Но даже в это тяжелое время, как свидетельствуют его друзья, он говорил, что от партии не отступится и будет помогать ей как писатель.

Экономический кризис, охвативший после первой мировой войны все капиталистические государства, в конце 1921 г. начался и в Чехословакии. Росло число безработных, предприниматели снижали заработную плату. Буржуазия принимала меры по укреплению своей политической власти, вела широкое наступление на те немногие демократические завоевания, которых рабочий класс добился после установления буржуазной республики.

В фельетонах, статьях, пародиях, написанных в этот период, в особенности тех, которые были опубликованы в газете «Руде право», чешский сатирик обличал общественный строй и политическую систему буржуазной республики, высмеивал демагогические утверждения буржуазных и правосоциалистических деятелей, разглагольствовавших о «свободе» и «процветании» в капиталистической Чехословакии («Какие я писал бы передовицы, если бы был редактором правительственного органа», «Что я посоветовал бы коммунистам, будь я главным редактором правительственного органа «Чехословацкая республика» и др.).

Публицист разоблачал и политику международной реакции, лживость и лицемерие буржуазных лидеров, лишь говоривших о разоружении, но отказывавшихся сделать реальные шаги в этом направлении. Актуально звучит и сегодня гашековский фельетон «Роковое заседание конференции по разоружению», а написан он был в 1921 году! В памфлете «Из дорожника маршала Пилсудского» сатирик вскрыл сущность продажной политики правящих кругов панской Польши, их полную зависимость от империалистических держав.

Гашек оставался верен тем идеалам, за которые он боролся в революционной России. Его публицистические выступления после возвращения в Чехословакию полны горячей симпатии к Стране Советов. Произведения Гашека этих лет характеризуются большой политической заостренностью, глубоким анализом общественных явлений, классовой оценкой событий.

В условиях, когда чешская буржуазная печать развернула шумную кампанию лжи и клеветы против Советской России, писатель разоблачал антисоветские измышления реакционной прессы. Этому посвящены многие его фельетоны и юморески, в том числе «Идиллия винного погребка», «Буржуй Рамзелик» и другие.

В последние годы жизни Гашек работал над романом «Похождения бравого солдата Швейка». В 1921 г. на прилавках книжных магазинов Праги появилось скромное издание в нескольких выпусках, завоевавшее вскоре мировую известность. Это была первая часть романа. Гашек успел написать полностью лишь три части своего литературного труда: «В тылу», «На фронте», «Торжественная порка». Роман остался незаконченным.

Однако уже через несколько лет он завоевал мировую известность. Сатирическое обличение капиталистического

строю, гневный протест против войны; глубокий гуманизм,— все это снискало роману широкую популярность.

«Швейк — это тип чешского «маленького человека», — писал Ю. Фучик... — Швейковщина — это вначале самозащита против неистовства империализма. Но вскоре эта защита перерастает в нападение. Своей пародией на послушание, своей простонародной шуткой Швейк подрывает с таким трудом создаваемую реакционерами силу их власти, он, как червь, точит реакционный строй и вполне активно — хотя не всегда вполне сознательно — помогает ломать здание гнета и произвола...»

Одной из первых стран, в которых вышел перевод книги выдающегося чешского писателя, был Советский Союз. «Похождения бравого солдата Швейка» были изданы во многих странах Европы и Америки. Несмотря на это в капиталистической Чехословакии сатирик не получал официального признания. Его творчество замалчивалось или намеренно принижалось чехословацкой буржуазной критикой.

Осенью 1921 г. Гашек переехал из Праги в маленький городок на юго-востоке Чехии — Липнице-над-Сазавой. К этому времени здоровье его сильно ухудшилось. Здесь он и умер 3 января 1923 года.

Еще в те далекие годы, когда писатель вместе с рабочими и крестьянами России отдавал все силы защите власти Советов, он сражался и за будущее своей родной Чехословакии. В 1920 году в статье «Что станет с Чехословацкой буржуазной республикой?» Гашек выразил твердую веру в торжество социализма на чехословацкой земле. Убежденный интернационалист неумоимо выступал за укрепление пролетарской солидарности, дружбы трудящихся Чехословакии с рабочими и крестьянами первой Страны Советов.

Решением ЮНЕСКО знаменательная дата — 100-летие со дня рождения Ярослава Гашека — отмечалась во всем мире.

В Праге в апреле 1983 г. состоялась международная конференция «Творчество Я. Гашека в борьбе за мир между народами и прогресс». В Москве прошла встреча писателей и литературоведов СССР и ЧССР, посвященная юбилею классика мировой литературы. Во многих городах СССР, прежде всего в тех, с которыми связан славный путь чехословацкого интернационалиста, — в Киеве, Бугульме, Уфе, Челябинске, Иркутске и других, проходили литературные вечера.

На Юбилейном вечере в Колонном зале Дома Союзов в Москве С. В. Михалков сказал: «Ярослав Гашек дорог нам как страстный, неумолимый, беспощадный критик буржуазного общества и как стойкий борец за общество новое, коммунистическое, в котором исчезнут все формы социального и духовного неравенства. Писатель был верным другом наших народов. Борясь за национальное и социальное освобождение своего народа, он сражался в рядах Красной Армии против врагов Советского строя, за нашу свободу. Он близок нам как гуманист, демократ,

революционер, как коммунист и как писатель, правдиво изобразивший жизнь чешского общества эпохи империализма и первые ростки социализма в Советской стране.

Литературное наследие Ярослава Гашека — нестареющее оружие в борьбе с антикоммунизмом, милитаризмом, национализмом и клерикализмом, в борьбе за утверждение самых светлых идеалов человечества».

Оценивая личность и творчество Гашека, нельзя не вспомнить высказывания чехословацкого писателя Ивана Скалы, заметившего: «У нас с Ярославом Гашеком одинаковые друзья и одинаковые враги. Друзья — в лице простых, нормальных людей, которые любят жизнь и сами хотят содействовать ее лучшим и более счастливым формам, а враги те, кто способен лишать человечности каждое человеческое начинание, создать карикатуру на все положительное. Это люди глупые, злобные и злонамеренные, это равнодушие и мещанство, корыстолюбие, претендующее на мировое господство, это те, кто ради своих интересов играет судьбами планеты и человечества».

Говоря об антивоенной, гуманистической направленности творчества великого чешского юмориста, председатель Союза чехословацких писателей Ян Козак, выступавший на Юбилейном вечере в Москве, подчеркнул: «Гашек является нашим живым, действующим союзником в борьбе за мир и жизнь, против угрозы ядерной войны. Он силой своего художественного таланта убедительно доказывает, что совместными действиями, совместными антивоенными усилиями люди способны защитить мир, поставить преграду уничтожению материальных и духовных ценностей. И не только спасти жизнь на нашей прекрасной, голубой планете, но и открыть путь к подлинному мирному сотрудничеству на благо всего человечества».

Писатель-сатирик, стоявший у истоков литературы социалистического реализма, Ярослав Гашек и сегодня вместе с нами в борьбе за осуществление целей самого гуманного в истории человеческого общества, за его принципы и нравственные устои, он беспощадный разоблачитель всего того, что мешает нашему движению вперед, он страстный приверженец всех тех, кто сейчас на земле противостоит безумию империализма, всех тех, кто отстаивает идеалы подлинной человечности, справедливости и мира.

Ю. Щербakov

Поиски пути

Ярослав Гашек—это «рабочий человек, очень много потрудившийся за свою жизнь»,— писала о нем М. Шагинян. А жизнь его была короткой— он не дожил и до сорока. Печататься начал в 1901 году, в 17 лет.

К своему литературному бессмертию Гашек шел сложным и противоречивым путем. Он много странствовал, знакомясь с жизнью трудового люда современной ему «лоскутной» Австро-Венгрии, в которую входили тогда Чешские земли и Словакия. Во время первой мировой войны Гашек мобилизован, а вскоре сдается в плен русской армии. Огромный пласт жизненных переживаний и наблюдений, отразившихся в его работе,—вступление Я. Гашека в ряды защитников революционной России, участие в борьбе за Советскую власть.

В публицистике Гашека этого периода беспредельное сочувствие, любовь к человеку-труженику и язвительный сарказм по отношению к обывателям и высоким чинам империи Габсбургов или других монархических государств; пламенный призыв к миру и уничтожающий смех над устоями буржуазного общества во всех его ипостасях. Здесь отчетливо видно, как постепенно из бытописателя и юмориста вырос мастер острой социальной и политической сатиры.

И в каждом произведении мастера сатирического пера—меткость характеристик, блеск остроумия, помноженные на актуальность и гуманизм, неотделимые от имени Я. Гашека.

ПРЕДВЫБОРНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ЦЫГАНА ШАВАНЮ

Были у цыгана Шаваню политические убеждения? Нет. Ему было безразлично, какая партия стоит у кормила власти в

новом здании парламента в Пеште*. В газетах решались важнейшие политические проблемы, а цыган Шаваню только меланхолично любовался широкими равнинами, на которые открывался такой замечательный вид из его домика, стоявшего на самом краю Борошгаза.

Самые прекрасные политические лозунги не могли взволновать старого Шаваню, а когда в соседнем городе проводили народные собрания, Шаваню любил смотреть на толпы крестьян в бекешах и потрепанных широких штанах, отправлявшихся в город послушать благородного пана Капошфальви, который трижды в год изволил выступать перед своими избирателями.

В такие дни в деревне, как вы сами понимаете, никого не оставалось, а это было на руку семейству Шаваню: можно было кое-что стянуть. Поэтому за приступы красноречия пана Капошфальви Шаваню приходилось потом расплачиваться отсидкой.

Кроме абсолютной независимости политических убеждений, у цыгана Шаваню была еще одна особенность. Он играл на скрипке. О цыганских музыкантах написано уже бесчисленное количество страниц! Но Шаваню был и в этом отношении своеобразен. Обычно цыгане играют, а крестьяне тихохонько сидят, не пикнут, слушают, иногда танцуют. Но когда играл Шаваню, крестьяне должны были пить, а сам Шаваню в отличие от своих цыганских коллег, играя, никогда не пил и не засыпал. Шаваню играл, крестьяне пили, он исполнял все новые и новые мелодии, одну веселее другой; ну, а поздно ночью, когда крестьянам уже было безразлично, по какой струне он проводит смычком, староста вскакивал из-за стола и кричал: «Nagyon szép!» (Замечательно!) и бросал Шаваню деньги, а тот все играл да играл. Случись в такой момент, что аплодирующего старосту от возбуждения хватил бы удар, слушатели единодушно выбрали бы старостой Шаваню.

Были назначены выборы в парламент. Благородный пан Капошфальви десять лет подряд был депутатом, при этом ни разу не вызвал недовольства у своих избирателей и никогда не имел соперников. Но в последнее время он загрустил и, как только речь заходила о выборах, сидел, понуриив голову: у него появился соперник.

Капошфальви потерял сон. Будь новый кандидат хотя бы «благородным» человеком, который мог бы, подобно ему, Капошфальви, проследить свою дворянскую родословную до XVI столетия! Художественно выполненный дворянский герб Капошфальви висел в его рабочем кабинете: красивая, выразительная голова осла и рука с мечом, согнутая под углом 45 градусов. Но его соперник не имел ни дворянского звания, ни герба в кабинете, ни кабинета вообще, потому что был простым крестьянином, правда богатым, но все же крестьянином. Его единственным званием было то, которым его наделили крестьяне,—пан староста. Это он кричал Шаваню: «Nagyon szép!» Звали его Фереш. Его фамилия даже не кончалась на букву «и»,

окончание, которым гордилось свыше пяти тысяч венгерских дворян.

Единственный сын Фереша изучал в Праге право. Этот молодой человек вбил себе в голову, что его отец должен стать депутатом, так как, сдав первый государственный экзамен, юноша вообразил, что второй ему удастся сдать гораздо легче, если в списках будет сказано: «Янош Фереш, сын депутата парламента».

Борошгазский староста Фереш, до сих пор трижды в год с восхищением внимавший речам благородного пана Капошфальви, на последнем собрании крикнул оратору: «А мы что, пустое место?» Фереш малость напугал. Сын велел ему во время речи благородного пана Капошфальви громко выразить свои оппозиционные убеждения. Но благородный пан, к несчастью, говорил о важности разведения мясного скота, и тут-то, к всеобщему изумлению, Фереш разразился упомянутым возгласом: «А мы что, пустое место?»

Благородный пан пригласил цыгана Шаваню, вернее, не пригласил, а велел привратнику привести его. Когда привратник явился с цыганом, Капошфальви сидел в своем кабинете.

— Дорогой друг,—обратился благородный пан к Шаваню, у которого тряслись ноги.—Я надеюсь, что ваши политические убеждения глубоко оскорблены бестактным выступлением пана Фереша, который намерен выставить свою кандидатуру. Я был в течение десяти лет вашим депутатом, и все вы знаете, что не впустию потрудился.

Цыган Шаваню не понял и десятой доли из речи благородного пана и потому только кивал головой, а после каждого слова приговаривал: «Смотри-ка, вот оно как!» Наконец он пришел в себя и ответил:

— Вельможный, благородный пан, я бедный цыган готапо *čáneja*, *čuprikane devlehureske* (клянусь богом), вельможный пан, я никого не обманываю, не ворую, *damneha sovelam* (сплю в комнате), и только несколько лет назад *prašta zidžubena* (со мной случилась беда).

Теперь уж благородный пан не понял Шаваню, потому что в его ответе было очень много цыганских слов. Поэтому он поддакивал: «Верно, верно»—и, чтобы закончить разговор, сказал:

— Я знаю, что ты порядочный человек и прекрасно играешь на скрипке, мне говорили, что крестьяне могут без конца слушать твою игру и, если ты попросишь, ни в чем тебе не откажут. Так вот, прошу тебя, прошу вас, дорогой друг, ходите из трактира в трактир, играйте там и при этом кричите: «Да здравствует наш депутат благородный пан Капошфальви!» А я щедро вознагражу вас за это. Но кричите хорошенько!

— Что говорил тебе благородный пан Капошфальви?—спросил цыгана в тот же вечер староста Фереш, проходивший мимо цыганских хибарок.

— Вельможный пан староста, я должен прославлять в трактирах благородного пана,—сознался Шаваню, которого мало трогало, что перед ним стоит соперник благородного пана.

Дома Фереш передал сыну слова Шаваню.

— Не беспокойся, делай то же, что я, а у меня есть идея,—ответил студент-юрист.—Завтра я сам поговорю с Шаваню.

— Шаваню, я слышал, что ты должен прославлять благородного пана. Молодец, кричи хорошенько,—сказал он на следующий день Шаваню.—Сколько у тебя детей?

— Двенадцать,—ответил цыган.

— Хорошо,—продолжал сын старосты.—Отпусти этих двенадцать детей ко мне на воскресенье. Получишь за каждого по пятьдесят крейцеров.

Неожиданно привалившее счастье, надежда получить деньги на минуту ошеломили цыгана, но он быстро очнулся и стал торговаться. Это, мол, мало, надо бы дать хоть по шестьдесят крейцеров за ребенка.

— Ладно, получишь по шестьдесят,—согласился молодой человек,—но советую тебе, кричи погромче.

Наступило воскресенье. Утром все двенадцать детей Шаваню, можно сказать, в чем мать родила, вышли из усадьбы Фереша. Впереди шагал старший, тринадцатилетний мальчик—у него была рубашка подлиннее,—с зеленым знаменем в руках, на котором было написано: «Да здравствует благородный пан Капошфальви, наш депутат вот уж десять лет!»

В усадьбе их должным образом проинструктировали, и утром, когда особенно много народу шло в церковь, эта чумазая стайка выступала со знаменем по самым оживленным улицам и кричала во всю глотку:

— Да здравствует наш депутат благородный пан Капошфальви! Да здравствует наш благородный отец!

Благородный пан снял свою кандидатуру.

1904 г.

ГОСПОДИН ГЛОАЦ— БОРЕЦ ЗА ПРАВА НАРОДА

В этой тирольской деревне было добрых 60 процентов идиотов, в другой—35, в третьей—40, в четвертой—50, в пятой—45 процентов. Дальше—еще ряд деревень и городишек, где кретины составляли большинство. И все эти деревни и городишки, со всеми этими идиотами, представляли собой избирательный округ, избравший своим депутатом в Имперский совет* приходского священника из Соленицка господина Глоаца.

Само собой, в связи с этим избранием на плечи его преподобия легло тяжелое бремя. Легко сказать—двадцать

крон вознаграждения за каждое заседание, а попробуйте разумно, продуманно истратить эти двадцать крон в Вене!

В этом отношении приходской священник и депутат преподобный тиролец господин Глоац был вне конкуренции.

Номер в гостинице стоил четыре кроны. Оставалось еще шестнадцать крон на день.

Утром он шел на Люксембургский проспект отведать фаршированного перца. Посещением тамошнего ресторана и первым куском фаршированного перца он начал свою депутатскую деятельность...

Он внимательно и заботливо следил за тем, чтоб и в Вене живот его не терял сходства с земным шаром, а броская полоса, откуда начинались брюки,—с экватором.

В области еды Вена представляет большие возможности для наслаждения. За фаршированным перцем следовали венский шницель, несколько кружек пива и так далее...

Можно разнообразить. В другом ресторане сперва потребовать шницель, а потом фаршированный перец и вместо пива — вина...

«Какой славный народ — мои избиратели! — подумал г-н депутат, выходя из второго ресторана. — Я должен оправдать их доверие. Сегодня важное заседание!»

И господин Глоац отправился выспаться в парламент. Там как раз шла хорошая потасовка. Под этим неприятным впечатлением он удалился в буфет, поел там ветчины и выпил литр баварского пива.

— Простите, коллега, — спросил он затем одного депутата, только что вошедшего в буфет. — Там еще дерутся?

— Когда я уходил, дело шло к концу. По морде друг друга больше не били, а только плевали на председательский столик. Советую вам спросить еще пол-литра Пшоррова пива. Пока будете пить, все успокоится — какое-нибудь там крепкое выражение не в счет.

— Последую вашему совету, коллега!

Когда человек немножко взволнован, лишний бутерброд, конечно, не повредит. Почему бы господину Глоацу не заказать парочку? Располагая доверием избирателей, имея чистую совесть. У бога состоя на хорошем счету. Пользуясь несокрушимым здоровьем, что твой вол. И ко всему являясь депутатом. Вознагради их, господи, за двадцать крон! За каким же дьяволом (отпусти ему, боже, прегрешение!) не потребовать бутербродов? Святая депутатская обязанность!

Бутерброды были с лососиной. Он решил спросить еще отдельно на золотой лососины. Не беда, если придется, истратив двадцать крон суточных, тронуть свои. Так или иначе, субсидия духовенству будет повышена.

— Лососины на золотой!

Съевши лососину, он почувствовал, что ее нужно запить, да не пивом, а вином.

«Не обману доверия избирателей! — подумал он, заказывая бутылку кластернейбургского. — Как выпью, сейчас же вернусь в зал заседаний и попрошу слова».

По телу стало разливаться приятное тепло. Он пошел искать уборную.

«Ни за что не обману доверия своих избирателей!» — повторил он и в уборной.

Удивился, что и в парламентском писсуаре тоже пишут всякую всячину. С изумлением прочел: «Граф Штернберг — осел», и ниже: «Кто это написал, тот скотина».

Спокойно улыбнулся, заметив надпись: «Чешские собаки!» — и нахмурился, увидев: «Немецкие разбойники!»

Махнул рукой и стал искать карандаш. Найдя, призадумался, что бы такое написать на мозаичных изразцах. Хотел уж спрятать карандаш обратно, как вдруг пришла славная мысль. Он написал: *Du schönes Land Tirol!*¹ Полюбовавшись на свою надпись, спокойно вернулся в буфет — допить бутылку.

Перед ним остановился кельнер. Депутат посмотрел ему на ноги и увидел вместо черных брюк юбку. Такие же толстые ноги он уже видел у одной женщины там, дома, в горах.

«Если б только эти женщины так не потели», — вздохнул он, помаленьку попивая вино.

Заметил, что многие на него оборачиваются, смотрят. Хотел осклабиться, да поперхнулся и облил себе сутану. Понял, чем вызвано это внимание: он пил не из бокала, а прямо из горлышка.

Налил себе в бокал, исправив ошибку. Тут произошло небольшое несчастье: он слишком сильно сжал в руке тонкое стекло, и бокал треснул.

Потекла кровь. Пошел вымыть порезанную руку. Парламентский врач наложил повязку.

«Если б избиратели мои только знали, как я пострадал», — вздохнул он, снова принимаясь за бутылку.

«Ничего не поделаешь. Обязанность есть обязанность. У нас много обязанностей. К себе... К народу. К государству, а главное, к богу».

Ему показалось, что где-то заиграл орган. У него засверкали глаза, и было такое впечатление, что у каждого кельнера три головы.

Гневно сжав кулак, он сказал себе: «Избиратели почтили меня своим доверием. Довольно. Увидим, кто мог бы лучше защищать их интересы».

Он встал. Кельнер помог ему надеть плащ и спросил, не угодно ли ему рассчитаться. Случается, дескать, некоторые господа депутаты и забудут, и им делает великую честь, если они потом заплатят. Господин Глоац посмотрел с презрением на человека во фраке и заплатил.

¹ О прекрасная страна Тироль! (нем.).

Двадцати крон как не бывало, но я вам говорю: пособие духовенству урегулируют.

Он гордо вошел в зал заседаний. Стал искать свой стол.

Какой-то депутат подставил ему ногу. Он упал. Поднялся с помощью парламентских служителей—не сразу. Страшно захотелось вернуться в буфет, но вовремя вспомнил о том, что избиратели и т. д.

Полчаса блуждал между столиками, прося извинения, когда там-сям сбрасывал на пол какие-то бумаги.

Наконец ему объяснили, что он сидит во втором ряду, восьмой столик с края. Он уселся в кресло, перевел дух. Кругом ругались.

Глаза у него стали такие маленькие, что он еле различал председателя. Ему было теплей, чем в буфете.

С одной стороны неслись крики:

— Свины! Босяки! Мерзавцы!

С другой:

— Вор! Скотина! Подлые грабители!—и т. п.

Он уже не различал отдельных ругательств. Ему казалось, что вокруг звучит какая-то приятная музыка. Он стал засыпать. Очнулся еще раз. Рядом кто-то ломал кресло, чтобы кинуть ножку в противника.

Он вынул платок, большой такой, красный, и принялся важно утирать нос. В конце концов платок выпал из руки...

Господин священнослужитель окончательно уснул. Он так сильно храпел, что порой заглушал голос оратора.

*

Через час от господина Глоаца стал распространяться сильный запах. Между партиями установилось отрадное согласие: все сидящие вокруг этого депутата зажали носы платками.

Вдруг все увидели, что господин Глоац встал с закрытыми глазами, поднял правую руку кверху и сделал такое движение, будто потянул что-то вниз.

— Что вы делаете, коллега? — разбудил его один депутат, у которого был насморк.

Выпучив на него глаза, пан Глоац проворчал:

— Хочу воду в клозете спустить, да никак ручку не найду...

Так господин Глоац впервые выступил в парламенте в качестве непоколебимого борца за права народа.

1906 г.

О ПАРЛАМЕНТАХ

Об этом уже стали мало-помалу забывать, потому что произошло это в 1897 году*, а сейчас идет 1907 год. Приехал к нам тогда в декабре из Вены один депутат. Приехал, вечером

все собрались в трактире, и он принялся рассказывать, что такое парламентаризм и чем все это кончилось в Вене. Говорил, что парламентаризм есть та форма политической системы, согласно которой управление государством осуществляется при участии народных представителей, которые обладают правом неприкосновенности, то есть, иными словами, полиция не может посягать на них. Потом он помолчал, вытер нос и рассказал, какая у них в Вене произошла неприятность.

Полиция ворвалась в парламент, избивала нескольких депутатов и вытащила их, волоча за волосы и за ноги, на улицу. Он при своей неприкосновенности получил несколько тумаков, но ведь он защищался, прежде чем органы безопасности сумели выбросить его из парламента. И опять он начал мечтательно повторять, что парламент есть та форма политической системы, согласно которой управление государством осуществляется при участии народных представителей...

Был там один преподаватель гимназии, который сказал, что в латинском языке есть одно слово, и что это слово — «parlare», то есть по-нашему «говорить», у слова «parlament», судя по всему, тот же самый корень, и парламент в этом случае означает такую форму политической системы, при которой управление государством осуществляется при участии говорящих представителей народа.

Потом там был еще один человек, для которого не было ничего святого и который ухмыльнулся и сказал, что странное же это участие говорящих представителей народа в управлении государством, если правительство при помощи полицейских может выбрасывать из парламента этих говорящих представителей народа.

После этого депутат нервно заерзал на стуле и заявил, что ему дурно от всего этого парламентаризма...

Как я сказал, с тех пор прошло десять лет, и за это время мы видели и слышали много подобной всячины. У правительства — власть, у депутатов — только голосовой аппарат.

В Венгрии один поручик-ополченец распустил имперский сейм. Пришел в парламент, вынул саблю из ножен и что-то зачитал. Депутаты не двинулись с места. И тут подошла армия.

У правительства есть армия. У армии есть сабли, у армии есть винтовки, у армии есть пушки, а у депутатов?.. Об этом говорил еще тот учитель из гимназии, что «parlare» значит «говорить». Депутаты могут противопоставить этим саблям, винтовкам и пушкам только свой язык.

Говорить-то, разумеется, разрешается. Как в той русской думе*. Депутаты провозгласили, что помещичья земля должна принадлежать ее исконному хозяину, мужику. Разумеется, потом им пришлось бежать в Финляндию, нескольких посадили, нескольких сослали в Сибирь и так далее.

И опять на Руси новые выборы, опять у них будет парламент, опять депутаты будут говорить, опять будут сбегать

в Финляндию, и опять народных представителей, участвующих в управлении государством, будут сажать в тюрьмы, штрафовать исылать в Сибирь.

Это называется участием в управлении государством. Согласно теории государства, эти депутаты-заключенные управляют страной. Сидят за решеткой, но зато пребывают в приятных воспоминаниях о том, что когда-то они были неприкосновенны. Но когда они возвратятся из тюрьмы, захотят ли они снова стать депутатами? Только идиот мог бы позволить себе баллотироваться, когда у него меньше свободы, чем у избирателя.

В основе слова парламент во всех языках одинаковое значение: по-английски—это парламент, по-французски—тоже парламент, по-немецки—рейхстаг, по-русски—дума, по-итальянски—диета, в Америке—конгресс, в Испании—кортесы, в Сербии—скупщина, в Болгарии—собрание и так далее. Собираются люди, которых избирает народ. Потом эти люди начинают о чем-то говорить. Если властям это нравится, ладно, хорошо, пусть говорят. Если не нравится, тоже хорошо. Представителей народа отправляют домой. Это настолько просто, что депутатам часто и в голову не приходит, почему бы им и вправду не пойти домой, если этого хочет правительство. Это то же самое, когда ко мне на улице подходит полицейский и говорит: «Именем закона, разойдитесь!» Если я не реагирую, он вынимает саблю и кричит: «Именем закона, разойдитесь!» Если я и в этом случае не уйду, он говорит: «Именем закона, я вас арестовываю!» И это на улице, а в парламенте, где депутаты неприкосновенны,—то же самое.

Расскажу вам одну забавную историю о депутатской неприкосновенности, происшедшую в декабре 1897 года.

Когда в этот раз полиция проникла в парламент и начала вытаскивать оттуда депутатов, все они стали кричать, что обладают правом неприкосновенности.

— Позвольте, господин полицейский, но я ведь неприкосновенен!

— Предупреждаю вас, господа, что я неприкосновенен!

— Люди, разве вы не понимаете, что я неприкосновенен?

— Ради Христа бога, почему вы меня бьете, я же неприкосновенен!

— Братцы, что же вы позволяете себе давать затрещины мне, неприкосновенному?!

— *Marß hinaus, sie Lausbuben!* Прочь отсюда, мерзавцы!

— Еще раз обращаю ваше внимание на то, что я непри...

Дальше этот индивидуум не успел договорить, потому что получил хорошенько по одному месту, на котором раньше сидел в своем депутатском кресле, и теперь летел вниз головой.

Был там еще один депутат, который спрятался под опрокинутыми депутатскими креслами. От страха он почти не дышал, и тут с ним произошло то, что случается даже в самых порядочных семьях. Он издал звук...

Полицейские пошли на звук и вытащили из парламента беднягу, последнего из могижан.

— Еще один неприкосновенный,— сказал полицейский и потащил его за ворот к лестнице.

— Я неприкосновенен,— кричал несчастный из последних сил, надеясь, что это спасет его от пинков. Ошибся.

«Этот экземпляр даже не знает, какие у него права,— разозлились полицейские,— он даже не знает, что обладает правом неприкосновенности, и такие люди еще называются депутатами, позор!»

Схватили беднягу и отлупили его. «Хороший же ты депутат, если даже не знаешь, что ты неприкосновенен!»

Парламент существует с давних времен. Это примерно то же, что религия. Люди верят. Верят в господа бога, верят в парламент.

В Древней Греции нужды Эллады обсуждали представители отдельных общин. В Риме— «*Senatus populusque Romanus*», то есть «сенат и народ римский». Иногда, правда, в римском сенате происходили дела весьма любопытные, например когда заговорщики убили Цезаря-тирана.

Иными словами, уже в древности уйма времени тратилась на собрания, где занимались только разговорами.

В средние века именно Франция стала первой использовать слово «парламент», только тогда это слово означало «судебная палата».

Французский парламент осуждал людей на смерть.

Позже это слово употреблялось во Франции в значении «сейм».

А что же такое сейм? Как гласит общее определение, сейм есть собрание уполномоченных лиц, которое временами созывается, чтобы решать проблемы от имени всей страны, всех людей, классов и сословий, например церковные сеймы.

Сеймы, стало быть, действуют от имени кого-то. Но этот кто-то не имеет права действовать сам. И у меня нет такого права, но зато у меня есть право присоединить свой голос к голосам остальных, которые решат, что от нас в парламент пойдет кто-то, кто будет говорить, что столько-то и столько-то тысяч людей должны довольствоваться тем великим бесправием, которое называется правом, то есть правом написать на листке бумаги фамилию того, кто будет от моего имени действовать в парламенте, но к которому я не могу испытывать доверия, потому что парламент—такой же предрассудок, как и религия.

Все старые предрассудки мы изживаем, но изжить парламент, срамящий всю историю человечества, оказывается недостижимым для человеческого разума.

Теперь несколько слов о сеймах вообще. В отношении того, как стать депутатом, существуют только две возможности: либо право представительства дается мне непосредственно прави-

тельством, мне, за мое имя, персону, и тогда это так называемое право наследственных депутатов, либо меня избирает народ.

Сеймы, кроме того, делятся на две палаты: палату совещательную и палату законодательную. Законодательной палатой у нас является палата господ.

Вы понимаете, что это значит—палата господ? Господа, господа, господа. Господа выносят решение тому, что уже обсудила совещательная палата, состоящая из народных депутатов.

В палате господ душатся любые демократические начинания, ибо палата господ состоит из глав старейших дворянских родов, высоких сановников, видных священнослужителей, представителей различных университетов, корпораций и учреждений.

В Англии—это палата лордов, в Баварии—палата советников, в Италии—сенат, в Америке—сенат, в Испании—палата грандов, у нас—палата господ и так далее.

И все эти члены господских семей, епископы, дворяне и прочие представители одобряют или не одобряют решение народных депутатов из народной палаты.

Обязанности депутатов! Еще увидите, как будет это выглядеть на фоне всеобщего избирательного права. Просто сказочно! Придут депутаты, одни республиканцы, и скажут: «Мы хотим республику!» И будет так же, как тогда в Испании в 1870—1880 годы*. Там тоже говорили такие вещи. И правительство, ясное дело, приказало нацелить пушки на парламент и окружить его войском. Но теперь так не будет. Новые депутаты, выбранные на основе всеобщего, равного избирательного права при тайном голосовании*, соберутся, и один из них, самый смелый, начнет свою речь следующими словами: «Уважаемые депутаты палаты! Министерским постановлением от 10 мая 1866 года № 8823 чешским живодерам было запрещено разводить свиней в Австрии. Живодерам же, которые исправно занимались своим ремеслом, разрешалось разводить свиней для личного пользования. Мы, парламентарии, на основе всеобщего и тайного избирательного права возносим свою нижайшую просьбу к нашему славному правительству, чтобы этой явной несправедливости был положен конец и живодерам разрешили разводить свиней на благо всего общества...»

1907 г.

ПОЭЗИЯ СОЦИАЛЬНАЯ

А в ней еще более мрачная и удручающая доза сентиментальности, чем в предшествующих изделиях молодых литераторов.

Гудят колеса, шестерни,
Вращаясь непрерывно.

И во всех этих поэмах, в стихах и прозе, во всех романах и рассказах перед читателями предстают жалкие фигуры, терпящие притеснения, без надежды блуждающие в потемках. Это — ремесленная литература, где авторы не показывают, по какой дороге должен идти народ, а только причитают над его страданиями.

Слово «страдать» присутствует на каждой странице рассказа, в каждом стихотворении. Страдает рабочий, работница и дети этих страдающих родителей. Поэты им не помогают. Но наоборот, сами падают вместе с ними в грязь; читателям же рисуют безнадежные горизонты.

То здесь, то там появляется утренняя заря, без которой не может обойтись ни один социальный поэт. Заводские трубы, увитые кровавыми розами. Багровое небо, и вдали, над унылыми толпами рабочих, вливающимися в ворота фабрик, — дождь.

Унылые толпы — это парадный реквизит социальной литературы. Кое-где вам обещают мсть, но никогда не осуществляют ее. Случается, что такой пиит откроет стрельбу по бастующим и для проформы бросит камень в голову офицера. Но обещанной мести вы не найдете. Забастовщиков уводят в кандалах. Это один вариант.

Иной пишет, как фабрикант, соблазнив работницу, вышвырнул ее за дверь. Работница, естественно, плачет и сжимает кулаки. Где-нибудь снова появляется парадная заря. Обманутая клянется отомстить и кидается в пруд, а если действие происходит на сахарном заводе — в какую-нибудь наполненную водой яму.

Другой поэт ждет, пока работница, соблазненная и отвергнутая цинично смеющимся сыном фабриканта, родит. Младенец обычно бывает мужского пола. Работница, задушив своего ребенка, вместо того чтобы задушить его отца, предстает перед судом. Этот сюжет излюблен в социальных драматургических произведениях. Далее все зависит от поэта. Либо он заставит присяжных осудить жертву-душительницу, либо оправдает ее. Решает тут авторская индивидуальность: то есть отрывал ли поэт в детстве мухам лапки или нет. Если он чувствителен, то освобождает обвиняемую, и она, рыдая, покидает сцену.

А вот еще одна излюбленная тема социальных стихотворений: шахтер рубает уголь, и кусок породы обрушивается на него. Перед тем как отдать богу душу, он вспоминает о своей жене. Этим стихотворение и заканчивается. В нем ничего не говорится о том, что нужно наконец расквитаться с эксплуататорами пролетариата.

Пролетариат в этих стихах не более чем марионетка в руках поэта, а вместе с тем и в руках капиталистов, о которых поэт пишет.

Пролетариат вздыхает, пролетарии с грустными улыбками бродят по фабрикам.

Идет рабочий по цехам угрюмыми шагами.
К нам, друг, скорей!
Поговори, засмейся грустно с нами.

Грустные улыбки. И грустное повествование.

Уголь в шахте мы рубали,
Далеко вверху земля —
Про нее мы вспоминали,
Про ее луга и дали,
Чистый воздух и поля...

Рабочие разговаривают о том, как холоден уголь, как он осыпается им на головы и как в это время шахтовладелец наверху, в замке, пирует среди зелени деревьев. Но о том, чтобы рабочим подняться наверх, в эту зелень деревьев, и взять то, что им принадлежит, что отнято у них пирующими,— об этом поэты не поют.

Над трубами заводов дым.
Я кровью харкаю.
Но жду я бурю всей душой
И песню жаркую.

Ждут поэты, а с ними — рабочие и читатели.

Социальная литература должна обращаться к душам тех, кого она воспевает. А она говорит им об одном только ожидании. Вот-вот забрезжит алая заря.

Мы ждем и верим: нас разбудит
Багряно-розовый рассвет.

Но выходит второе издание тех же стихотворений, и опять:

Мы ждем и верим: нас разбудит
Багряно-розовый рассвет.

Колыбельная все время повторяется. Мне это кажется похожим на: «Спи, малютка, спи, глазоньки сомкни. Будет бог с тобою спать, ангел колыбель качать, спи, малютка, спи».

В социальных стихотворениях поэты препоручают народ великой заре и убаюкивают его вместо ангелочков.

Усталость в темных улицах блуждает,
Когда в изгибах крыш струится ночь.

В социальных стихах много усталости, которая блуждает из строки в строку. Много грез выдумали эти поэты.

Горизонт затянут тучами. Толпы отчаявшихся полегли под пулями. Крики подавлены.

Когда злой ветер фонари качает,
Голодным — лишь зубами скрежетать.
Наверняка кому-нибудь сегодня
Труп сына волны вынесут опять.

Голодные люди ходят по улицам и скрежещут зубами, но у них не хватает смелости взять кусок хлеба. Почему? Этого не желают поэты. Если бы все люди насытились, такому поэту не о чем было бы писать. По его мнению, слово «пресытившийся» или «насытившийся» не годится в стихотворение. Впрочем, социальные авторы сами обречены на ту же судьбу, что и народ, о котором они слагают стихи:

Сижу я над обрывом, лоб в ладонях,
И на восток гляжу... Во мраке вьются
Зарницы дальние: то малых душ порывы,
То искры взрывов малых революций.

Поэты сами не знают, чего они хотят:

Я хочу только выплакать душу
И сложить тебе песню, народ.

Это хоровод, который начинается грустью и вокруг грусти кружится.

Вам, сынам кратеров черных,
Вам, на севере, в душных могилах труда,—
Вам песнь боли, вам песнь печали.

Так говорит поэт, который в конце концов сам о себе поет, что он —

Загубленная жизнь, души обломок,
Отродье бедняков, отродье нищеты.

Он поет лишь убогие песни, потому что иные песни не подойдут убогой хате.

Поет песни с ритмом болезненным, как тягостная жизнь тех, кому они посвящены.

Сплошные тяготы жизни, сплошные слезы, сплошное хныканье — и это читается преимущественно рабочими. Такая литература воспитывает из них плаксивых баб, единственное утешение которых — воспоминания, слабая надежда, что когда-нибудь все же настанет какая-то новая заря. А покамест их жены, по собственным словам поэтов, «дают миру новых рабов»...

Когда наконец мы услышим песни без фраз, когда наконец прочтем социальный рассказ без вечного хныканья и увидим на наших сценах настоящую социальную пьесу — пьесу о победоносном восстании, песню мятежа, гимн побеждающего пролетариата, а не смехотворную дребедень, вроде социального стихотворения в жалком майском номере социал-демократов — «Сон павшего героя 48-го года о всеобщем избирательном праве...».

О КАТОЛИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Недавно я понес невосполнимую утрату: умерла моя тетья, которую я не знал, но которая даже чересчур хорошо знала меня, поскольку оставила мне в наследство пять годовых подшивок журнала «Доминиканская роза», органа монахов-доминиканцев.

Каково могло быть назначение этого посмертного дара? Разумеется, мое исправление. Недаром в одном из номеров журнала напечатана такая декларация:

«О, если подлинная, святая, животворная вера побудит читателя нашего журнала к набожным размышлениям, мы вознесем к небу благодарственные молитвы. И хотя мы бродим еще по свету во прахе, приблизимся духом своим к совершенной святой церкви. Так будем же с усердием читать для этого «Доминиканскую розу» и, когда научимся понимать ее надлежащим образом, научимся также, согласно изречению святого Августина, и жить надлежащим образом. А кто умеет жить надлежащим образом, тот и умрет умиротворенным».

Ах, милая тетья! Ты не хотела, чтобы я умер неумиротворенным! И вот я читаю «Доминиканскую розу». На улицах я останавливаю людей и спрашиваю их: «Читали ли вы „Доминиканскую розу“»? В трактиры я уже не хожу, а провожу вечера в набожных размышлениях и чтении таких достойных журналов, как «Св. Войтех», «Кршиж и Мария», «Св. Чех», «Св. Меч», «Властенец», «Ческе цветы», и других.

Я читаю все: рассказы, стихи, изречения. Поток слез льются из моих глаз. В одном из этих журналов я прочел рассказ «Богохульник». Речь там идет вот о чем. В некоем селе на Мораве жил негодяй, который надумал в великую пятницу угостить своих гостей свиной. Пошел он заколоть поросенка. Связав его, он несколько раз допустил грех богохульства. Небо не могло уже больше терпеть его злодеяний. Наказание пришло незамедлительно: богохульник, сам не зная как, вонзил себе в сердце нож и тут же на месте умер, а поросенок весело побежал к дому приходского священника.

А сколько красоты таится в другом рассказе, «Божьи мельницы». Эпиграфом к нему служит изречение: «Божьи жернова мелют медленно, но верно». На крыше костела работали три кровельщика: католик, евангелист и неверующий. И возжелал бог, чтобы упали они с крыши. И произошло чудо: неверующий разбился насмерть, евангелист сломал руку и ногу, и только католик не понес никакого урона. Увидя это, евангелист тут же перешел в католическую веру.

В одном из рассказов повествуется о том, как однажды молния ударила в группу рабочих. Те из них, которые были социалистами, получили страшные ожоги.

«Слава богу,— сообщает писатель,— из двадцати рабочих социалистов было только двое».

Как видим, тут еще для социалистов все обошлось сравнительно благополучно. Хуже пришлось одному социалисту из деревни. Встретил он как-то приходского священника и не поздоровался с ним. Его тут же разбил паралич.

Паралич, провидение божие, молния—это излюбленные концовки таких произведений, особенно в «Святом Войтехе». Иногда вместо них выступает инквизиция. Но поскольку церковь все-таки не хочет отставать от прогресса, один католический писатель ввел в рассказ автомобиль, который задавил неверующего.

Человек просто не в силах оторваться от такого рода занимательных рассказов. Но привлекают и философские рассуждения. Например: «Можно ли считать оскорбление пророка Ильи преступлением против религии?» Ответ совершенно непререкаемый: «Конечно!» Ведь это так логично, что за пророка Илью дают шесть месяцев кутузки. Раньше за такое злодеяние преступников бросали медведям.

Однако следовало бы констатировать: все же существуют люди, которые раньше вели греховный образ жизни, но которым достаточно было указать на какое-нибудь чудо, как они тут же возвращались в лоно святой католической церкви.

О таком случае речь идет, например, в рассказе «Как еврей Краус стал католиком».

Этот самый Краус был неверующим, но приходский священник сумел наставить его на путь истины.

— Вы думаете, пан Краус, что чудес не бывает?—спросил он однажды.—Ну, так послушайте. Как-то в пятницу я увидел на улице перед одним домом маленького мальчишку, который ел сардельку. Меня это, конечно, глубоко возмутило, и я стал молиться. «Господи, ты видишь это кощунство—в пятницу он ест мясо! Господи-боже, накажи негодяя. Пусть на него обрушится этот дом!» Но тут же я подумал, что негодяй-то еще слишком мал и, наверно, даже не подозревает, какой он совершает ужасный грех. И начал я молиться еще горячее: «Господи, прости ему это прегрешение и не позволяй дому обрушиться на маленького грешника!» И что вы думаете, пан Краус, бог услышал мою молитву, и дом не обрушился на этого парнишку! Верите вы теперь в чудеса?

— Верю!—отвечал пристыженный Краус и вскоре принял католическую веру.

Как видите, согласно этим назидательным историям, часто бывает достаточно одного лишь доброго слова. Слово может даже бунт предотвратить.

Этому посвящен помещенный в «Доминиканской розе» рассказ «Вовремя сказанное слово». В одном поместье батраки работали за двадцать крейцеров в день. Однажды они поняли, что получают слишком мало, взбунтовались и бросились на владельца поместья.

Тот взмолился к бунтовщикам:

— Люди добрые, не бейте меня! Я вам докажу, что вы введены в заблуждение. Пойдемте на кладбище!

На кладбище он измерил могилу недавно умершего бедного рабочего и сказал:

— Смотрите, люди добрые, длина могилы два с половиной метра. А теперь идемте к моему склепу.

Здесь он измерил приготовленный для него гроб.

— Люди добрые,— снова обратился он к рабочим,— мой гроб также длиной в два с половиной метра. Видите, после смерти все мы становимся равными. Идите домой с миром!

Батраки, конечно, послушались, попросили у хозяина прощения и продолжали дальше работать за двадцать крейцеров в день, с надеждой ожидая смерти, которая устранимт имущественное неравенство.

Католическая печать так легко разрешает социальный вопрос, что человек просто не может оторваться от этих журналов.

Но невольно приходят на мысль четыре вопроса:

1. Что было бы с человечеством без католической печати?

2. Что из него стало с помощью католической печати?

3. Что могло бы еще с ним стать при помощи католической печати?

4. Что еще наверняка с ним случится при помощи католической печати?

Завершим наши набожные размышления стихотворением князя Гогенлоэ, духовного советника бамбергского епископства:

Простил ты грешницу, разбойника простил,
Могу надеяться и я, хоть и достоин наказания.
От кары вечного огня меня избавишь за рыданья.

Когда знакомишься с католическими произведениями— в прозе ли, в стихах ли,— невольно приходит в голову, что всю католическую печать смог бы редактировать семилетний ребенок.

1908 г.

БУНТ АРЕСТАНТА ШЕЙБЫ

Администрация тюрьмы лишила арестанта Шейбу дополнительного кнедлика, который он получал в качестве вознаграждения за то, что выполнял обязанности министранта.

Необходимо экономить, а ведь кнедлик стоит четыре геллера. Арестант прислуживает во время мессы сто раз в год, что составляет сто кнедликов или четыре кроны. И эти четыре кроны администрация тюрьмы сбережет. Начальник тюрьмы потер руки от удовольствия. Как этот Шейба вытарашит глаза, когда после мессы узнает, что служил господу богу даром.

Надев мундир, начальник тюрьмы отправился в часовню, где уже ждали заключенные. Некоторые из них с наслаждением

мусолили найденные по дороге в часовню окурки, радуясь, что они шли в костел не напрасно. Один из арестантов, отбывающий пожизненное заключение, неотрывно смотрел на солнце, лучи которого проникали через окна часовни.

Он ходит сюда уже пятнадцать лет и, когда солнце не светит, дремлет стоя. Лучи солнца обладают для него притягательной силой. Он всматривается в них в течение всей проповеди, всей мессы, не слыша, что происходит, механически опускаясь на колени, крестясь, он видит только солнечные лучи. Они проникают с воли—в этом их притягательная сила. Другие заключенные пялились на ангела-хранителя, намалеванного на потолке. Ангел выцвел от времени, местами потемнел от грязи, поэтому казался похожим на главного надзирателя из столярной мастерской. Одну руку, толстую, как нога, этот неудачливый ангел протягивал к первым рядам, где стояли малолетние заключенные.

Большинство из них ехидно ухмылялось, глядя на своего надзирателя, из кармана которого торчала бутылка рома.

После ночного дежурства надзиратель находился в приподнятом настроении. Все ждали, когда он фальшиво запоет: «Боже, пред твоим величием...»

Неподалеку от них стоял повар, седой арестант. Он сидит уже шестой год и радуется глаз своей толщиной. Надзиратель, приглядывающий за кухней, тоже весьма упитан, но повар наверняка превзойдет его, не отсидев еще свои десять лет. Надзиратель из кухни стоит рядом с поваром, и оба зевают. Скорее бы началась проповедь, скорее бы закончилась месса.

Для них присутствие в часовне—самое неприятное время за всю неделю. Опускайся то и дело на колени, а поднимать тяжеленное брюхо—сплошное мучение.

В толпе пожилых заключенных раздается рыдание. Все повернулись. Опять старый Кутина притворяется, будто плачет? Ограбил почтовую казну на двадцать тысяч, а теперь жалуется, что его, дескать, совесть грызет и жалко ему министра торговли.

Заключенным смешно, но они сохраняют серьезность, стараясь не показать, что Кутина ломает комедию.

Вот будет потеха, если во время проповеди тюремный капеллан, как в прошлый раз, начнет указывать на Кутину рукой и провозглашать громовым голосом: «С него берите пример. Он раскаивается в своих поступках. Он знает, что кара господня неотвратима и всех грешников, упорствующих в своих заблуждениях, ждет тяжкое наказание. Он плачет, понимая, что лишь искреннее раскаяние откроет врата небесные. Господь милосерд».

По просьбе капеллана Кутине стали давать больничный паек. Он платит за это новыми рыданиями, полагая, что вот-вот начнется проповедь.

Начальник тюрьмы смотрит на часы. Сегодня капеллан опаздывает на десять минут, а ведь вчера за картами начальник

просил его: «Не запаздывайте с проповедью, вы же знаете, что в десять я должен быть в нашем винном погребке». И вот как капеллан держит слово. А в тюрьме все должно идти как часы, и богослужение тоже.

Наконец капеллан поднялся на кафедру, готовясь произнести краткую, но выразительную проповедь. Капеллан досадовал, что его проповеди—все на один лад, чего доброго, супруга начальника тюрьмы подумает, что он не способен на большее,—это было бы ему весьма неприятно.

К тому же на капеллана пялится толпа бритых лиц и коротко остриженных голов, построенных в одну линию, что всегда вызывало у него отвращение.

Ему должны повысить плату. Он получает три золотых за проповедь и десять крон за мессу. Его проповеди, дескать, не оказывают большого воздействия на заключенных. А чего же ждать за три золотых? Здесь, скажем, триста арестантов, значит, за исправление каждого он получает крейцер. Мало, не правда ли? Итак, во имя отца и сына и духа святого... Капеллан заговорил о злодеях, распятых ошую и одесную господу нашего. Дамиан и Косьма. Сбившись, он начал снова. Так вот, Косьма и Дамиан. «Еще ныне ты придешь со мной в царствие божие». А начальник тюрьмы вытаскивает часы. Ага, ведь в десять часов он хотел уже сидеть в винном погребке. Эка важность! Вчера начальник выиграл у него золотой, пусть теперь подождет. Капеллан продолжал говорить о злодеях, наблюдая за нервными движениями начальника. «Знайте, о грешные, что райские врата не откроются без истинного раскаяния». Ишь, какую мину скорчил начальник тюрьмы. Ничего, потерпишь без талианов и бутылочки винца до половины одиннадцатого. Черт возьми, ведь правда, сегодня будут талианы. Нужно поскорее закругляться. «Грешный человек да покается, как этот негодяй, и получит прощение. Еще ныне ты придешь со мной в царство божие. Эти слова относятся и к вам. Помните их, и давайте помолимся о благих помыслах ваших. Во имя отца и сына и святого духа... Отче наш...»

Начальник расплылся в радостной улыбке. Все-таки он попадет в ресторанчик раньше, чем от талианов останется одно воспоминание. Только бы мессу поскорее отслужили. Есть же у них совесть. В ризнице зазвенел колокольчик.

Начальник бросил радостный взгляд на Шейбу, шедшего впереди капеллана к алтарю со служебником в руках.

Шевелись, Шейба. Но Шейба полностью отдается исполнению своих обязанностей, чтобы заслужить свой кнедлик. Целых два кнедлика.

Шейба с усердием произносит: «Confiteor!»¹

Целых два кнедлика. Ах, как пахнет разрезанный кнедлик! А лук, поджаренный на сале!

¹ Каюсь! (лат.)

Шейба—большой любитель поесть и усердный министрант. Теперь он произносит: “Kyrie eleison” и “Christe eleison”.¹ Три раза “Kyrie”, три раза “Christe” и снова три раза “Kyrie”. Шейба взывает к милосердию божью нараспев, с выражением. Чем дольше служба, тем ближе обед. В часовне он— важная особа, а там—арестант. Поэтому Шейба говорит медленно, чтобы продлить мессу и сократить время, оставшееся до обеда. Ведь он так ждет свою добавку.

“Et...cum... spiritu... tuo”²—Шейба произнес эти слова медленно и с чувством. Наверно, повар снова выберет для него самый большой кнедлик.

Начальник тюрьмы в бешенстве вращает глазами. Обычно они в это время приближались к концу мессы, а сегодня застряли на Послании Апостолов.

“Deo gratias!”³—торжественно изрек Шейба после прочтения послания. Бог—свидетель, как он предвкушает это сало с луком, это растопленное сало, в котором плавает кнедлик.

Начальник тюрьмы зевнул. Погоди, Шейба, мерзавец, в следующий раз ты не станешь бубнить так медленно, когда узнаешь, что не получишь второго кнедлика! Как будто нельзя сказать “Deo gratias” одним духом, вроде “dgras”,—нет, он тянет на целую милю: “Deo-o-ogtat-ti-as...” И капеллан должен все это время стоять, набожно сложив руки. С ума сойти, как медленно этот негодяй Шейба бьет себя в грудь. Ну, наконец-то “Agnus dei”⁴, а вот и колокольчик. Сиди тут и дрожи от страха, что от талианов тебе достанутся одни шкурки. Ну погоди, Шейба! Угодишь в карцер за то, что произносишь «Атеи»⁵ так медленно. Ах, ты, копуша несчастный. Уже давно пора сказать “Ite missa est”⁶. Как же медленно он льет воду для омовения. Только этим задерживает мессу минуты на три, не говоря уже об остальном...

Начальник раздраженно выругался про себя. Принимая причастие, он с такой силой ударил себя в грудь, что по всей церкви стало слышно. Как этот Шейба копается!

Очи Шейбы горели восторгом, он переносил служебник на левую сторону алтаря так медленно, что начальник тюрьмы потерял всякую надежду увидеть талианы.

Зато Шейба все больше радовался предстоящему обеду. Кнедлик, плавающий в соусе. А сверху лук, пахучий, золотистый. Кнедлик представлялся Шейбе небом, а лук—звездами на нем.

— Iiiiite miiiiissa est,—Шейба растянул фразу как можно

¹ «Господи, помилуй» и «Христос, помилуй» (древнегреч.).

² И со духом твоим (лат.).

³ Благодарение господу (лат.).

⁴ Агнец божий (лат.).

⁵ Аминь (лат.).

⁶ Идите, месса окончена (лат.).

дольше.— Deoooo gaaatiaaaasss! — зашипел он. Ах, как чудесно будет разрезать кнедлик ложкой, потом посолить и размешать в жирной подливке.

Наконец арестанты получили благословение, началось чтение «последнего Евангелия»: «В начале было слово, слово было у бога и слово было бог». Начальник пришел в отчаяние от того, что святой Иоанн сочинил такое длинное начало Евангелия.

— Теперь еще «Отче наш» и «Богородице, дево, радуйся», — думал начальник тюрьмы, — а потом я прикажу привести к себе Шейбу.

Дождавшись последнего «аминь», начальник вышел в коридор, чтобы встретить Шейбу, когда тот пойдет из ризницы в свою камеру.

— Шейба, — сказал начальник тюрьмы, — администрация приняла решение не давать вам добавку в виде кнедлика за выполнение обязанностей министранта. Кто хочет служить богу, делает это даром, а не за кнедлик. Ясно?!

И случилось так, что Шейба объявил забастовку. Он отважился на этот шаг после долгой душевной борьбы. На одной чаше весов лежал кнедлик, а на другой — служение богу. Шейбе пришлось выбирать между пищей духовной, мистическим хлебом, и продуктом весьма осязаемым и необходимым. После долгих размышлений и ссоры с другими заключенными камеры № 18 он избрал последнее. Пятеро его собратьев по камере настаивали на быстром разрешении конфликта — просто сказать: «Хорошо! Нет кнедлика, нет и министранта».

Но Шейба боялся прогневить господа бога. В то злосчастное воскресенье он сидел после обеда за столом. Правда, он наелся не так, как обычно по воскресеньям, но особого голода не испытывал.

— Господь бог прогневаается, — неустанно повторял Шейба.

Читая по слогам, он углубился в какую-то книгу божественного содержания, из коих состояла развлекательная часть тюремной библиотеки.

— Да, братцы, — произнес Шейба, отложив книгу, — тут здорово описано, как один крестьянин ругался и богохульствовал, когда пахал в страстную пятницу. И вдруг как грянул гром с ясного неба — и оба вола убитые лежат.

Эта чушь рассмешила всю камеру, что возмутило Шейбу.

— Мы внизу, господь бог — наверху, понимаете, — горячился он. — А я вот служил бы господу всего лишь за тарелку супа, мне и кнедлика не нужно. Даже если не получу ничего, все равно буду доволен и скажу: «Бог дал, бог взял, да святится имя господне».

К вечеру Шейбе захотелось есть. Обычно в воскресенье, получив два кнедлика, он приберегал половину мяса на ужин, но сегодня, когда у него был только один кнедлик, он съел все мясо разом, ничего не оставив на вечер.

И тогда Шейба пустился в рассуждения о том, что ему должны были дать хотя бы супа.

Конечно, это была греховная мысль, поэтому Шейба принял-ся, расхаживая по камере, читать «Отче наш».

Казалось, молитва возбуждала его аппетит еще сильнее, чем греховная мысль о тарелке супа. Чем больше и горячее Шейба молился, тем сильнее ему хотелось есть. И что бы он ни делал, набожность его отступала перед голодом. Она была меньше кнедлика и постепенно исчезала, уступая место кнедлику, большому и аппетитному, да еще с луком.

Три года, проведенные в тюрьме, Шейба по воскресеньям блаженствовал, а теперь целых два года ему придется служить господа даром? За что бог посылает ему такое наказание? Неужели за этот несчастный грабег? Разве мало, что из-за нескольких жалких крейцеров человек пять лет сидит?

А как старательно он сегодня выполнял свои обязанности... Как чудесно он произносил "Kyrie eleison" и "Et cum spiritu tuo".

— Черт возьми,— сказал Шейба,—какой мне от этого прок?

Из угла кто-то ответил ему словом непечатным.

— Конечно,— отозвался другой.—Шейба болван. Если бы это со мной случилось, я бы сказал: «Мое почтение, счастливо оставаться, в следующий раз служите сами».

— Чего ты боишься, Шейба, ведь ты в богослужение свой ум вкладываешь, за это тебе тоже должны что-нибудь дать. Я знаю, что такое министрانت. Вот у нас в деревне министрانت и харчи от прихода получал, и деньги, а когда резали свинью, ему давали колбасы, сало, шкварки—да сколько... Сюда бы сейчас эту миску со шкварками!

Все пустились в разговор о шкварках, этом недостижимом лакомстве, оставив Шейбу наедине с его безбожными мыслями. С ними он и улегся спать. Завернувшись в одеяло, Шейба постепенно приходил к решению вопроса, какую чашу весов выбрать.

Зажмурив глаза, Шейба увидел перед собой кнедлик. А когда он уснул, ему привиделось, будто он сидит в костеле. У алтаря прислуживает министрانت в белом стихаре, и вместо головы у него кнедлик. При подношении даров кнедликов стало два, а перед «последним Евангелием» — три. Вдруг эти головы-кнедлики закачались и покатались-покатались прямо к Шейбе. А возле него сидит начальник тюрьмы, закованный по ногам и рукам. Он умоляет ради бога дать ему хоть один кнедлик. Шейба плюнул ему в лицо и съел на его глазах все три кнедлика. Намазав оставшимся салом волосы, он опускается на колени, дабы возблагодарить господа, а начальник тюрьмы облизывает его голову.

Шейба проснулся от звона ключей и крика надзирателя: «Подъем! В мастерскую! Быть готовыми прежде, чем зазвонят.

Ну, кому из вас приснился кошмарный сон, будто его посадили в тюрьму?» Это была обычная утренняя шутка. Надзиратель двинулся к соседней камере, где, давась от смеха, снова отпустил свою шутку.

— Так вот, — одеваясь, сказал Шейба своим товарищам, — я решил: если мне не дадут кнедлик, министрантом не буду. Соловья баснями не кормят.

И всю неделю Шейба, встретившись с начальником тюрьмы, не мог сдержать усмешки.

Начальник тюрьмы еще придет его упрашивать, предлагать будет кнедлик. А Шейба скажет:

— Нет! Два кнедлика, только тогда соглашусь быть министрантом.

*

В воскресенье, в половине восьмого, надзиратель пришел за Шейбой — пора в часовню, готовиться к мессе.

Шейба играл в «волки и овцы» фишками, слепленными из хлеба.

— Не пойду, господин надзиратель, — ответил он спокойно и, повернувшись к играющим, небрежно бросил: — Так мне всех девять овецек в овчарню не загнать.

Не зная что и думать, надзиратель повторил еще раз, что Шейбе пора в часовню.

— Не пойду, — прозвучало в ответ, — кнедлик у меня отняли, а теперь, когда я вам понадобился, со всех ног беги. Не буду министрантом — и точка.

— Шейба, подумайте, что вы говорите. Это бунт.

— Какой же это бунт, — принялся защищать Шейбу один из его товарищей, — хоть и говорится «Служи господу богу,» но есть ведь тоже хочется. Я так понимаю.

Пришел главный надзиратель.

— Шейба, одумайтесь, ступайте в часовню.

— Не пойду.

— Тогда пойдете к начальнику.

— Ну и пусть.

Известие о бунте арестанта Шейбы быстро распространилось среди надзирателей.

— Эта камера № 18 давно казалась подозрительной, — толковали между собой надзиратели.

— Арестант Шейба в бога не верит, — разнеслось по всей тюрьме, — за это его к начальнику вызвали.

Между тем Шейба с серьезным лицом уже стоял перед начальником, сознавая собственную значительность.

Начальник тюрьмы ругался, побагровев от гнева:

— Да как ты, свинья, смеешь мне говорить: «Не буду министрантом задаром». Отслужишь мессу и — в карцер.

— Не буду.

Придя в отчаяние, начальник тюрьмы в бессильном гневе крикнул:

— Ну что, будешь министрантом?

— Не буду.

— В карцер его,— приказал начальник надзирателю.

Шейба шел гордо. Теперь он боролся не из-за кнедлика, а из-за принципа. Даже преддверие ада—карцер—не могло его сломить. Он уселся в темноте на нары, радуясь, что никто не заставит его выполнять обязанности министранта.

В это время начальник тюрьмы, ломая руки, метался по кабинету. Через четверть часа придет капеллан, а у них министранта нет. Какой позор!

Капеллан опоздал на пять минут. Он не торопясь шел в канцелярию, размышляя о том, сколь ничтожна плата за проповедь и мессу.

За сегодняшнюю проповедь ему должны заплатить по крайней мере десять крон, а не жалкие три золотых. Да, это было бы по справедливости. За проповедь—столько же, сколько за мессу. Ведь проповедь благотворно влияет на арестантов, особенно сегодняшняя: о том, что о каждой земной твари пекутся на небесах.

Усмехнувшись, капеллан вошел в кабинет, где начальник тюрьмы удрученно сидел возле печки.

Увидев капеллана, начальник встал и отдал честь:

— Доброе утро, ваше преподобие.

Снова усевшись и уставившись расстроено на печку, он проронил:

— Вы только представьте себе, Шейба устроил забастовку.

Капеллан удивленно посмотрел на начальника. Вроде бы трезвый.

— Но, господин начальник...

— Шейба взбунтовался, ваше преподобие,— продолжал начальник,— не хочет выполнять обязанности министранта, потому что я лишил его добавочного кнедлика. И я приказал посадить его в карцер.

— Мне нужно с ним поговорить,— решил капеллан,— откройте карцер.

Начальник тюрьмы махнул рукой. Если Шейба не послушался слуги государства, которое посадило его в тюрьму, вряд ли он станет слушать слугу господя, против которого взбунтовался.

— Думаю, ваше преподобие, от этого будет мало проку,— бросил он безнадежно.

Капеллан ушел в сопровождении надзирателя. Начальник тюрьмы остался в одиночестве. Глядя на часы, он думал: «А сейчас он, верно, грозит ему пеклом».

А капеллан стоял в этот момент на пороге темного карцера, рассматривая Шейбу, которого освещал проникающий сквозь открытую дверь дневной свет. В полумраке на лице Шейбы явственно читалось упрямство. Арестант гордо и непреклонно

смотрел на капеллана. Ага, к нему уже депутацию прислали. Он чувствовал себя чрезвычайно важной персоной и отвечал твердым голосом:

— Нет, ваше преподобие, ни в косм разе министрантом не буду.

Капеллан прибег к помощи Фомы Кемпийского. Он обрушился на Шейбу несколько высказываний этого отца церкви:

— Боже, не оставь этого человека в плену ложных заблуждений, но дай ему истину самопознания. Пусть не в себя, а единственно в тебя верует он, о всемилостивейший. Боже вездесущий, наставь его, дабы с охотой служил он тебе. Шейба, станете прислуживать во время мессы?

— Не стану, ваше преподобие.

И разразился бой, жестокий бой между Шейбой и капелланом. Бой теолога против бастующего арестанта. За спиной капеллана надзиратель грозил Шейбе ключами. Но Шейба стояла на своем. Даже если надзиратели станут избивать его ключами, как они это умеют, когда никто из заключенных не видит, он не уступит. Он не простой арестант, он поднялся выше...

Наконец, как и предполагал начальник тюрьмы, капеллан добрался до пекла. Надзиратель счел нужным вмешаться в разговор и добавил то, о чем капеллан забыл упомянуть при перечислении адских мук.

— Черти будут лизать вас, Шейба, огненными языками,— выпалил он, вытаращив глаза.

— Ну и пусть,—серьезно ответил Шейба.

Капеллан терял терпение. Рядом в коридоре шумели арестанты, надеявшиеся по пути в часовню подобрать окурков, они кричали:

— Хотим в костел, в костел!

— Вы слышите, Шейба, ваши товарищи жаждут освежить свои души посещением часовни, а вы их этого лишаете. Вы понимаете, что это смертный грех?

— Я тоже хочу в костел, ваше преподобие, я добрый католик и умру в той вере, в какой меня воспитала мать, но даром быть министрантом не хочу.

— Стоит вам после мессы попросить у господина начальника прощения, и он снова станет давать вам этот кнедлик.

Шейба пожал плечами. Он чуял подвох. После мессы! Ишь! Ну нет! Не на такого напали. После он ничего не получит, посадят в карцер на хлеб и воду.

— Ваше преподобие,—добродушно сказал Шейба,—кто станет покупать kota в мешке? Береженого бог бережет. Вы говорите, ваше преподобие, господь бог вычеркнет меня из числа сыновей своих. Господу, ваше преподобие, дела нет до таких арестантов, как я. Только я без кнедлика служить не буду.

— Вы верите в бога, Шейба?

— Верю.

— Верите, что бог накажет вас за непослушание?

— Верю.

Этот ответ сбил капеллана с толку. Если бы Шейба сказал: «Не верю», он бы ему доказал, наверно, доказал бы, что его ждет божье наказание за неверие. А тут что сказать? Ему нужен министр, во что бы то ни стало, иначе он не сможет отслужить мессу и потеряет десять крон.

— Шейба, прошу вас, пойдите в часовню.

Ого! Капеллан его просит! Шейба почувствовал себя еще более значительным. Он знал, что, садясь, нарушает правила, однако опустил на нары. «Кто хозяин положения? — подумал Шейба.— Я!»

— На вас наденут кандалы,— добавил надзиратель к просьбе капеллана, желая придать ей вес.

— Ваше преподобие, если вы пообещаете мне, что я получу кнедлик и что мне ничего не сделают, я пойду. А иначе не пойду, даже если меня будут в карцере до посинения держать.

— Обещаю вам,— сказал капеллан.

Шейба, встав, подошел к капеллану.

— Ваше преподобие, я еще попрошу— дайте мне руку.

Сбитый с толку капеллан решил, что Шейба хочет облобызать его руку в знак благодарности. Но Шейба бодро потряс протянутую ему руку, добродушно прибавив:

— Уговор дороже денег.

Капеллан чуть не лишился чувств от испуга. Что, если Шейба бывший убийца? Ведь капеллан никогда не спрашивал, за что он сидит. По дороге к часовне священник спросил у Шейбы, который шагал с видом победителя, выигравшего безнадежное дело:

— За что вы, собственно, сидите?

— За грабеж, ваше преподобие, за мелкий грабеж.

Слава богу, всего лишь за грабеж. Вздохнув с облегчением, капеллан отправился к начальнику тюрьмы сообщить об условиях, на которых арестант Шейба согласился прекратить бунт. Начальник тюрьмы выругался, но что поделаешь, рукопожатие капеллана обойдется государству в сто кнедликов ежегодно.

Богослужение прошло как положено. Шейба выполнял свои обязанности с еще большим рвением, чем раньше...

*

После мессы капеллан вместе с начальником тюрьмы отправился выпить винца.

— Посудите сами, господин начальник,— сказал священник в винном погребке,— три золотых за проповедь, это все-таки слишком мало. Позаботьтесь, чтобы мне платили десять крон, иначе в следующий раз забастую я...

А в это время Шейба, вкушая с таким трудом доставшийся ему кнедлик, рассказывал с набитым ртом:

— Н-да, братцы, богу до меня дела нет, но без кнедлика я ему не слуга.

С тех пор в камере № 18 Шейба пользуется неограниченным уважением.

1908 г.

ЧЕРНОВА

Еще совсем недавно жители Центральной Европы изнывали от скуки. На горизонте не предвиделось ничего занимательного. И вдруг неожиданно все пришли в страшное волнение. В центре этой скучающей Европы жандармы некоего государства расстреляли несколько десятков граждан этого же государства. Оказывается, расстрелянные говорили не на том языке, на каком говорили расстреливающие. Впрочем, был и еще один довод: расстрелянные, видите ли, не хотели, чтобы их новый костел был освящен. Не потому, что они не верили в бога. Наоборот: они же сами построили этот костел. Но освящать его явились венгерские священники... Католическо-национальное движение под аккомпанемент выстрелов из винтовок! Вот она, Чернова!

«Несчастные словаки,— раздавалось в кофейнях и трактирах,— бедные ремесленники!»

Люди с симпатией смотрели на этих несчастных, на родине которых, под Татрами, было совершено это массовое убийство.

Несчастный народ! Раньше мы, правда, не очень-то об этом народе беспокоились. Время от времени в каком-нибудь трактире затянем словацкую песню; на масленице нарядимся в словацкие национальные костюмы, попляшем словацкие танцы да загикаем, как словацкие парни в своих горных деревушках под звуки «цыганской музыки». Дамы помечтают еще о словацких вышивках...

В школах словаков причисляли к чехам. Вообще-то это очень неплохо, когда вдруг оказывается, что твоего народа стало на три миллиона больше. Затем немного беллетристики с сюжетами из словацкого быта, несколько туристических очерков, чтобы все-таки люди знали, какая это красивая страна.

Вот, кажется, и все, что было связано с нашим интересом к Словакии и словакам. Разве еще только липтовский сыр, брынза да ошчипки¹—кусочек Словакии в гастрономических магазинах. Можно добавить еще оперетту Легара «Плетельщик корзины»* да вспомнить русофила— словацкого поэта Гурбана Ваянского*, выступавшего на съездах журналистов. Вот и вся Словакия, какую мы знали.

Однажды один словацкий литератор где-то под Татрами попал в лапы медведя. «Какая это экзотическая страна— Словакия!— говорили читатели.— Сказочная Словакия!»

Однако общество «Чехословацкое единство», созданное для

¹ Ошчипки— копченый овечий сыр.

оказания помощи обучающимся в Праге словакам, влачило жалкое существование. Хотя мы в это же время твердили: «Словакам нужна интеллигенция». А словацкие интеллигенты в Праге при такой «моральной поддержке» чуть не умирали с голода.

Затем появился норвежский поэт* и в открытом письме выступил в защиту словаков против потомков куманов и гуннов.

В Чехии всеобщий энтузиазм. Глаза светятся радостью. «Ну, этот показал венграм! Поэт из Норвегии! Представляете себе, из самой Норвегии!»

В этом «из самой Норвегии» лежит весь трагизм наших симпатий к народу, столь нам близкому. Выступление Бьернсона заслужило ту восторженную телеграмму, в которой чешское студенчество выразило свои симпатии норвежскому защитнику наших братьев.

Благодаря этой телеграмме словаки по крайней мере опять поверят в искреннее отношение к ним чехов: после многих разочарований они вообще перестали верить в братскую любовь.

Один из наших депутатов парламента даже ездит в Пешт на совещания с их угнетателями, а это все-таки несколько странное проявление братской любви.

И наконец мы дошли до того, что, читая газеты, высказывали даже удивление тем, как давно венгерские власти не арестовывали ни одного словацкого патриота.

Тут пришла Чернова!

Осужденный на два года священник Андрей Глинка* совершил по нашим городам турне с выступлениями. Ведь это в его родном местечке произошло массовое убийство. Он много говорил нам об угнетении словаков. Для большинства из нас все это были вещи неизвестные.

Охваченные энтузиазмом, под пение словацких песен мы выпрягли лошадей из его кареты и, провозглашая славу словакам, отвезли его в гостиницу.

Чего только не вызвала к жизни Чернова! Мне даже кажется, что мы перестали уже быть «голубиным народом», что нас может побудить к действию пролитая кровь. Она брызнула и на нас.

Там были и женщины...

Словацкая женщина! Частица истории несчастного народа. До этого убийства не очень-то много мы знали о словацкой женщине. Люди, побывавшие в Словакии, говорили, что словачки красивы. И на этой констатации наши симпатии кончались. Разумеется, были еще вышивки.

Когда кто-нибудь заговаривал о том, в каком жалком положении находится словацкая женщина, люди обычно отмахивались: ну, наверно, не так уж все плохо. Кто бы осмелился писать о словацких женщинах, что они духовно бедны!

В Чернове были убиты и женщины!

Словацкая женщина. Как она живет?

Однажды я был в центре Оравской жупы¹, и мне знаком облик словацкой женщины. Натруженные работой руки, а в глазах безнадежность. Тяжкий труд на каменистом горном поле... Зимой приходится брать в долг, а весной нужно долг отработывать. И пашет женщина чужое поле. И только если выкроится немного времени, удастся вспахать и свое скудное полюшко.

Женщина шла за плугом, печальная, сгорбившаяся. А когда запела, это была тоскливая песня. Что ей дала жизнь? Нищету и горе. Мужа дома нет: ушел на заработки. Когда вернется, выплатит долг ростовщику и снова должен будет уйти. А однажды и вовсе не вернется...

И останется одно утешение—стаканчик водки. Человек пьет, чтобы забыться. Сначала помолится, потом пьет. Ростовщика он не проклинает, прощает ему. Да иначе и нельзя.

Есть у нее десятилетний сын, ходит в школу и уже знает венгерский язык. Умеет даже петь «Isten almég a Magyar», то есть «Боже, храни венгра». Крепкий парень, из него вырастет настоящий венгр. А раз венгр, значит, пан. Спустится с родных гор в низину, к венграм, и забудет свою мать. Да простит ему бог! Там ему будет лучше!

И дальше бредет сгорбленная женщина за плугом и думает, думает... Слезы выступают у нее на глазах. Это слезы словацкой женщины. В них—отчаяние и безнадежность.

А от гор эхо доносит новую песню. С панского поля идут девушки. Они работают в поместье главного жупана. Работают за пятнадцать крейцеров в день и немного водки. Приказчик их обворовывает, а водку развлекает водой. Одна из девушек сложила песню про вора-приказчика. Она настроена весело. Завтра уезжает в город, на службу к венграм. Ее завербовал на работу некий симпатичный пан, тот самый, который набирает для города служанок, раздает крестики, молитвенники и четки. Читать она не умеет. В счет будущего жалованья взяла четки. Завтра она покинет свои горы и, может быть, больше сюда уж не вернется.

«Только бы не воротилась с позором,—говорят старики.—Помнишь, как Жофка? Ее потом отвезли куда-то в дома позора. Ну, да благословит тебя господь бог!»

И старый отец осеняет ее крестом. Что делать: нужно добывать деньги. Чтобы отец позволил дочери отправиться в город, симпатичный пан дал ему пять золотых. Для Оравы это целое состояние.

Торговцы живым товаром объезжают Ораву, Тренчин, Нитру, Турцу, Спиш, Гонт, Гемер и вербуют девушек. Торговля идет у них весьма успешно. А когда девчата возвращаются

¹ Жупа—в Австро-Венгрии административно-территориальная единица (область).

обратно, они привозят с собой болезни.

Горестная это картина—статистика болезней. А венгерское правительство молчит, ведь дело идет всего лишь о словаках! И если оно изо всей силы противится отъезду за границу венгерских девушек, то в северных, населенных словаками районах оно своим полным безразличием, по существу, поощряет эту торговлю живым товаром.

Доктор Благо указал однажды на это в сейме. Ответ ему был дан весьма определенный: нигде в Европе правовое положение женщин не находится на таком высоком уровне, как в Венгрии.

После событий в Чернове министр юстиции заявил в венгерском сейме, что нигде в Европе народы не пользуются такой свободой, как в Венгрии.

А жандармы этого рыцарского народа стреляли в Чернове по словацким женщинам. И это—в центре Европы и двадцатом веке!

1908 г.

КАТАСТРОФА НА ШАХТЕ

I

Нет ничего удивительного, что госпожа Сталлова решила устроить благотворительный вечер в пользу семейств, чьи кормильцы погибли в шахте, принадлежащей ее мужу. Госпожа Мюле просто лопнет от злости, что вода не затопила какой-нибудь шахты у господина Мюле: тогда благотворительный вечер устраивала бы она. Чтобы заткнуть госпоже Мюле рот, госпожа Сталлова включит ее в состав комитета или поручит ей продавать цветы. Впрочем, нет, это она предоставит своей дочери, да так роскошно нарядит ее, что все дамы будут завидовать.

Госпоже Сталловой было досадно, что погибло только четыре шахтера: ах, какой бы это был праздник, если бы катастрофа оказалась покрупней. Но и то хорошо: благодарение создателю и за четыре осиротевшие семьи.

Самое главное—роскошное платье. Госпожа Сталлова должна быть одета, как полагается патронессе. Она сошьет себе платье в Вене. Потом надо заказать мигренивых карандашей: ведь будет масса народу. Хорошо, что она все помнит. Собрание состоится у них в доме. Для участниц вечера можно будет организовать домашний бал. И еще прекрасная мысль: после торжества—небольшой банкет для господ и дам из комитета. И не забыть позвать управляющего шахтами. Но почему, собственно, *небольшой* банкет? Еще, чего доброго, иные приятельницы станут морщить нос. Нет, она устроит банкет на славу, чтобы о нем говорили с завистью. Конечно, все это будет стоить денег, но она поговорит с мужем: пускай попробует повысить цены на уголь.

И госпожа Сталлова поговорила с мужем.

— Ну, конечно, дорогая,—с улыбкой сказал господин Сталл,—если б даже твое платье стоило тысячу крон, ты его получишь. Должны же мы что-нибудь сделать для этих несчастных.

II

Итак, погибли четыре шахтера. Жены и дети их три дня и три ночи не отходили от шахты, пока оттуда не извлекли распухшие тела... Через десять минут шахтеры должны были, поднявшись из шахты, вернуться домой, к семьям, но вдруг прорвалась вода. Они погибли в этих страшных лабиринтах, мрачных и темных, как погибают мыши, когда вода затопит их подземные норы на лугу.

Они утонули в то время, когда жены готовили им ужин. Когда их подняли из шахты, жены и дети не плакали. У них не было слез. Они выплакали все свои слезы за эти бесконечные три дня надежд и отчаяния. Но у стоявших рядом навертывались слезы на глаза.

Жена одного погибшего протиснулась сквозь толпу.

— Франтишек, наш Карел говорит уже «папа», «мама».

Она держала на руках мальчугана, с удивлением смотревшего на прикрытые полотном тела. Вдруг он, указывая ручкой на одно из них, радостно вскрикнул:

— Папа, папа!

Тут пришел жандармский вахмистр и увел их.

— Не быть здесь,—сказал он.—Вы идти томой, вы ему не помогайт.

Жандармы! Когда на шахтах случаются катастрофы, туда для успокоения живых посылают жандармов. А если катастрофа большая, так солдат. Служебные телеграммы, как правило, составляются очень лаконично: «Погибло восемьдесят человек, вышлите две роты». Значит, на одного мертвеца два солдата. На этот раз порядок устанавливали сорок четыре жандарма. Вахмистр зевал от скуки. Он ожидал скопления народа, угрожающих выкриков и был разочарован. Последнюю надежду он возлагал на похороны.

III

А разве духовное утешение ничего не значит? Приходский священник решил утешить осиротевшие семьи. Но какой священник в онемеченном крае знает чешский язык? Да если б и знал? Что его утешение может дать такой семье? Она нищая. К тому же покойники были социалистами.

Решили послать капеллана-чеха.

Капеллан был недоволен. Он считал такого рода утешения комедией. Ну какая же это помощь? Надо притворяться? Нет, он не пойдет. Он не сможет говорить от души. Лучше послать

младшего капеллана. Этот до сих пор ко всему относится серьезно.

И вот среди дня, через два часа после того, как мертвых извлекли из шахты, младший капеллан постучал в дом одной вдовы. Поздоровался, сел. Он чувствовал искреннее сострадание, поэтому минуту молчал.

— Бог дал, бог и взял,—заговорил он наконец.— Да будет благословенно имя его.

Вдова сидела на постели и плакала. Капеллан почувствовал себя уверенней.

— Чем помогут вам слезы, моя милая? Нынче человек жив, а завтра, глядишь, помер. Как счастливы и предусмотрительны люди, которые в жизни стараются быть такими, какими хотят стать после смерти!

Капеллан воодушевился. Пять сироток смотрели на него с удивлением. Он погладил того, что поближе, и с энтузиазмом продолжал:

— Человек не может рассчитывать ни на друзей, ни на близких, он не должен откладывать свое спасение на будущее, ибо люди забывают о нас скорей, чем мы думаем.

— Его никогда не забудут,—заметила вдова.

Капеллан сделал нервный жест рукой. Зачем перебивают?

— С глаз долой—из сердца вон,—сказал он выразительно.— Сердце человеческое так тупо и бесчувственно, что думает только о сегодняшнем дне и не заглядывает в будущее. А надо обдумывать каждый свой поступок, следить за каждой своей мыслью, как если б нам нынче же предстояло умереть. Если б у людей была более чуткая совесть, им не приходилось бы так бояться смерти. Чем так бояться ее, лучше не грешить. А ежели ты нынче к ней не готов, так будешь ли готов завтра? Как можно быть уверенным в завтрашнем дне? Ведь ты даже не знаешь, доживешь ли до него.

Капеллан воодушевился еще больше. Он встал с лавки и загремел:

— Какой смысл долго жить, если мы почти не исправляемся? Ах, долгая жизнь не всегда исправляет человека, а, наоборот, часто только умножает его вину.

Он ударил кулаком по столу, как по кафедре.

— Ах, если б мы хоть один день прожили добродетельно на этом свете! Но нет, мы...

Он так раскричался, что на улице начали останавливаться прохожие.

— Мы не исправляемся. Если страшно умирать, так еще страшней жить в грехах. Благословен тот, кто постоянно думает о смертном часе своем и ежедневно готовится к нему. Будь всегда наготове, чтобы смерть не застала тебя врасплох. Когда придет твой последний час, ты взглянешь другими глазами на свою прошлую жизнь, и овладеет тобой раскаяние, что ты относился с таким небрежением к добру. А потому горе тем, кто

не думает о смерти...

Капеллан взял свою шляпу и вышел в сердцах.

За дверью стоял народ.

— Бедная вдова, ваше преподобие,— промолвил кто-то.— Не знает, что завтра с детьми есть будет.

— Я позабочусь, чтобы тело окропили бесплатно,— ответил сострадательный капеллан и удалился с мыслью, что выполнил свой долг, навестив вдову. Остальных трех вдов он уже не пошел утешать: у него и от первого утешения в горле пересохло.

IV

Похороны прошли спокойно. Вахмистр был разочарован. Через две недели состоялся торжественный вечер в пользу вдов шахтеров, под покровительством госпожи Сталловой.

Платье обошлось ей в тысячу двести крон. Играла военная музыка—это стоило триста крон. Потом банкет—пятьсот крон. Триста да пятьсот выходит восемьсот. Чрезвычайные расходы—фейерверк и так далее—составили восемьдесят крон. Итого восемьсот восемьдесят крон. В кассу комитета поступило девятьсот две кроны. Таким образом, чистая выручка составила двадцать две кроны, каковую сумму господин окружной начальник разделил поровну между четырьмя вдовами. Каждая получила за погибшего мужа пять крон пятьдесят геллеров. Так сказать, из рук в руки: вот вам, пожалуйста, труп, а вот пять крон пятьдесят геллеров.

1908 г.

ЮБИЛЕЙ СЛУЖАНКИ АННЫ

Председательница Общества охраны прислуги госпожа советница Краусова готовила к завтрашнему заседанию торжественную речь.

У секретаря их общества, супруги советника коммерции, служит Анна, которая прожила в их семье пятьдесят лет и вырастила два поколения. Завтра она отпразднует пятидесятилетний юбилей верной службы. Служанке Анне 75 лет, она всегда вела себя благопристойно и никогда тайком не таскала сладости.

Завтра общество вручит Анне золотой крестик, золотую монету в десять крон, чашечку шоколада и два пирожных. Но это еще не все. Она выслушает также торжественную речь госпожи советницы Краусовой, а от своей госпожи получит новый молитвенник.

Разделаться бы поскорее с этой речью. Приходится напрягать свой мозг из-за какой-то служанки. Исписана уже гора бумаги, а речь никак не получается.

Советница прошлась по комнате, размышляя, о чем же

говорить в своей речи. О том, что сегодня служанки создают организацию и требуют выходной день и ужин за счет хозяев. Ей-богу, с ними с ума сойти можно! Раньше было просто: дашь служанке пощечину и выкинешь ее на улицу. А сегодня она на вас еще жалобу подаст.

Госпожа советница, сев за письменный стол, потеряла виски карандашом от мигрени.

Взять вот мою служанку. Завела себе кавалера, а тот дает ей книги. Эта мерзавка образования, видите ли, захотела! Ах, это так ужасно!

И госпожа советница снова схватилась за карандаш от мигрени.

Разволнуешься только попусту, вместо того чтобы речь писать. Ведь она написала столько речей, столько раз произносила их в Обществе охраны прислуги, что теперь хочется сказать что-нибудь новое, и нет ничего лучше, чем начать с господа бога. Для служанок бог всегда к месту. Молись и работай! Знать бы, как это сказать по-латыни. Вернется муж, надо будет у него спросить. Вот так она и начнет: «Молись и работай!»

Госпожа советница принялась писать:

«Молись и работай! Какие прекрасные слова! Без молитвы нет успешной работы, без молитвы нет благочестивой жизни, и вот... Эта истина воплощается в жизни нашей юбилярши. Пятьдесят лет она усердно молилась, и бог вел ее через все препятствия к цели. Сегодня она отмечает пятидесятилетие неустанного труда, и немалая награда ждет ее на небесах и на земле... (На небесах—царство божие, а на земле—золотой крестик, золотая монета в десять крон, молитвенник, чашка шоколада и два пирожных.)

Молись и работай! Наша юбилярша Анна пятьдесят лет работала и теперь видит плоды своих трудов (золотая монета в десять крон равна пятистам крейцерам, стало быть, за год усердного труда—десять крейцеров), все эти пятьдесят лет она усердно молилась, не ходила ни на танцы, ни в театр, дурных книг не читала, единственным ее чтением были книги божественные, которые учили ее любви и уважению к своим господам, учили преданности и послушанию, всю жизнь наставляли на праведный путь. Молись и работай. Анна всегда вела себя осмотрительно. Никогда не разбрасывалась хозяйским добром, не тешила себя напрасными надеждами, отличалась скромностью, не заводила знакомств с чужими служанками, избегала лишних разговоров, не сплетничала о своих господах, молитва давала ей силы отказывать себе в лакомствах. Уважаемые дамы, посмотрите на эту старушку. Она убежденно противостоит злу, подавляла дурные желания, была понастоящему набожна, молчалива, а ее сердце исполнено смирения; наверное, она часто размышляла о человеческой ничтожности, в свободные минуты обращала свои мысли к смерти,

судному дню и наказанию за грехи. Размышляя на сон грядущий о предметах божественных, она горячо стремилась к праведной жизни. Покорной, никогда не прекословящей видели ее два поколения семьи славного коммерции советника Тихого. Ее чистое сердце переполняло чувство благодарности за каждый глоток, дарованный ей хозяевами. Анна искренне и преданно лобызала щедрую руку своих господ. Прожив пятьдесят лет в одной семье, она ни разу ничего не украла, а доверенные ей вещи сберегала с любовью. Анна работала за пять золотых в месяц, из них она откладывала — при том, что ужинала на свои деньги, — на дорогу до Святой горы, куда с разрешения хозяев она ездила каждый год. Оттуда она привозила своим хозяевам на память подарки, говорящие о чистоте ее души.

Анна не раз говорила, что готова не есть, не пить, лишь бы прославлять господу нашего, и тогда она стала бы еще счастливее, чем теперь, когда ей приходится служить своему телу.

Советница передохнула. Какое чудесное будет завтра торжество. Наверно, о ее речи упомянут в «Католической газете». Наконец, она может издать свою речь в виде брошюрки под названием «Письма к служанкам». Может быть, они перестанут выбрасывать вместе с мусором хозяйские ложки, вспомнив о набожной жизни юбилярши.

В эту минуту вошла служанка и доложила:

— Госпожа советница Тихова!

И тут же в комнату влетела раздушенная дама и с плачем бросилась в объятия председательницы общества.

— Ах, как это неприятно, такая досада. Наша юбилярша только что скончалась.

Перестав плакать, гостя продолжала злобным тоном:

— Вчера вечером я послала ее в подвал за углем. Сами понимаете, раз старухе семьдесят пять лет, не выбрасывать же ее на улицу, но коли уж я ее кормлю, нечего бездельничать. А она, мерзавка, умудрилась свалиться в подвале с лестницы да так расшиблась — накануне торжества! — что сегодня утром умерла. Такая неприятность, все насмарку. А я-то ради этого торжества заказала себе такой чудесный туалет... И похороны обойдутся мне по меньшей мере крон в тридцать, а у покойницы на книжке всего двадцать пять.

Госпожа советница Краусова потеряла виски карандашом от мигрени, и, глядя на листок со своей речью, вздохнула:

— Похоже, она сделала это нарочно...

1908 г.

ТАЙНА ИСПОВЕДИ

Гимназист первого класса Балужка был мальчиком добросовестным, и потому еще за день до исповеди он каллиграфически записал все свои грехи на листочке, вырванном из тетради по

чешскому языку соседа по парте. На следующий день в девять часов, сдав письменное задание по арифметике, он дополнил список своих грехов: «Списывал задание по арифметике». Балушка был хорошим мальчуганом, верил поучениям патера о том, что обманывать учителей ужасный, чуть ли не смертный грех.

— Ибо,— говорил им на последнем уроке законоучитель,— чем больше грех, тем строже и тяжелее наказание. Если вы искренне не покаетесь в своих прегрешениях, то на страшном суде тщетно станете вопить; кто списывает — покайтесь, иначе вашим уделом будут безутешные слезы и стенания.

За каждый грех предназначены особые муки. Один час в аду тяжелее ста лет самых страшных мучений на земле. Оплачьте свои грехи, не подсказывайте, не списывайте, не обманывайте учителей своих, дабы в судный день быть среди праведных.

— Я прошу вас, пан коллега,— обратился недавно к законоучителю преподаватель математики,— поговорите на ближайшем уроке с превоклассниками, чтобы они меня не обманывали. Ребята организовали коллективное списывание, их письменные работы или все одинаково хороши, или во всех одни и те же ошибки.

Законоучитель охотно принялся внушать первоклассникам, что в судный день послушание будет цениться гораздо выше всяких ухищрений людских. Обманы же не будут прощены. Списывание школьных заданий карается на земле двойкой и снижением отметки за поведение, а на том свете — вечными муками. Кто списывает — пусть покается с благим намерением больше не обманывать.

Вот почему после первой же контрольной Балушка и внес в список своих грехов: «Списывал задание по арифметике».

А в десять часов список пополнился еще одной записью: «Состою членом тайного общества "Чертово копыто"». Если уж исповедоваться, надо рассказать все и очистить свою душу. А после покаяния можно снова грешить, опять состоять членом этого страшного тайного общества, которое приносит ему столько разных выгод.

Общество и впрямь было страшным. «Мафия» ничто по сравнению с «Чертовым копытом». Жуткие тайные общества Китая пасуют перед «Чертовым копытом», ибо «Чертово копыто» — общество первоклассников по обману учителей.

Лучшие ученики класса состояли его членами, даже любимчики учителей, те, что носили письменные работы преподавателям на дом. Один списывал у другого, один другому подсказывал, а когда несли тетради учителям, брали с собой чернильницу и ручку и где-нибудь в подъезде исправляли ошибки в работах.

«Чертово копыто» раскидывало свои страшные тайные сети на уроках латыни, чешского языка, истории, естествознания, математики.

Членом общества был даже сын учителя латинского языка, он тайком стирал в журнале отца крестики и прочие неблаговидные значки против имен своих одноклассников.

Перед исповедью, в десять часов утра, во время перемены, во дворе собрались все члены общества, и председатель его Каганек, сын учителя латыни, оповестил, что после уроков все должны встретиться у крепостной стены и решить, как вести себя на сегодняшней исповеди.

— Будем присягать на коране,—сказал он.

«Чертово копыто» было обществом магометанским.

Все собрались и расположились над садом Фолиманки. Каганек принес турецкий пиастр, который взял из отцовской коллекции. Арабские письмена на монете должны были заменить коран.

— Говори, брат мой,—произнес Вомар.

— Уважаемые господа,—начал Каганек,—сегодня мы идем на исповедь. Надеюсь, что среди нас нет мерзавца, который предаст наше общество. Кто собирается сказать на исповеди, что он член общества «Чертово копыто», пусть выступит вперед, и я его убью.

— Но ведь существует тайна исповеди,—запротестовал Балужка, бывший первым драчуном в классе.—Во всяком случае, я покаюсь в этом. Законоучитель не посмеет никому сказать. Ему надо получить на это разрешение папы римского. А я грешить не стану. Если хочешь, Каганек, выходи против меня, подеремся.

Председатель Каганек отплюнулся.

— Предатель,—сказал он патетически,—каждый встречный имеет право убить тебя, как собаку.

— Балужка только исповедуется патеру,—вмешался Влчек,—без разрешения папы патер не смеет сказать директору. Ему придется съездить в Рим, и вряд ли папа даст разрешение. Однажды я читал в «Райском саду», как один человек сказал на исповеди священнику, что убил купца и что на следующий день из-за этого казнят невиновного. Священник ничем не мог помочь несчастному, потому что обязан был хранить тайну исповеди. Тогда он телеграфировал в Рим, но, пока пришел ответ, невиновного уже повесили.

Все принялись обсуждать, почему настоящий убийца пошел не к судье, а к священнику.

Балужка за него заступился:

— Он знал, что священник не имеет права сказать. А судья приказал бы посадить его в тюрьму. Я тоже, как тот разбойник, все на исповеди расскажу.

— А, собственно, зачем тебе это надо?—спросил Петерка.

— А затем, что я боюсь пекла,—ответил Балужка.

Все с удивлением посмотрели на него. Может побороть Калисту, самого сильного парня из второго класса, а пекла боится.

— Почему ты боишься пекла?

— А ты не боишься?

— Нет,—ответил Петерка.—У меня один дядя священник, другой викарый. В крайнем случае они мне помогут. Как-то дядя-священник сказал папе: «Впрочем, пекло не так страшно, как его малюют»,—и оба засмеялись, а папа добавил: «По крайней мере человек там сидит в тепле».

— Неправда!—встал на защиту пекла Балушка.—В «Райском саду» я читал рассказ про одного жулика, который попал в ад. Он всю жизнь врал и никогда в этом не каялся. Так ему черти каждую секунду отрезали язык, а он за полсекунды отрастал снова. Черти опять режут язык, а он тут же отрастает, и его снова режут. И так без конца, целую вечность.

— А глаза грешникам лижут там смердящие псы языками огненными,—сообщил Ногач.—Я видел такую картину у нас в церкви на потолке. И стреляют из пушек в души грешников, затем кропят их святой водой, заковывают в цепи и льют в глотку жидкий навоз.

— Все это враки,—отозвался Котва.—Откуда у чертей святая вода?

— Они крадут ее,—не сдавался Ногач.

— Не мели чушь, дурак,—окрылся на него Котва.—Черт святой воды боится.

— Не боится! Сам не мели чушь. Драться хочешь? Давай? Ребята сцепились. Ногач повалил Котву и, лежа на нем, кричал:

— Так боится черт святой воды или нет?

— Не боится,—ответил проигравший Котва.

Ногач выпустил его и вновь заступился за Балушку.

— Пускай уж Балушка покается, что он член «Чертова копыта».

— И возьмет этот грех на себя за всех.

Председатель Каганек провозгласил: все клялись на коране, что не выдадут общества, и, если Балушка на исповеди скажет о нем, он нарушит клятву.

— Нет,—упрямо возразил Балушка.—Я католик и христианин. Если я согрешил, должен покаяться, а если ты еще что-нибудь скажешь, получишь пару затрещин. Патер не смеет разглашать, что ему говорят на исповеди.

Законоучитель Шимачек был зол и выглядел за решеткой исповедальни хмурым и строгим. Он спрашивал резко и накладывал суровые епитимьи. Заставлял читать «Отче наш» и «Богородицу» не менее восьми раз.

И как ему было не сердиться? Он исповедовал пятиклассников. Подошел и опустился на колени пятиклассник Ружичка.

— Верите в бога, Ружичка?

— Я бы сказал, да получу за это восемь часов карцера.

— Даю честное слово, не получите.

— Ну, тогда не верю.

— In nomine domini¹. Во искупление прочтете сорок раз «Отче наш» и ступайте, не хочу больше грешить с вами. Думаю, что по закону божьему вы провалитесь.

Негодяй этот Ружичка. Однажды патер Шимачек, доказывая в школе существование бога, разрешил ученикам дискуссию.

— Ваше преподобие,— обратился к нему Ружичка,— как же так, бог сотворил свет в первый день, а солнце только на третий?

За этот вопрос на открытом диспуте Ружичка получил четыре часа карцера и выслушал нотацию.

Мотив наказания: «Дерзкий вопрос».

Теперь законоучитель знает наверняка: «Ружичка не верит в бога». И он со злобой назначал епитимьи. Проходили класс за классом, и чем ниже класс, тем мизернее грехи. Восьмиклассники уже основательно грешили против шестой заповеди. Тут патеру довелось кое-что услышать. И семиклассники, не смущаясь, желая досадить законоучителю, исповедовались в безнравственных выражениях и поступках. А кое-кто из пятиклассников даже упоминал о публичных домах. Постепенно грехи мельчали. Время от времени раздавались признания в онанизме. Четвероклассники, третьеклассники, второклассники. Наконец пришли со своими грехами первоклассники. Не слушались родителей, списывали уроки, говорили непристойности, ругались, крали дома деньги и т. п. Сплошь скучнейшие грехи. Ничего возбуждающего, как у гимназистов четвертого класса и выше.

Наконец среди этой скуки сверкнул луч.

Исповедовался Балушка...

— Признаюсь богу всемогущему и вам, преподобный отец, служителю божьему, что я состою членом тайного общества «Чертово копыто».

— Что вы говорите?

— Признаюсь богу всемогущему...— повторил формулу покаяния Балушка,— что состою членом тайного общества «Чертово копыто».

— А еще кто состоит в нем?

— Этого я сказать не могу.

И продолжал:

— Признаюсь богу всемогущему и вам, преподобный отец, служителю божьему, что я присягал на коране.

— Вы с ума сошли, Балушка!

— Признаюсь богу всемогущему и вам, преподобный отец, служителю божьему, что я не сошел с ума.

— Балушка, я не могу вам отпустить грехи, ступайте к пану директору и признайтесь ему, как признались богу и мне!

— Не могу. Я знаю, что и вы ничего не скажете директору, ваше преподобие.— Балушка заплакал.

¹ «Во имя господа» (лат.).

— Балушка, вы проявите подлинное раскаяние, если только сообщите обо всем пану директору. В средней школе недопустимы тайные общества. Идите, прочтите тридцать раз «Отче наш» и «Богородицу». А завтра расскажите все пану директору.— И, пробормотав что-то, преподобный отец сунул Балушке епитрахиль для поцелуя.

Балушка вышел, пошатываясь, и опустился на колени перед алтарем.

Он посмотрел на своих друзей. Нет, он не выдаст их! Ни за что не выдаст! Он ничего не скажет пану директору. Преподобный отец тоже не скажет, он же связан тайной исповеди.

На другой день законоучитель вызвал Балушку.

— Почему пан директор до сих пор ничего не знает?

Балушка покачал головой и, набравшись храбрости, ответил:

— Ваше преподобие, это тайна исповеди.

— погоди, негодяй! — закричал законоучитель. — Пойдешь ты к директору или нет?

— Ваше преподобие, не пойду, не могу я. Это тайна исповеди.

Бедняга Балушка расплакался тут же в коридоре. Из кабинета вышел директор.

— Что случилось? Почему мальчик плачет? — спросил он у законоучителя.

— Этот мерзавец не хочет признаться, что состоит членом тайного общества в своем классе, — ответил законоучитель.

— Пройди в кабинет, — строго сказал директор Балушке. — Разберемся, в чем дело.

И законоучитель, толкая перед собой несчастную жертву тайны исповеди, добавил:

— Вот в кабинете у директора небось признаешься, какой ты негодяй...

С тех пор Балушка перестал верить в бога.

1908 г.

КАК ЮРАЙДА СДЕЛАЛСЯ АТЕИСТОМ

I

Юрайда, выпускник гимназии города Градиште, собирался в Прагу для пополнения образования; первым долгом он съездил поклониться святым мощам в Велеграде, так как был весьма набожным юношей. Отец его был депутатом от клерикальной партии и при всяком удобном случае повторял: «Мы — католические христиане».

Один дядя Юрайды был приходским священником, два двоюродных брата — причетниками и одна, отдаленного родства тетка — просвирней. Сам Юрайда в течение всех гимназических лет прислуживал в церкви министрантом, знал наизусть жития

святых отцов и вот теперь должен был поступить в Пражский университет, хотя очень хотел быть сельским попиком. Но отец желал сделать из него адвоката, и так случилось, что Юрайда, сидя в ресторане Градиштского вокзала со своим дядей-священником, в последний раз беседовал с ним о боге и клялся, что останется и в безбожной Праге богобоязненным католическим христианином. При этом он лил в себя вино, как в бочку, и все твердил:

— А что? Мы—католические христиане.

— Эх, мальчик,—говорил ему на прощание преподобный дядя.—Прага—ужасный город. Ты ведь помнишь: они там утопили нашего святого Яна*, да и сейчас там, поди, не лучше. Со всех сторон обступят тебя, начнут склонять к неверию, а ты им так и говори: знаете что, скажи, мы—католические христиане и до смерти так и останемся католическими. Ох, мальчик, они тогда богохульствовать начнут, а ты их не слушай.

Когда дядя закончил проповедь, племянник подумал, что можно бы получить от него дополнительных денег на дорогу, и прочувствованным голосом проговорил, что лучше бы ему снять отдельную комнату, чтоб не слышать, как богохульствуют сожители, но это потребует больше денег, чем он в состоянии уплатить.

— Что ж, мальчик, на тебе еще двенадцать рейнских, ты только от бога не отступайся. Не отступишься от бога—и он тебя не покинет и проведет тебя счастливо через все препятствия и препоны.

И Юрайда с сердцем, переполненным набожностью, укатил в Прагу.

II

В Праге он не занимался науками, а пил пражское пиво; когда же случалось ему вспомнить родную Моравию—заглядывал в винный погребок, опрокидывал там чарочку-другую, съедал порцию моравской колбасы и говорил: «Мы—католические христиане».

После трех месяцев такого образа жизни он переехал из отдельной комнаты в общую с двумя студентами-политехниками, которых звали Мразек и Колинко и с которыми он заключил верную дружбу, не омраченную ничем, кроме разве того, что Мразек и Колинко не верили в бога. Религиозные дебаты переносились даже в трактиры, где Юрайда ближе к полуночи обычно кричал:

— Вы лютеране и язычники, а мы—католические христиане!

К двум часам пополудни обыкновенно наступало примирение, и язычники, обнявшись с католическим христианином, шагали домой, распевая во все горло. Однажды друзья затащили Юрайду к студентам из Ганацкого края; к полному ужасу набожного Юрайды, ганаки затянули в полночь песню о

картошке, которая на развалистом ганацком наречии звучала примерно так:

Господи на небесé,
Не твори ты чудесé!
Стоит дуть в твои мехé
Для дурацкой картохé!
Ты б чудесил для себé,
Картовь растет и без тебé!

Юрайда взбунтовался, зашумел:

— Чего и ждать от вас, все вы лютеране и язычники! А теперь я сам петь буду!

И он с ужасающей истовостью заголосил:

Мораву никому от веры не отторгнуть,
Наследье отчее нам сохрани, господь...

Его уход был молниеносен и великолепен: на лету он опрокинул стол и два стула, но, очутившись на улице, все-таки крикнул безбожникам-ганакам:

— Больно надо мне с вами сидеть, язычники, магометане!

Он ушел домой, помолился всемогущему богу, благодаря его за то, что счастливо избежал подводных рифов неверия; когда вернулись Мразек и Колинко, Юрайда уже спал сном праведника на полу, где он постелил себе в наказание за то, что слышал, как поют: «Ты б чудесил для себé, картовь растет и без тебé». Утром он проснулся, томимый страшной жаждой, а тут еще предстоял экзамен, который должен был подтвердить, что Юрайда честно прослушал семестровый курс римского и германского права. Юрайда записался на экзамен, чтоб его освободили от уплаты за учение, ибо финансы его стремительно таяли под влиянием Смиховского акционерного пивоваренного завода.

Во всем этом было одно «но». Юрайда не знал ни аза ни в римском, ни в германском праве и только смутно подозревал, что это какая-то чепуха. Однако, с другой стороны, он уповал на помощь божью и с сердцем, переполненным доверия, ждал чуда.

Он принялся листать курс лекций и пить воду, гримасничая и злясь. Такая зверская жажда — и всего двадцать крейцеров в кармане! Тогда он стал жаловаться своим сожителям. Собачья жизнь. Деньги он получит только послезавтра. А завтра экзамен. И ему просто необходимо вечером как-то подбодриться, но как подбодришься, когда у тебя только двадцать крейцеров. Нищета, настоящая нищета. И вот у него к ним просьба: одолжите, ребята, два рейнских...

Мразек с Колинко переглянулись, отошли посоветоваться. Потом Колинко приблизился к Юрайде и с серьезным видом заявил:

— Вот что, приятель, денег-то мы тебе дадим, но ты сначала побогохульствуй.

Юрайда вскочил:

— Ах вы, язычники, мы — католические христиане, и лучше мне погибнуть, чем оскорбить творца...

— Значит, не будешь ругать бога, Юрайда?

— Не буду.

— Это твое последнее слово, Юрайда?

— Последнее.

— Что ж, будь здоров.

И они ушли, оставив его вне себя от негодования. Потом Юрайде сделалось грустно, он начал машинально перелистывать курс римского права. Его подозрения оказались справедливыми: сплошная чепуха.

Обедать Юрайда не пошел, закурил трубку, лег на диван и отбросил лекции: он курил и надеялся на бога.

После обеда появились Мразек и Колинко; будто не видя Юрайду, они сели к столу и завели бессовестные разговоры о том, как они вечером пойдут в пивную «У Флека» и какое там славное пиво.

Юрайда не выдержал.

— Ребята, ну дайте же мне хоть один рейнский, богом ведь прошу.

Он смотрел на них, как смотрит на судью обвиняемый перед вынесением приговора.

— Юрайда, богохульствуй, — был ответ Мразека.

Юрайда молчал. Мразек и Колинко спокойно продолжали беседу о флековском пиве, пока Юрайда не начал корчиться на своем диване.

— Да ну же, друзья, один рейнский!

— Юрайда, богохульствуй.

Страшная борьба шла в душе Юрайды — и Юрайда сломился.

Он начал уязвно богохульствовать, он ругал бога на чем свет стоит. Потом потребовал два рейнских. Его заставили еще покошунствовать и выдали монеты.

Все трое отправились в пивную «У Флека»; на пороге распивочной Юрайда обернулся к друзьям:

— А все-таки мы — католические христиане!

Домой вернулись утром. Юрайда умылся и пошел на экзамен. Результат был таким, каким только и мог быть, когда человек вообще ничему не учился. И ни при чем тут богохульство. Юрайда с треском провалился потому, что на все вопросы отвечал нечленораздельным мычанием.

Все это случилось накануне пасхальных каникул, которые длятся месяц. В тот же день Юрайда уехал домой и весь месяц прилежно зубрил, так как решил пересдать экзамен после каникул. На каждой странице учебника он написал: «Мы — католические христиане». Он ежедневно посещал святую мессу и жарко молился богу, чтобы ему прощен был грех и из книги жизни вычеркнуты его безбожные богохульные слова. Родные не нарадовались на него и, когда он уезжал в Прагу, снабдили

изрядной суммой. Так Юрайда с сердцем, переполненным набожностью, возвращался в столицу.

III

— Юрайда, богохульствуй,— были первые слова, которыми встретили его сожители.

Он принялся усовещать их, призывая помнить о вечном спасении. Как горохом об стену. Друзья хохотали, кричали наперебой:

— Юрайда, богохульствуй!

Юрайда ушел в костел; вечером он сидел дома, повторяя римское и германское право, а на другой день, с полным доверием к богу и уверенностью в своих знаниях, отправился держать экзамен.

И второй раз Юрайда провалился с треском, как будто и не занимался науками, а все вечера напролет позорил гнусными словами святую Орлеанскую деву.

В полдень, рассвирепевший, он влетел в трактир, куда ходили язычники Мразек и Колинко, и гаркнул на все помещение:

— Ох, как я сейчас побогохульствую, я опять провалился, теперь мы атеисты!

Приехал как-то в Прагу дядя-священник и, не найдя Юрайды дома, пошел за ним в трактир. Там в компании ганацких студентов восседал его племянник, громовым голосом выводя:

Господи на небесé,
Не твори ты чудесé!
Стоит дуть в твои мехé
Для дурацкой картохé!

Дядя-священник моментально скрылся, а вдогонку ему несло:

Ты б чудесил для себя,
Картовь растет и без тебé!

— Язычник паршивый! — плюнул дядя.

1908 г.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Комитет увеселительного и благотворительного общества «Подлинный благодетель» констатировал в начале декабря, что казна общества составляет сто двадцать крон. Само собой разумеется, его члены тотчас же собрались в помещении общества, чтобы обсудить, как наиболее целесообразно и благотворительно распорядиться этими деньгами в связи с приближавшимся рождеством. Под влиянием выпитого пива председатель почувствовал прилив сентиментальности и трогательным

голосом заговорил о вдовах и сиротах. Унылыми красками он начал рисовать какой-то неясный случай с бедной вдовой, которая повесилась на рождественской елке. Потом он принялся икать и заказал себе сливовицы. Секретарь потребовал три бутылки вина, и комитет вернулся к вопросу о том, как в благотворительных целях распорядиться казной общества. Наконец председатель, который уже начал лить сливовицу в вино, высказал мысль: через объявление в газете предложить беднейшим, безукоризненной репутации вдовам-матерям подать прошения о поддержке в общество (прием от пяти до шести пополудни). Пяти вдовам выдадут по двадцать крон, то есть всего сто крон. Поскольку казна общества составляет сто двадцать крон, останется еще двадцать. Что с ними делать? Собравшиеся мудро разрешили и этот вопрос. К полуночи сообщая они пропили тот остаток, с которым не знали, что делать, и тем самым благоразумно закруглили сумму общественной казны.

Объявление, данное в отделе кратких сообщений, начало оказывать действие. Председатель сидел в помещении общества с пяти до шести, пил пиво и в панике принимал прошения бедных вдов. В первый день по почте их пришло двадцать и лично было вручено шестьдесят.

Председатель начал нервничать и с ужасом заметил, что у него уже нет больше слез. Его растрогали вдовы и сироты, целым потоком хлынувшие к нему. Они целовали ему руки, причитали и плакали. Одна вдова привела с собою двенадцать человек детей. Бедняга, вытаращив глаза, смотрел, как эти взятые напрокат детишки, похожие на дюжину близнецов, по данному знаку подняли страшный рев и принялись буквально лизать ему руки. Грязные, засаленные рты выглядели так жалостно, что он чуть было не полез в карман, чтобы из своих денег наделить сироток крейцерами, как вдруг без стука в помещение вторглась новая процессия—пятеро ребятишек, которых вела женщина с грустным выражением лица. Это выражение мгновенно исчезло, едва бедняжка увидела первую трогательную группу.

Она подскочила и начала награждать пощечинами мать двенадцати сирот. «Я-то вдова,—кричала она,—а у тебя есть муж, вы едите гусей! Со всего дома, подлая тварь, собираешь детей и ходишь попрошайничать!»

Председатель с ужасом взирал на неожиданный оборот, который приняла борьба. Подвергшаяся нападению сломала его зонтик о новую просительницу, в то время как детишки бросились друг на друга и выдавили стекло в книжном шкафу общества.

Председатель вышел из себя. Он начал стучать кулаком, официант бросился вышвыривать мать-самозванку, трактирщик освобождал помещение от другой вдовы, сироты поочередно вылетали на улицу—потом наступила тишина, и председатель

крикнул официанту: «Принесите мне коньяку!»

Около шести часов председатель свалился со стула. Он вышел двадцать рюмок коньяку и стащил на себя скатерть, а вместе с ней и все прошения об оказании денежной помощи к рождеству.

Председатель спал на диване в соседней комнате, когда собрались члены комитета, и у них создалось впечатление, что здесь, по-видимому, разыгралась какая-то трагедия.

В тот день пили умеренно и пропили только пятнадцать крон; а после того, как был застеклен книжный шкаф, в казне осталось восемьдесят крон. Таким образом одна вдова отпала; лишь четыре получают по двадцать крон.

На второй день принимал прошения секретарь. Это был нервный человек. Он страшно разгневался, когда одна из протестующих пыталась обнять его колени.

— Вон! — зарычал он. — Прочь отсюда, это ужасно!

Затем появилась молодая красивая вдовушка.

— Не хочу ничего слышать! — кричал он. — Давайте прошение и будьте здоровы! Понятно? Я не юноша! Черт возьми!

Позже пришли члены комитета и стали серьезно обсуждать благотворительные цели общества.

Председатель потребовал возмещения убытков. Он хотел двадцать крон за сломанный зонтик и труды, связанные со вчерашним приемом прошений. Его упрекали в том, что он грабит общество, что он алкоголик.

Секретарь кричал, что если председатель получит двадцать крон, то нужно возместить убытки всем принимавшим прошения членам комитета. В конце концов он потребовал две кроны, потому что заказывал себе в служебные часы бифштекс и три кружки пльзеньского пива. Дебаты становились все более ожесточенными. Наконец все сошлись на одном. Лучше разделить лишь двух порядочных вдов двадцатью кронами, чем допустить, чтобы двадцать крон попало в дурные руки.

Когда они расходились, казна общества снова уменьшилась.

*

Пришел сочельник; в кассе общества лежало шестьдесят восемь геллеров, а на столе — триста двадцать прошений бедных вдов.

— Господа, — сказал председатель, — в связи с обстоятельствами, которых мы не могли предвидеть, раздача рождественских подарков в этом году не состоится. Остается решить вопрос, что делать с остатком казны в шестьдесят восемь геллеров. Пусть они положат начало средствам для наших будущих благотворительных целей, которым я провозглашаю громкое «Наздар!»¹.

1908 г.

¹ Наздар (чешск.) — в данном случае в значении «Да здравствует!»

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗ

Княгиня фон Шварц состояла в любовной связи со своим молодым исповедником, который слыл непримиримым врагом порока, ибо бог всеведущ и вездесущ. Поскольку же патер был любовником ее светлости, он особенно яростно преследовал порок среди бедняков.

Сам он впервые признался княгине в любви в замковой часовне. А потом сказал ей: «Иди, дочь моя, и больше не греш!» Это было так забавно, что княгиня старалась как можно чаще давать ему возможность повторять эти библейские слова.

Итак, разделяя с князем благосклонность княгини, он в своих проповедях обличал порок, царящий внизу, у подножия замка, в низеньких халупах, сплошь заселенных людьми, работавшими на господском дворе.

Дети этих рабочих посещали школу, где несколько монашенок толковали им закон божий, извлекая из него лишь самые нравоучительные истории. В результате в головах у ребятишек все перепуталось, и, когда они приходили домой и слышали, как ругаются их родители, они сидели как пришибленные.

Но какой был толк от того, что детишки под влиянием монашенок заживо становились ангелочками, если их родители бродили во тьме и не стремились очистить свои души от плотских влечений и страстей?

Княгиня же совершала массу добрых дел, которые уравнивали ее грехи. Она много молилась, возмещая набожностью недостаток добродетели. Княгиня верила в милосердие божье как в то время, когда грешила, так и тогда, когда добрыми делами и покаянием очищала свою душу, ибо милосердие божье беспредельно. Она даже приказала монашенкам варить детям чесночную похлебку.

Люди же в тех халупах, наоборот, жили в грехах и не думали о спасении души, потому что на это не хватало времени: с утра до вечера трудились они за пару крейцеров на княжеских полях.

Они не молились и при получке весьма непочтительно отзывались о беспредельном милосердии божьем. А когда видели в замковом парке княгиню, сопровождаемую достопочтенным паном патером, отплевывались и говорили: «Эта потаскуха никак не стареет!»

В их безверии им и в голову не приходило, что господа поставлены над ними самим господом богом и что княгиня могла это услышать.

Говорили они также, что преподобный и досточтимый пан патер — свинья, не помышляя о том, что господь бог может за это на них разгневаться и проклясть их. Но бог в своей беспредельной доброте не делал этого, ожидая, что грешники исправятся.

А они продолжали грешить и называли князя «паном буйволом». Один черт знает, как они и додумались-то до этого, ведь в княжеском хозяйстве, если не считать управляющего, казначея и им подобных, они сталкивались только с одними волами.

Итак, они терпели наказание за свои грехи и умирали, изнуренные непосильным трудом, хотя обычно и говорится, что работа на свежем воздухе весьма полезна для здоровья. Уходили они на тот свет, истощенные голодом, несмотря на эту самую хваленую пользу труда на свежем воздухе, а все потому, что были безбожниками, ругались и им нечего было есть.

К числу самых больших грешников принадлежали поденщик Вейвода и поденщица Петрова.

Несчастные находились во внебрачном сожителстве и вдобавок ко всему еще хотели обмануть господ бога тем, что в остальном были вполне порядочными людьми.

Но какая же это порядочность, если в результате их сожительства (неудобно даже писать об этом!) появились незаконные дети.

А поскольку они были незаконными, бог наказал их тем, что они не получали чесночной похлебki, не были приняты в школу, руководимую монашенками, и не знали посему, что такое господь бог. Они играли себе дома со спичками или копошились около пруда, и порядочные люди из замка ждали, что «эти басурманята» либо утонут, либо сгорят, ибо бог всемилосерден и наказывает лишь с той целью, чтобы люди исправились. (Вспомните последнее несчастье в Италии, когда погибло более четверти миллиона людей.) Все же дурной пример заразителен, и дела не спасало даже то, что пан патер после ночи, проведенной с ее светлостью в неусыпном бдении, особенно гневно обличал порок: люди не ходили в костел, не перегружали записями метрическую книгу и не стремились получить благословение божье и заплатить за это благословение божьему служителю.

Обычно какой-нибудь парень просто говорил: «Ну, девка, давай переселяйся ко мне!» И глядишь, уже живут вместе к ужасу ее светлости княгини и пана патера, которые живо представляли себе устрашающую участь грешников на том свете.

— Мы по себе знаем, как трудно бывает избежать соблазна,—вздыхал пан патер.—У нас обоих, то есть у меня и у вас, ваша светлость, сильная воля, но плоть слаба, что, конечно, видит всемогущий господь. Но страшнее всего, когда в пороке погрязают бедняки. Какое значение может иметь проповедь, если эти несчастные не ходят в костел!

— Попробуйте тогда воздействовать на них своим личным вмешательством, преподобный отец...

— Попробую,—ответил досточтимый патер и поцеловал княгиню в шею.

Итак, в воскресенье он направился к Вейводе, чтобы разъяснить ему, что это за дьявольское изобретение — внебрачное сожительство.

Вейвода сидел за столом и курил трубку, Петрова вязала чулок, а на постели проказничали их дети.

Пану патеру был предложен единственный стул, а Вейвода пересел на лавочку к Петровой.

Патер без всякого предисловия выгнал из избы ребят и начал разговор по душам.

— Вам нужно было быть поосторожней и повнимательней, пока вы не забрели так далеко, что оказались в незаконном сожительстве. Истинно говорю вам: дьявол бродит вокруг нас, аки лев рыкающий, и ищет, кого бы ему поглотить.

— Оно так,—согласился Вейвода.

— Вы не можете даже представить себе, Вейвода, какая это святая вещь—законный брак.

— Оно так, преподобный отец, святая вещь.

— Ну вот видите, Вейвода, и вы, Петрова, брак—бесценная вещь и угоден богу. А вы не думаете, что если вы вот так сожительствуете, то отвращаете от себя милость божью? Ну как, Вейвода?

— Так ведь это все равно, преподобный отец!

— Вейвода, опомнитесь! Что вы говорите? Вам не кажется, что у вас деревенеет язык?

— Чего нет, того нет, преподобный отец.

— Вейвода, ради всего святого, посещали вы уроки закона божьего?

— А как же! По закону божьему у меня всегда была пятерка.

— И не жаль вам, Вейвода, того времени, когда вы учились усердно молиться богу?

Вейвода сплюнул.

— Так это, пан патер, было уж очень давно!

— А вы не думаете, Вейвода, что на том свете вам отольются все ваши прегрешения? Меня очень беспокоит ваша загробная жизнь.

— Все едино, преподобный отец.

— Вейвода, заклинаю вас, очиститесь и поженитесь с Петровой по закону. Ведь то, что вы делаете, это все равно что пожелать жену ближнего своего, как гласит заповедь! Вейвода, помните о вечной жизни, о смерти! Обещайте мне, что исправитесь. Ведь это же свинство, Вейвода! Это то же самое, как сказано в писании, что соблазнить чужую жену!.. Так что мы сделаем теперь, Вейвода?

Вейвода вынул трубку изо рта, взял пана патера за руку и сказал доверительно:

— Мы с вами, преподобный отец, и дальше останемся свиньями.

При этих словах патер выскочил из избы как ошпаренный...

1909 г.

АНТИГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАГОВОР В ХОРВАТИИ

(пособие по массовому производству
государственных изменников)

I

Инструктивная беседа

Заместитель хорватского бана сидел в кабинете за своим столом и доверительно наставлял земского комиссара:

— Правительство нашего бана, барона Рауха*, весьма непопулярно. И было бы недурно, если бы мы сие попытались исправить. Как вы считаете — не повесить ли нам для этой цели пятьдесят человек?

— Что ж, — снисходительно отвечал хорватский земский комиссар, — дело не в количестве.

— Вижу, доброе у вас сердце, милый комиссар. Барон Раух обожает таких людей. Что же касается меня, я б распорядился повесить пятьдесят семь. Что вы на это скажете?

— Скажу, ваше превосходительство, что это не имеет значения: пятьдесят семь или пятьдесят восемь. Меня это не трогает. Я чиновник. И слава богу — хороший чиновник. Повесить так повесить, расстрелять так расстрелять. А велит закон утопить — и утопим, прикажут на кол сажать — посажу и на кол. Даст мне указание начальство зарезаться — и зарежусь. Да если бы наш наияснейший бан повелел: «Keret jemit inni» — хватит тебе пить — и не буду больше пить, так и умру за родину от жажды. Вот я какой чиновник. И за Венгерское королевство, как за свое отечество, этими вот голыми руками удавлю любого изменника. Бог свидетель, ваше превосходительство. По высочайшему распоряжению...

Заместитель бана улыбнулся:

— Этого не требуется, дорогой друг. Главное, как я уже говорил, снискать доверие народа к правительству нашего светлейшего бана Рауха... А это можно сделать, лишь организовав процесс против государственных изменников. Но за печкой или в собственном брюхе их не отыскать. А надо найти. Терпение и труд все перетрут.

Барону Рауху нужно закусить изменниками. Мы их ему состряпаем. Из сахара их не слепишь, оглядимся вокруг себя. Куда это годится, если среди такого обилия людей в Хорватии не найдется 57 изменников! Хвать здесь, хвать там, глядь, и отыскалась хотя бы курительная трубка с надписью. Порядок. Вот тебе и изменник, который курил эту трубку. А кто ему сделал надпись на трубке? Снова — хвать, и берешь фабриканта трубок и торговца, у которого владелец трубки покупал табак. А вдруг еще — тот первый за табачком не сам ходил, посылал кого-то. Снова — хвать, и еще один «hazaágulo» — изменник. Господи, да кто же торчит в мире, будто гвоздь на ровном

месте? У всех арестованных есть родственники. И тех тоже перехватать.

Так-то вот — здесь схватишь, там, наконец и наткнешься на кого-либо, кто и признается, и присягнет в чем угодно, за что ему заплатишь. Вот тебе и свидетель. Что? И подсудимые рвутся присягнуть? Отчески их пожуришь, от подсудимых присяги не требуется, для этого у нас есть свидетели. А когда всем подследственным пришьешь государственную измену, это же колоссальный процесс, и в Хорватии установится покой. Как говорят, цель оправдывает средства, дорогой друг. А можно поступить и иначе. Берешь какого-нибудь мерзавца, и пусть выбирает: сидеть или же под присягой сознаваться во всем, что ему подскажешь. Такому прохвосту цены нет, он всегда готов послужить властям. В награду можно пожаловать ему и дворянство. Порой правительство оказывается в такой щекотливой ситуации, когда не знаешь, что и предпринять, и такой вот послушный мерзавец окажется желаннее манны небесной. А если он к тому же умеет и писать, совсем хорошо. Издаст подстрекательскую брошюру. Это, кстати, не моя идея, самого бана. Но мне она очень нравится. Если вышеупомянутый тип неграмотен, придется написать за него. Мало ли в земском управлении чиновников, кропавших стишки в юности! Чиновник сделает лучше не надо, мерзавец под его писаниной подпишется — и прекрасно. Ниточка потянулась. Подстрекательская брошюра привлечет внимание правительственных кругов. Автора можно вызвать к бану. Бан похлопает его по плечу и подаст руку, чтобы тут же пойти ее вымыть. Грязная тварь, но интересы отчизны... Главное, чтобы в брошюре приводились имена людей, которые еще живы: мертвеца не повесишь и в тюрьму не заткнешь. А теперь снова, как я уже говорил. Прием тот же самый. Хвать здесь, хвать там. И суд следует подготовить, ему придется судить невиновных людей за государственную измену. Приговор выносится по ходу следствия. А как вы думаете, что на все это скажет Европа, дорогой комиссар?

— А нам на общественное мнение... — отвечал земский комиссар.

— Как это вы хорошо сказали, — похвалил заместитель бана. — Значит, вперед. А прочее придет само по себе.

II

Письмо заместителя бана барону Рауху

Ваше превосходительство!

Негодяя, согласно выполнить все наши пожелания, нашел. Зовут его Настич. Пообещал ему дворянское звание, прочное положение в обществе и деньги. Брошюру он напишет сам.

III

Письмо барона Рауха заместителю

Дорогой друг!

Я только что переговорил с нашим другом Настичем. Ассигновал ему 30 000, чтобы он напечатал брошюру на собственные средства. Прилагаю список особ, у коих следует найти подозрительные материалы. Необходимы десять человек, способных дать лжесвидетельства под присягой. Все расходы беру на себя.

IV

Что было найдено у подозреваемых лиц (согласно официальному протоколу)

У первого лица: перочинный ножик с красной рукояткой, белая рубашка, особенно подозрительно, что у обвиняемого синие глаза, так как в совокупности получается трехцветный славянский флаг.

У второго лица: кувшин с надписью на сербском языке.

У третьего лица ничего не было найдено, что вдвойне подозрительно, ибо свидетельствует о нечистой совести вышеупомянутого обвиняемого, оказавшегося столь опытным преступником, что успел уничтожить все следы преступных связей.

У четвертого лица найден альбом с открытками, и среди них — две из Белграда. Ввиду того, что подписи отправителей неразборчивы, можно сделать вывод, что сербские круги были хорошо информированы о том, что корреспонденция носит антидинастический характер.

У пятого лица ничего не найдено. Это еще подозрительнее, чем у третьего лица, так как в данном случае полиция действовала наверняка.

Шестое лицо оказалось не в состоянии объяснить то обстоятельство, что когда-то распевало сербскую народную песню. Поскольку у него также ничего не было найдено, относиться к нему следует так же, как к обвиняемым третьему и пятому. У шестого лица обнаружены носки, приобретенные в Земуне. Учитывая, что Земун расположен на другом берегу, как раз против Белграда, нельзя не согласиться с тем, что покупкой этих носков пять лет тому назад он хотел застраховаться на всякий случай, если придется объяснять свои связи с Сербией и с сербскими кругами.

Седьмое лицо тщательно скрыло все, что могло бы навести на подозрение в государственной измене. Доказательством сего является то, что при внезапно проведенном обыске у обвиняемого также ничего не было найдено.

Восьмое лицо подвергнуто предварительному заключению, так как имеет отчима, который числится под номером пять и у которого ничего не было найдено. Существует обоснованное подозрение в том, что оба они состоят между собой в преступном сговоре, разыгрывая из себя невинных.

У девятого лица найден сборник сербских песен.

Десятое лицо имеет список членов «Сокола».*

У лиц 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21-го обнаружены членские книжки «Сокола».

У лиц 22, 23, 24, 25 и 26-го членские книжки «Сокола» не обнаружены. Это вызывает тем большее подозрение, что вышеупомянутые лица превосходно знали о существовании «Сокола», этого антиправительственного общества, и не вступали в него единственно потому, что надеялись утаить от надлежащих органов свое преступное поведение. Поэтому правительство полагает, что обвиняемые вполне сознавали антиправительственный характер своего поведения.

У лиц 27, 28, 29, 30 и 35-го найдены гантели. По мнению правительства, гантели безусловно были приобретены обвиняемыми с целью специальными упражнениями укрепить мускулатуру и оказывать энергичное сопротивление правительственным органам. Тем самым они совершили преступный акт противодействия властям, включающий все признаки государственной измены.

У лиц с 35-го и по 50-е включительно найдены различные документы, свидетельствующие о связях обвиняемых с сербскими кругами. Главным доказательством является их религия — та же самая, что и у сербов в королевстве Сербия.

Лицо пятьдесят первое внезапно умерло, находясь в предварительном заключении, что свидетельствует о стремлении любовью ценой избежать справедливого приговора.

У лиц с 52-го по 57-е найдены сербские газеты. Ввиду того, что правительственные хорватские газеты найдены у них не были, очевидно, что им вполне хватило сербских газет, чем подтверждается обвинение их в государственной измене.

V

Выдержка из судебного протокола по делу о государственной измене

Председатель суда, обращаясь к первому обвиняемому:

— Вам знакома эта шляпа?

— Да.

— А помните ли вы, когда в последний раз вы надевали ее на голову?

— Нет, не помню.

Председатель предлагает это запротоколировать.

Прокурор:

— Значит, вам неизвестно, что эту шляпу вам одолжил обвиняемый доктор Медакович?

— Не помню.

Председатель, повысив голос:

— Однако, если вы не знаете, кто вам одолжил шляпу, вы ничего не захотите сказать и о государственной измене...

Боюсь за себя, раз уж вот-вот начнется процесс в Загребе. Дело в том, что у меня есть красный носовой платок, в моей кухне стоит белый шкаф, а весной небо станет совсем синим. В совокупности это дает цвета антиправительственного славянского флага.

1909 г.

Д-Р КАРЕЛ КРАМАРЖ

Д-р Карел Крамарж*, владделец фабрики в Либштате и один из основных акционеров младочешской позитивной политики*, вступил на общественное поприще 27 февраля 1860 года в Высоком над Изерой. В этот день он появился на свет, а через семь дней был окрещен. В ту пору Карел Крамарж еще не отдавал предпочтения ни одной политической партии, хотя то была эпоха Баха*. Именно в эти мрачные годы гонений д-р Крамарж чрезвычайно весело взирал на белый свет. Шести лет он стал серьезней, и дело пошло быстрее. Девятнадцати он уже окончил гимназию на Малой Стране и отправился в Германию. Был членом корпорации буршей в Берлине и в Страсбурге. Погуляв на студенческих попойках, вернулся в Прагу и учился столь прилежно, что в 1884 году удостоился звания доктора прав. С тех пор он постоянно пребывал в заботах о деньгах, вызвав этим упреки своих врагов. И все же основой таковых его забот была книга «Papiergeld in Österreich», которую д-р Крамарж самолично написал и издал в Лейпциге. Как видно, главное для д-ра Карела Крамаржа—бумажные деньги, что и характеризует весь его дальнейший жизненный путь. В те времена Карел Крамарж еще и сам не знал, что он такое и что из него выйдет. Он мнил себя реалистом* и стал редактором «Часа»*. И тут-то, редактируя реалистический журнал, Карел Крамарж вдруг понял, что он, собственно говоря, совсем не реалист, а младочех. Чтобы как-то покончить с этим запутанным делом, он с 1890 года взял на себя львиную долю переговоров между реалистами и младочехами. Переговоры имели тот результат, что д-р Крамарж окончательно переметнулся к младочехам и ринулся в Табор, где в 1891 году был избран депутатом. В 1894 году Карел Крамарж согласился представлять округ Семили в земском сейме, где самолично добился у наместника лицензии для вдовы Шумановой на табачную лавчонку в предместье города.

В качестве имперского депутата от города Табора Карел Крамарж настоял также на том, чтобы с местного вокзала был изъят испорченный автомат для продажи билетов. Само собой разумеется, что благодаря своему ораторскому таланту он с успехом добивался лицензий на табачные лавки и для жителей Табора. Когда же правительство увидело, что вымогание лицен-

зий на табачные лавки увеличивает популярность Крамаржа в народе и он становится опасен, его выдвинули в комиссию, дабы одним махом убить к нему народное доверие. Это коренным образом изменило жизнь д-ра Карела Крамаржа. С тех пор он скитается то по комиссиям, то по Крыму*. И удивительное дело: то, что ему следовало бы говорить в комиссиях, он произносит в Крыму, а то, что хотел бы сказать в Крыму, говорит в комиссиях. Здесь следует упомянуть о его новой идее помощи чешскому народу. Дело в том, что д-р Крамарж взял себе за правило во времена серьезнейших политических конфликтов, когда чешскому народу приходится особенно туго, уезжать в Крым, а когда он возвращается—буря уже миновала. Это не случайность: так подсказывает д-ру Крамаржу опыт. И именно это легло в основу нового политического метода: предоставлять событиям свободно развиваться, не вмешиваться в ход истории, держаться в сторонке и ждать, когда буря пролетит,—в полной уверенности, что не пролететь она не может. Это и есть основы так называемой позитивной младочешской политики, вождем которой является д-р Крамарж.

Позитивная политика—открытие д-ра Крамаржа, и это— нечто великолепное, захватывающее и чистое. Позитивная политика напоминает стакан кристальной, прозрачной воды, в которой ничего не видно, которая чиста от инородных тел и не вызывает никаких последствий.

Само название «позитивная политика» произошло от слова «positiv». В фотографии это означает изображение, полученное с негатива; в грамматике positiv—положительная степень сравнения прилагательных; существуют позитивные, то есть положительные, величины в математике; в музыке позитив—разновидность органа без педалей; в гальванической батарее есть позитивный (положительный) полюс; морские карты отмечают позитивное движение береговой линии; в философии позитив—противоположность тому, что достигнуто мышлением; позитивизмом называется целое философское направление: всюду позитив (позитивный) что-то значит, лишь «позитивная политика» не значит ничего, потому что, говоря языком философии, это такая политика, которую выдумали, не прибегая к мыслительным процессам. Позитивизм вообще запрещает размышлять, вот почему д-р Крамарж является поборником позитивной политики. Позитивная политика означает такую политику, когда нельзя ничего предпринимать, когда ситуация сама по себе является позитивной—то есть такой, когда события должно воспринимать такими, как они есть, когда нельзя ничего менять—разве что реорганизовать младочешскую партию.

Д-р Карел Крамарж полностью оправдал свое предназначение. Он возродил младочешскую партию. Если уж нельзя ничего предпринять против Вены, можно производить реформы хотя

бы среди своих. Поэтому в пику «Народным листам»* он основал газету «День»*, у которой около трехсот подписчиков. Ясно, что Крамаржу приходится доплачивать на ее содержание из собственного кармана, но свернуть с избранного пути он уже не может.

Во время русской революции д-р Крамарж, как обычно, предпринял поездку в свое крымское поместье. Потом газеты сообщили, что поезд, в котором он возвращался на родину, подвергся нападению русских революционеров и был разграблен. Весь чешский народ жил единой мыслью: не похищен ли д-р Крамарж революционерами? Слава богу, этого не случилось, и клуб депутатов «свободомыслящей партии» вздохнул с облегчением.

О том, что политическая деятельность д-ра Крамаржа известна даже за границей, можно было бы и не упоминать. Следует лишь заметить, что редакция французской газеты «Courrier Eugoréen» обратилась в 1905 году к д-ру Крамаржу с просьбой написать статью о результатах позитивной политики. С тех пор прошло уже четыре года, но д-р Крамарж не послал еще ни строчки.

Итак, если мы даже одобряем не все, что предпринимает д-р Крамарж в интересах чешского дела, то все-таки желаем ему и впредь трудиться на благо чешской нации с помощью частых поездок в Крым, позитивной политики, реорганизации младочешской партии, а главное — неустанных хлопот о лицензиях на табачные лавочки.

Нация, которая, кроме позитивной политики, имеет еще и табачные лавки, не погибнет. В этом главная заслуга д-ра Карела Крамаржа.

1909 г.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ С ФРАНТИШКОМ МАХУЛКОЙ, ПРАКТИКАНТОМ МАГИСТРАТА

Во избежание всяких недоразумений и ложных толкований заявляем с самого начала: если в нашем рассказе и говорится о магистрате, то это ни в коем случае не касается магистрата королевской столицы Праги. Наоборот, все, что последует, случилось давным-давно и совсем в ином месте...

До той поры, когда произошли эти важные события, практикант магистрата Франтишек Махулка жил мирно и был доволен жизнью. От рождения человек тихий и скромный, он был старателен, почителен к начальству — словом, образец хорошего чиновника. Он чтит любой авторитет — светский или духовный, был необычайно вежлив со своими коллегами, а главное, умел ценить свое место.

И неудивительно: Махулка с отличием окончил гимназию и поступил на юридический факультет. Два года он успешно изучал право, но потом понял, что за экзамены уплатить ему нечем и что по окончании он не сможет служить бесплатно несколько лет.

Тогда он расстался с юриспруденцией и перешел на философский факультет. Но когда он заканчивал третий курс, в газетах появились многочисленные предупреждения, чтобы молодежь избегала заниматься философией, так как все должности заняты и в ближайшие двадцать лет никаких вакансий не предвидится.

Франтишек Махулка оказался в тупике. Поскольку об изучении медицины не могло быть и речи, он думал уже, что ему остается только пойти в семинарию. И вдруг в самый критический момент явилось спасение: некий колбасник, сына которого он репетировал за ужины, был избран в муниципальный совет старшин и выхлопотал бедняге место в магистрате.

Франтишек Махулка сделался писарем. Так как за его плечами были аттестат зрелости, два года юридического факультета, три года философского и экзамен по делопроизводству, он был зачислен в качестве «квалифицированного диурниста¹ с правом на повышение» и с поденной оплатой в одну крону.

Франтишек Махулка был счастлив. Частенько по утрам до работы он заходил в костел, благодарил господа бога и молился за своего благодетеля муниципального старшину — колбасника и за весь славный магистрат, который его кормил.

В канцелярии, как уже сказано, он был одним из самых надежных работников: не ленился, не отзывался непочтительно о своем начальнике, не покупал себе еды и пива на второй завтрак (на это у него просто не хватало денег) и никогда не оставлял никаких «хвостов».

Сослуживцы считали его выскочкой и карьеристом, но начальство ценило его усердие и наваливало на него в три раза больше работы, чем на других.

Его добросовестность принесла, однако, свои плоды: через три года его поденную плату повысили на десять крейцеров, еще через три года — снова на десять и, наконец, после нового трехлетия — на двадцать геллеров (тогда уже были введены геллеры и кроны). Читатель, обладающий математическими способностями, легко подсчитает, что ежедневный заработок Махулки через девять лет равнялся одной кроне шестидесяти геллерам, или сорока восьми кронам в месяц, что составляло в год пятьсот восемьдесят четыре кроны.

Франтишек Махулка был на седьмом небе. Он никому на свете не завидовал и считал себя маленьким Ротшильдом. Тем ревностнее молился он каждый вечер за своего благодетеля муниципального старшину — колбасника, за господина бургомии-

¹ Диурнист — поденный писарь.

стра и за весь муниципальный совет. Он говорил себе, что теперь может спокойно ждать—хотя бы это длилось еще лет десять—назначения практикантом.

Дело в том, что в магистрате, о котором мы повествуем, было точно установленное число практикантов и определенное число официалов¹, которое ни в коем случае не могло быть увеличено. Никто не мог продвинуться, пока кто-нибудь из вышестоящих не умер или не ушел на пенсию. Эта мудрая система была придумана в давние времена, когда город был невелик, а делопроизводство несложно. С тех пор город разросся, делопроизводство неизмеримо усложнилось, но количество чиновников осталось прежним. Поэтому просто нанмали сверх штата поденных писарей, чье продвижение было практически невозможно.

Однако с течением времени прогресс проникал всюду, выдвигались новые лозунги, все организовывалось; организовались наконец и чиновники и писари. Членов муниципального совета засыпали петициями, они не успевали выбрасывать депутации за дверь. Противились долго, но в конце концов все-таки уступили и сказали: «Надо что-то сделать и для чиновников!» (Как раз приближались выборы.) И сделали. Рассудили мудро, что от писаря до практиканта, а от практиканта до официала—слишком резкий скачок, и человек, ошеломленный внезапным увеличением доходов, может потерять равновесие; поэтому ввели новую шкалу различных званий, которым отвечали соответствующие земные блага.

В результате Франтишек Махулка, который еще пять лет спокойно проживал свои ежедневные крону и шестьдесят геллеров, был назначен *аспирантом*. Теперь он был уже не простой писарь, а «ожидатель» места чиновника. Радость его была неопишуема. Правда, такое повышение имело и теньную сторону, ибо аспирантское жалованье исчислялось в пятьсот крон ежегодно, и Махулка лишался восьмидесяти четырех крон. Но он легко сбалансировал утрату тем, что три раза в неделю не завтракал и не ужинал.

Еще усерднее трудился он в канцелярии. Его неутомимое рвение не ускользнуло от внимания начальства и спустя пять лет было вознаграждено внеочередным повышением. Но так как за это время никто из практикантов не продвинулся выше, не умер и не ушел на пенсию, Махулку не могли сделать действительным практикантом и наименовали *титულярным практикантом* с жалованьем аспиранта. Таким образом, его доходы остались прежними, но он должен был уплатить пятьдесят крон ценового сбора.

Получив приказ о назначении, Махулка чуть не сошел с ума и впервые не вышел на работу, так как целый день прикладывал к голове холодные компрессы.

¹ Официал—чиновник.

Прошло семь лет, и титулярный практикант Франтишек Махулка по-прежнему трудился с неустанным рвением, и по-прежнему его ставили в пример менее добросовестным коллегам. В конце седьмого года произошло выдающееся событие: старейший официал после шестидесятилетней службы ушел досрочно на пенсию, не пожелав выжидать еще десять лет, после которых он получал право на пенсию в размере полного оклада. В результате один из действительных практикантов стал официалом, что дало ему возможность жениться на своей невесте и узаконить своего внебрачного сына, который в том году как раз призывался в армию. А на освободившееся практикантское место был назначен наш Франтишек Махулка. Жалование его, разумеется, не изменилось, но он должен был уплатить двести крон цензового сбора, которые ему милостиво разрешили вносить в рассрочку помесечно.

Столь частые и столь быстро следующие одно за другим повышения, видимо, укрепили нервы Махулки, так что на этот раз он уже не прикладывал к голове холодные компрессы; тем не менее радость его была безмерной. Теперь перед ним осталось всего лишь пятьдесят девять практикантов. Теперь-то уж он дождется желанного звания официала! Тем усерднее отдавался он работе.

Шли годы, и снова Франтишку Махулке улыбнулась фортуна: за безупречную тридцатилетнюю службу он получил персональную прибавку в сто крон ежегодно, за которые в первом году заплатил только пятьдесят крон пошлины.

Когда прошли первые приступы безумной радости, он вообразил себя барином и завел новый распорядок. Следует признать, что действовал он при этом несколько легкомысленно, так как решил, что не будет, как до сих пор, ограничиваться в обед чашкой кофе с хлебом, а разрешит себе дважды в неделю вкушать в народной столовой обед с пирогом; сигару же, так называемую «длинную», которая раньше служила ему три дня, отныне он будет выкуривать всего за два дня.

В ту пору Франтишек Махулка регулярно раз в три года заказывал себе новые ботинки, а раз в четыре года — новый костюм. Он очень заботился о своей внешности, и это была его единственная слабость.

Его поставщиками были два старых солидных ремесленника — сапожник Венделин Брдичка и портной Матиаш Цафуорек.

Каждый новый заказ становился для Махулки настоящим событием: ведь эти два человека от него зависели, они должны были первыми здороваться с ним и говорить ему: «Ваша милость» и «Чего изволите».

И Махулка не упускал возможности напомнить обоим, что он дает им заработок, что может им приказывать — словом, что он заказчик и с ним нужно считаться. Всякий раз, когда с него снимали мерку для ботинок или для костюма, он очень важничал и говорил свысока:

— Послушайте, вы... чтоб они мне не скрипели... а то знаете, что вы натворили прошлый раз?

Когда же почтенные мастера сдавали ему свои изделия, он не мог удержаться—даже если заказ был выполнен самым тщательным образом,—чтобы не сказать:

— Ай-ай, уважаемый... Разве это ботинок? Да это же опорок!.. Да вы отродясь и колодки-то порядочной не видели! В следующий раз я такую дрянь не приму, носите сами! (То была точная копия тона и выражения его начальника, советника Пишкота.)

Таково было единственное удовольствие Махулки—хоть на минутку да почувствовать себя баринном,—удовольствие, которое он всегда заранее предвкушал и долго потом вспоминал.

Так проходили годы, без изменений—медленно и монотонно; время от времени Махулка заказывал ботинки или костюм, неизменно повторяя приведенный выше монолог, как вдруг в один прекрасный день...

Да, в один прекрасный день происходили выборы в муниципальный совет. Огромные кричащие плакаты на углах улиц, бурные предвыборные собрания, соглашения муниципальной клики с оппозицией ремесленников... и из избирательной урны игрою случая вынырнули новоиспеченные члены муниципально-го совета сапожник Венделин Брдичка и портной Матиаш Цафоурек, поставщики практиканта магистрата Франтишка Махулки.

Махулка, никогда не интересовавшийся политикой, узнал об этом утром в табачной лавке, покупая свою неизменную «длинную», которая должна была ему служить два дня, и, как обычно, наспех просматривая ведомственный листок.

Сначала новость не очень поразила его: впереди был рабочий день, и Махулке некогда было заниматься легкомысленными размышлениями, которые могли отвлечь его от работы и тем нанести ущерб магистрату. В дневной суете он даже забыл об этой новости, и только после ужина, когда он уже собирался лечь, она вдруг всплыла в его сознании. Махулка как раз разувался и, грустно разглядывая стоптанные, потрескавшиеся ботинки, думал, что пора заказывать новые. Тут-то впервые и дошел до него смысл этого события. В голове мелькнула тревожная мысль: как я могу заказывать ботинки у Брдички, если он теперь муниципальный советник, мой кормилец? Что делать? И как быть с одеждой? Брюки внизу обтрепались, на зад нужно положить заплату. Как я могу прийти за этим к Цафоуреку, если он со вчерашнего дня городской старшина и мое непосредственное начальство?

Его начало трясти как в лихорадке, и он, ошеломленный неслыханным оборотом дел, решил отложить размышления до завтра. Но долго не мог он уснуть в эту ночь, и временами мороз подирал его по коже.

Когда утром Махулка обувался, тяжелые мысли начали

одолевать его с новой силой. Он страшился будущего и чувствовал себя беспомощным.

В канцелярии он не раз впадал в задумчивость, посадил кляксу на важный документ и испортил гербовый бланк ценою в 0,7 геллера, что побудило господина советника деликатно упрекнуть его:

— Черт побери, Махулка, нужно быть повнимательнее! Этак вы пустите по миру весь магистрат!

Это окончательно выбило его из колеи. Об обеде Махулка уж и не думал, мысли его неизменно блуждали по заколдованному кругу: «Господи, что делать? Попробуй отдать башмаки в починку муниципальному советнику! Не сочтет ли он это смертельным оскорблением со стороны жалкого практиканта? И ради всего святого, как я должен теперь к нему обращаться?»

Он начал мысленно комбинировать всевозможные титулы и от этого еще больше запутывался.

«Глубокоуважаемый господин советник, не будете ли вы так любезны поставить мне заплатку на ботинок?»

«Ваше благородие, господин советник, позволю себе наипокорнейше просить, не затруднит ли вас залатать мне брюки на заднице?»

«Многоуважаемый господин советник, позволю тешить себя надеждой, что вы с обычной благожелательностью изволите починить мои смиренные ботинки!»

Будет ли это достаточно почтительно? Не вышвырнет ли он меня за дверь? А вдруг я, не дай боже, забудусь да и ляпну муниципальному советнику, как раньше: «Послушайте, вы...» или «Эй, шут гороховый!»

С ума сойти! А если пойти к другим? Но ведь никто не возьмется шить мне ботинки и костюм в рассрочку, по кроне в месяц! Не говоря уже о заплатках и подметках! А еще, того и гляди, господин муниципальный советник и господин муниципальный старшина обидятся, что я перестал у них заказывать, а это хуже всего!

Отныне мрачные мысли не покидали несчастного Франтишка Махулку. Им овладела меланхолия. Как навязчивая идея, днем и ночью преследовал его образ заплатанных ботинок и брюк.

Время шло, но состояние Махулки не улучшалось. Наоборот, он все глубже погружался в задумчивость. Куда девались его прилежание и внимательность, которые всегда приводились в пример остальным? Уставившись в пространство, он тратил время на долгие размышления, сажал кляксы на важные бумаги и портил дорогие бланки.

Одновременно и вид его становился все неряшливее. Поскольку он все еще не решил, как быть, его единственный костюм пришел в полную негодность, ботинки совсем развалились, и он ходил уже на собственных подошвах, брюки протерлись, а на локтях зияли дыры, которые он безуспешно

пытался прикрыть подкрашенными заплатами.

В конце концов это заставило шефа, господина советника Пишкота, вызвать Махулку к себе и серьезно с ним поговорить:

— Послушайте, Махулка, что с вами, собственно, происходит? Ничего не понимаю! Вы всегда были таким примерным чиновником!.. Я уж не говорю о вашей работе—она сейчас и гроша ломаного не стоит,—но посмотрите на себя: на кого вы стали похожи! Просто ужас берет: вылитый атаман разбойничьей шайки после разгрома! Куда вы деньги-то деваете, коли даже одеться прилично не можете? Холостой человек, и с таким-то жалованьем! Или какую-нибудь балеринку содержите?

Но Франтишек Махулка вместо ответа залился истерическим плачем.

Пораженный господин советник вызвал к себе после этого старшего официала, который приглядывал за всем персоналом канцелярии, и поделился с ним своими сомнениями:

— Не кажется ли вам, что Махулка чертовски сдал? Попробовал я сейчас отечески пожурить его, так он возьми да и разревись, словно какая-нибудь меланхолическая девица! Не иначе он алкоголик, скорее всего, потихоньку пьет. Придется отправить его на пенсию!

— Осмелюсь напомнить, господин советник,—сказал старший официал,—он служит всего тридцать лет и не имеет еще права на пенсию.

— Тем лучше, по крайней мере сэкономим на нем,—сказал господин советник и милостиво отпустил официала.

Но случилось все иначе...

В тот же день в ратуше происходило важное заседание муниципального совета, на котором, помимо иных вопросов, разбиралось предложение о создании особого учреждения для художественного воспитания народа. Среди прочих ораторов слово попросил новоиспеченный советник сапожник Брдичка, который так начал свою девственную речь:

— Господа, я никакой там не оратор, я честный ремесленник, и я не буду выдумывать всякие там цветистые выражения—я по-простецки ляпну, как думаю. (Превосходно!) ...Так я вот думаю, господа, что как... это... жили мы без этих новшеств. (Превосходно!) ...И наши отцы без них прожили. (Превосходно!) ...Так и наши дети без них отлично проживут. (Превосходно!) ...А долгов у нас и без того полная... а что полная, говорить неудобно. (Бурное одобрение.) Вот я и думаю, к чему еще выбрасывать деньги...

Вдруг в напряженной тишине с переполненной галереи раздался громкий выкрик, который сразу погасил красноречие господина советника:

— Эй вы, шут гороховый, разве это ботинок?! Да вы отродясь и колодки-то порядочной не видели! В башку вам его только запустить!

И какой-то человек швырнул вниз, прямо в оцепеневшего

оратора, изношенный башмак и начал рвать на себе одежду. Это был несчастный практикант магистрата Франтишек Махулка, который сошел с ума.

Заседание было прервано. Беднягу вывели и вскоре отвезли в сумасшедший дом, откуда он больше не вернулся.

И живет там Франтишек Махулка за счет муниципальной казны, которой все-таки не удалось на нем сэкономить, как надеялся господин советник Пишкот.

Это тихий, безобидный сумасшедший, который низко кланяется всем встречным и твердит просительным тоном:

— Ваша милость, глубокоуважаемый господин советник, позволю себе наипочтительнейше просить, если это вас не затруднит, залатать мне смиренную задницу на брюках...

1909 г.

СУП ДЛЯ БЕДНЫХ ДЕТЕЙ

Князь Роберт был очень гуманный человек. Он решил устроить в деревне, находившейся возле его замка, бесплатную раздачу супа для бедных школьников. Не пожалел средств на постройку павильона и выписал из Вены походную кухню. Когда ее доставили, княгиня на коленях умоляла мужа отказаться от своей затеи. Но князь ответил:

— Ни в коем случае, княгиня... Я сам буду варить этой голытьбе картофельный суп.

Отговаривал его и брат княгини, граф Мангард, доказывая, что это — занятие, не достойное князя.

Но князь Роберт закричал, что будет во что бы то ни стало сам варить картофельный суп и выставит за дверь всякого, кто вздумает лезть к нему со своими советами.

Князь Роберт был очень гуманный, но в то же время очень вспыльчивый человек.

И вот в один прекрасный день павильон и походную кухню убрали свежими сосновыми ветвями, вход в павильон украсили надписью: «Награди, господь!», в сосновые ветви вплекли флажки, двухцветные ленточки и дворецкий во фраке и цилиндре подошел к печке и принялся ее растапливать. Таково было желание князя Роберта.

Сам он смотрел в окно, с нетерпением ожидая, когда дворецкий снимет цилиндр — в знак того, что вода закипела и пора его светлости чистить картошку. Это было тоже предусмотрено составленной князем программой.

Наконец князь вышел из замка и важно, торжественно проследовал к павильону, возле которого стояла походная кухня. Там был и сельский староста, занятый тем, что тыкал кулаками под ребра бедных ребят, которые даже в это мгновение, не обращая внимания на его светлость, продолжали ковырять в носу.

Староста знал порядок. Он велел всем двадцати трем бедным школьникам деревни кричать князю «ура», кинул на них быстрый взгляд—умыты ли—и дал знак стражнику Пазоуреку; тот зажег фитиль у одной mortarы и перебежал к другой. Грянули два выстрела, и князь выступил из закрутившихся над mortarой облаков дыма. Дети оглушительно заорали. Князь приветливо махнул рукой и сел перед походной кухней. Два лакея подали ему картофелину. Взяв ее руками в белых перчатках, он очистил ее и бросил в котел с кипятком. Дети не могли кричать от радости, так как охрипли. Его светлость приступил к чистке второй картофелины. Когда он бросил и ее в котел, снова раздался радостный рев. Князь Роберт встал и промолвил:

— Ви, детка, имейт радост, кушайт суп и радовайтесе, что я вас варил. Ви, детка, должна помнийт, что я для вам к нас, я быть ваш мать, я вас...

Раздался новый радостный рев—в знак того, что прекрасная речь его светлости доставляет юным слушателям искреннее удовольствие.

— Ви, детка, знайт: то есть лучший монумент вам, что я варю,—торжественно продолжал князь.—Ви делайт ам-ам хорошего суп, а я вас сам картошить. Молийтс богу об мэйне!

Вслед за тем каждый из двадцати трех бедных учеников получил от его светлости крону. В заключение князь подошел к старосте, снял перчатки и отдал их ему со словами:

— На памейт о первый ам-ам хорошего суп, который я картошил. Молийтс богу об мэйне!

Егерь подвел князю коня, и его светлость отбыл рысью в заповедник, а дворецкий и лакеи гордо удалились в замок.

Староста сунул перчатки в карман, посмотрел на бедных ребят, потом на сельского стражника Пазоурека, потом опять на перчатки—нет ли тут чего,—наконец обратился к члену общинного управления Вержине с такими словами:

— Ну, а кто ж теперь суп-то для этих голодранцев доварит?

— Пазоурек с ребятами пускай дочистит картошку,—ответил Вержина.

— Вари суп, Пазоурек, а вы, девчата, принимайтесе чистить картошку,—распорядился староста и ушел с первым и вторым членами общинного управления.

Стояла невероятная жара. Пазоурек стал ругать детей, свирепо вращая глазами:

— Показал бы я вам, как ходить сюда за супом! Балует вас его милость!

С основательностью старого солдата он, не вынимая трубки изо рта, опустил в кипящую воду разложенные на столе продукты. Тем временем девочки уже почистили всю картошку, и он принялся хлопотать вокруг котла, стирая рукавом обильный пот со лба. Вдруг он перестал мешать в котле: его озарила какая-то мысль. Поглядев на кувыркающихся перед павильоном

в траве ребят, он крикнул одному из них:

— Эй, Малина, подойди сюда!

Ничего не подозревающий Малина подошел.

— Слушай, сорванец! — заявил ему Пазоурек. — Я видел, ты вчера на общинном поле горох воровал. За это штраф полагается. Давай сюда крону и позови брата своего Пепика... Пепик, паршивец, ты знаешь, что брата твоего Карела чуть в тюрьму не посадили? Он вчера горох воровал. За это — штраф. Он крону от князя получил, и ты тоже. Благодарите бога, что у нас князь такой добрый. А то кто бы за вас, прохвостов, штрафы платил? Так вот, крона с Карела да крона с тебя, Пепик, — как раз и выйдет, что полагается. Только смотрите: коли я вас опять в горохе увижу, сейчас запру в хлев при управлении. Штаны долой — и задам трепку! Воровать — великий грех, дети! Но я вас прощаю. А теперь, Пепик, сбегай за бутылкой, а Карел пускай суп помешает.

И он спокойно расположился возле котла на лужайке. Вскоре Пепик принес поллитровку. Выпив как следует, Пазоурек собрал вокруг себя ребят и долго беседовал с ними о необходимости уважать начальство.

— Потому оно — от бога, сукины дети! — сказал он в заключение и послал еще за бутылкой.

Солнце стояло уже высоко, и Пазоурек снял сапоги. Потом, привольно раскинувшись на траве, уснул, между тем как ожидающие княжеского угощения занялись игрой в «разбойники».

Крик их не будил Пазоурека. К тому же скоро вокруг все затихло, так как «разбойники» убежали в заповедник.

В полдень князь, возвращаясь с прогулки домой, в замок, увидел всеми оставленную походную кухню и пустой павильон.

Из котла шел пар, слышалось клокотанье, и на поверхности время от времени всплывали сапоги общинного стражника Пазоурека. Князь разбудил его пинком, хотя он был человеком гуманным, но очень вспыльчивым.

А с дороги над косогором, укрывшись в кустах терновника, братья Малина, ликуя, любовались сапогами в котле и всей картиной в целом, как художник любит свое произведение, удостоенным первой премии.

По-видимому, это зрелище возместило им потерю двух крон.

Князь тотчас раз и навсегда отменил бесплатную выдачу супа. А когда его шурин, граф Мангард, человек исключительно добросердечный, встретил в лесу общинного стражника Пазоурека и с любопытством осведомился, как они варили в первый и последний раз картофельный суп, Пазоурек откровенно признался:

— Ах, ваша милость! Это было ужасно. Вонь стояла такая — ну не продохнешь!

1910 г.

ЗАБАСТОВКА ПРЕСТУПНИКОВ

Само собой разумеется, что виноваты во всем были социал-демократы. Это их газеты непрестанно твердили о классовой сущности права! Это их ораторы требовали, чтобы признанное теоретически равенство граждан перед законом осуществлялось на практике! Их претензии временами заходили так далеко, что, когда одна баронесса в ювелирном магазине случайно запихнула в карман несколько драгоценных камней, они потребовали, чтобы ее судили как обыкновенную воровку, как будто у баронесс не существует в таких случаях kleptomании.

Подобно этому, их органы не только не вступились за некоего сиятельного графа, когда тот объявил себя банкротом, облегчив тем самым карманы своих кредиторов и служащих на парочку миллионов, а, наоборот, еще отважились потребовать, чтобы его сиятельство сел на скамью подсудимых. Когда же этого не произошло, они начали подстрекать народ против юстиции и судов.

Так дело дошло до того, до чего должно было дойти. Преступникам стало казаться, что суды к ним несправедливы, что они поступают с ними не так, как следовало бы. Тогда-то и произошло событие, которое оказалось уникальным в мировой истории и которое имело для государства, как увидят читатели, весьма серьезные последствия.

В один прекрасный день, или, вернее, в одну прекрасную ночь, без ведома и разрешения полиции на улицах появились огромные плакаты, в которых преступники провозглашали всеобщую забастовку. Это было их последним незаконным актом. После него—ни единого. Забастовка должна была продолжаться до тех пор, пока законы, устанавливающие равенство граждан, не будут проведены в жизнь до последней буквы.

Лояльного гражданина должно было больно задеть то обстоятельство, что власти на первых порах недооценили этого движения. Полицейские и судебные чиновники брали отпуска и, радостно потирая руки, твердили, что постараются, чтобы требования забастовщиков не были удовлетворены: ведь такого чудесного времени не дождешься уж до самой смерти. Чиновники прокуратуры целыми днями сидели по кофейням и от нечего делать читали газеты. Но и на газетах уже начали сказываться первые последствия забастовки: редакторы, эти прирожденные преступники, оказались солидарными с остальными злоумышленниками и не погрестили даже против самого ничтожного параграфа закона. Это было так обидно, что господин верховный прокурор, прочитав социал-демократические «Право лиду»*, «Зарже»* и «Копршивы»*, ударил ими об стол и проворчал:

— Они стали почти такими же скучными, как «Пражске уржедни листы».

С той поры он начал страдать тяжелым неврозом. Когда же кончился квартал и он, составляя отчет, должен был в рубрику «количество обвиняемых» написать нуль, в рубрику «количество поданных жалоб» — опять нуль и в рубрику «количество осужденных» — снова нуль, он всплеснул руками и... повесился.

Невроз начал быстро прогрессировать — невроз на почве скуки и бездействия. Здание земского уголовного суда опустело, вход в него затянуло паутиной. Стали происходить ужасные вещи. Все репортеры ежедневных газет, ведущие отдел «Из зала суда», получили расчет. Они решили прибегнуть к взаимопомощи — создали «Общество поддержки семей арестантов» и приступили к публичному сбору средств. Согласно уставу, семья заключенного имела право в течение всего времени его заключения получать пособие в размере двойного дохода арестанта. Читатели отдела «Из зала суда» засыпали новое Общество своими пожертвованиями; их примеру последовали издатели газет. Вскоре Общество могло сообщить, что будет выплачивать пособие не в двукратном, а в десятикратном размере. Но даже это не могло разрушить сплоченную организацию преступников.

Наибольшее же несчастье обрушилось на «Народни политику». Поскольку сия газета, как известно, никогда не печатала ничего иного, кроме сообщений о преступлениях, она стала выходить совсем без текста, с одними объявлениями. Когда же стало ясно, что тираж из-за этого катастрофически падает, издатели решились на великий гуманный акт, провозгласив, что, если где-нибудь совершится преступление и преступник будет осужден, они выплатят невинной несчастной семье осужденного пособие в размере 100 000 крон. Но это тоже не помогло.

Наконец один крупный чиновник прокуратуры напал на мысль, которая, по его мнению, должна была выручить из беды. Он запросил в епархии список всех епископов и по алфавиту начал проводить у них домашние обыски, а также строгие ревизии всех книг и касс их предприятий. Но результат оказался прямо удручающим: даже епископы и те перестали воровать!

Адвокаты по уголовным делам оказались без работы: не было клиентов. Заботясь о будущем и понимая, что на каждый случай газеты набросились бы, как хищники, и что это была бы великолепная реклама, самые прославленные и самые дорогие из них известили, что впредь будут защищать своих доверителей совершенно бесплатно. Молодые же адвокаты, которые только еще собирались прославиться, оповестили через газеты, что тем, кто обратится к ним за помощью, они будут выдавать денежную награду. Но у этих молодых адвокатов денег было маловато, поэтому предлагаемая ими премия была весьма мизерна, организация же преступников была крепкой, в результате опыт полностью провалился.

В полицейском управлении царило беспросветное отчаяние. Вся дирекция ловила в канцелярии мух, а стражникам специальным решением директора полицейского управления было приказано заняться ловлей блох, чтобы не утратить навыков хватания.

Но господин директор попытался и иным путем выправить положение. Газеты принесли известие, что он провел важную конференцию с руководителями немецкого казино. На другой день должны были начаться демонстративные выступления немецких националистов. Предполагалось, что в связи с этим удастся арестовать парочку-другую членов национально-социальной партии, и дело будет в шляпе.

Выступления состоялись. Но на них никто не обратил внимания. Все срывалось! Дирекция была в отчаянии. Если говорить правду, это отчаяние имело еще и другую причину. В полицейском управлении было решено предавать суду и тех полицейских, которые погрешили бы против закона, с излишней суровостью обращаясь с населением или без достаточных оснований хватая людей. А полицейское управление того города, о котором идет речь, имело уже опыт, что такого рода случаев в беспокойные времена может набраться—черт знает почему—по крайней мере сотня. Но все надежды оказались напрасными, и у господина директора зародилось даже ужасное подозрение, что все его подчиненные сами принадлежат к организации преступников.

Тогда его осенила спасительная мысль—обвинить полицейских в том, что они вошли в контакт с преступниками. Увы, доказательств не было. Единственный довод, который он мог привести, сводился к тому, что раньше преступления совершались, а теперь вдруг прекратились. Но за это нельзя все-таки привлекать к суду.

Авторитет чиновников уголовного суда стремительно падал. Все знали, что жалованье-то они получают, а делать ничего не делают. И если кто-нибудь из них, заходя в трактир, говорил, что он советник уголовного суда, люди шарахались от него, и на лицах всех посетителей бедняга читал: еще один из тех дармоедов, которые обжирают нас, налогоплательщиков, и ничего не делают. Чиновники прокуратуры, так те вовсе не отваживались показываться на улице.

В парламент между тем было подано настоятельное требование, чтобы все упомянутые учреждения были ликвидированы, поскольку им просто нечего делать.

Это было последней каплей, переполнившей чашу. За дело взялось правительство. Все арестованные, осужденные на длительные сроки заключения, получили амнистию и были выпущены на свободу. Так как они ничего не знали о забастовке, была надежда, что они невольно станут штрейкбрехерами. Но у забастовщиков около всех тюрем были расставлены свои пикеты, которые ввели освобожденных в курс дела и предупредили

против штрейкбрехерства. Правительство потерпело полное фиаско, больше того, ситуация стала еще более напряженной, так как оказались излишними и все тюрьмы с их смотрителями, надзирателями и стражниками.

Одно время серьезно подумывали даже о том, чтобы выплачивать преступникам государственную пенсию; аграрники предложили даже установить для этой цели специальную государственную дотацию, но по зрелом размышлении эта идея была отвергнута.

Между тем приближалось роковое заседание парламента, на котором должен был обсуждаться законопроект о ликвидации уголовных судов, государственной прокуратуры, полиции, тюрем и тюремных управлений...

Но за день до этого перед дворцом наместника внезапно как из-под земли возникла тысячеголовая толпа, которую возглавляли четыре персоны. Господин президент уголовного суда нес высокий шест с прикрепленным к нему огромным щитом с надписью: «Дайте нам работу!» Возле него, подобно мрачному богу подземного царства, шел господин верховный прокурор, который воздвигал над толпой гигантский транспарант «Долой безработицу!». Выразительная голова господина директора полиции была затенена лозунгом «Только труд облагораживает человека!». Господин президент коллегии защитников вытирал вспотевший лоб, сгибаясь под тяжестью плаката «Верните нам наших преступников!». За этими четверьмя катилась волна судебных советников, секретарей, следователей, прокуроров, полицейских чиновников, адвокатов,— короче говоря, представителей всех званий, пострадавших от забастовки преступников.

Указанные четыре персоны сложили свои транспаранты и направились во дворец наместника. Стоящие в карауле полицейские стражники, которые не участвовали в шествии, поскольку нынешнее положение вполне их устраивало, с нескрываемым любопытством разглядывали необычных демонстрантов.

Наконец на крыльце дворца появилась депутация. Президент верховного суда схватил свой шест и замахал им в знак того, что хочет сообщить присутствующим результаты переговоров. Наступила гробовая тишина. Тогда господин президент прерывающимся от бешенства голосом, сопровождаемым яростной жестикуляцией, провозгласил:

— Он нас не принял!!

— Не принял! Этот!..— зазвучало в толпе, и тысячи сжатых кулаков поднялись к окнам наместника.

Грянул гром угрожающих криков и ругани. Несколько камней полетело прямо к покоям его превосходительства.

Стражники почувствовали, что не вмешаться сейчас было бы преступлением, поскольку же преступления оказались теперь не в моде, они вмешались... Такой свалки не видывала даже Прага! Верховный прокурор расколол свой шест и плакат о головы

стражников, господин директор полиции занялся выдергиванием перьев из полицейских касок, как какой-нибудь член национально-социальной партии... Позорное побоище завершилось арестом пятисот человек — сплошь крупных государственных чиновников и известных адвокатов.

Столбцы «Народни политики» были на другой день заполнены, суды снова оказались по горло завалены работой.

В подавляющем большинстве нарушители были оправданы как «действовавшие в состоянии мгновенного психоза». И только несколько менее значительных персон были присуждены к денежному штрафу в размере от пяти до десяти крон.

В тот же день закончилась и забастовка преступников. Они поняли, что очень легко могут быть заменены другими. А приговоры тем, кто их заменил, убедительно показали, что равенства всех граждан они так и не добьются. Забастовка была проиграна.

1910 г.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Старый Шима, прослуживший в банкирской конторе «Прохазка и К^о» пятнадцать лет, набрался наконец смелости и постучался в кабинет банкира Прохазки, чтобы попросить с нового года прибавки в двадцать крон.

И вот Шима сидит перед господином Прохазкой, потому что тот, выслушав просьбу, кивнул на стул. Шеф ходит по кабинету, жестикулирует и говорит:

— Я мог бы немедленно выставить вас вон после такой наглой просьбы, но у меня есть с полчаса свободного времени, и я хочу поговорить с вами по душам. Вы хотите, чтобы я увеличил вам жалование на двадцать крон в месяц, то есть на двести сорок крон в год. И вы отваживаетесь просить меня об этом в такое время, когда над денежным рынком навис дамоклов меч всеобщего финансового кризиса?! Разве вам не известно, что акции «Альпине-Монтан» * упали с 772 до 759.60, а акции Бедржиховских заводов * котируются не по 940, а по 938? Акции Зброевки * тоже катятся вниз, дорогой Шима. С 728 они упали до 716.40. Это поистине ужасно, а вы хотите двадцать крон прибавки!

Прохазка всплеснул руками и взволнованно продолжал:

— Ценные бумаги на бирже крайне неустойчивы. Даже наиболее надежные из них — акции австрийского кредитного банка — в последние дни упали; в итоге вместо 664.90 они котируются на пять крон ниже, а вы требуете двадцать крон прибавки. На акции транспортных компаний регистрируются только мелкие сделки, акции государственных дорог упали на целых двенадцать крон! Венгерскому правительству не удалось получить во Франции заем в сто миллионов, а вы требуете двадцать крон прибавки! Германия собирается продавать метал-

лургические заводы, идут разговоры о распродаже австрийских государственных имений, а вы приходите ко мне и говорите как о чем-то само собой разумеющемся: «Я пятнадцать лет служил вам верой и правдой, господин шеф, и, принимая во внимание финансовые затруднения, всеобщую дороговизну, десять человек детей и дырявые сапоги, осмелюсь просить двадцать крон прибавки ежемесячно».

Несчастный, вы сами не знаете, насколько вы правы. Финансовые затруднения действительно приняли угрожающий характер. Акции Южной дороги понизились на целых пять крон, а у меня их... впрочем, не мне говорить вам об этом, дружище. Не забывайте, что даже на акции Буштеградской железной дороги и то не предвидится солидных дивидендов: курс литеры А Буштеградской дороги уже упал с 2515 до 2426, а литеры Б—с 1004 до 976. Да вы, голубчик, просто спятили, прося прибавки! Ведь это же прямо безумие! Побывайте-ка на бирже! Продается уйма ценностей, а чего они стоят? И спросу никакого. Курсы всех акций катятся вниз! Устойчивых бумаг нет! Акции кредитного банка, на которые я раньше заключал сделки по 760, теперь котируются по 750.75. Что вы на это скажете, а? Вы все еще хотите прибавки, старина? Вы все еще настаиваете на своей просьбе, несмотря на то, что даже швейцарское правительство не может рассчитывать на заем в два миллиона, необходимый ему до зарезу? Да, друг мой! Биржевые бюллетени свидетельствуют о близком крахе, можно с ума сойти от баланса этого года! Румыния, Турция, Болгария, Греция не могут получить ни гроша в кредит, а вы хотите, чтобы я прибавил вам жалованье!

Испания, Португалия и Италия нигде не могут разместить займы. Банкирский дом «Франс-Фрер» в Лионе вследствие конфликта в Марокко потерпел на сто пятьдесят миллионов франков убытка, а вы как ни в чем не бывало приходите и говорите мне: «Господин шеф, прошу прибавить мне двадцать крон!» Друг мой, а вы знаете, что поговаривают о слиянии Росицких угольных шахт с Бедржиховскими заводами? А вы знаете, что покупка паев рудника «Анна-Мария» приведет к снижению годового оборота на двадцать тысяч крон? Нигде нет никаких возможностей для биржевых спекуляций. Купите-ка себе акции Подольского цементного завода и вы увидите, как вы возгордитесь. А попробуйте пойти с ними на биржу! Ага, вы качаете головой—не пойдете, мол. Пока еще крепкий курс у акций Колинского завода искусственных удобрений, за них вы заплатите 379, а я покупал их по 382, значит, я теряю по три кроны на каждой. Вы просто удивляете меня, дружище! Сидите как чурбан! Черт вас возьми—и вместе с акциями сахарных компаний! Я утверждаю, что у них низкий курс—вы можете разбиться в лепешку, но не получите за них больше 261.50. Мне их никто не посмеет предложить, как и акции завода доктора Кольбена*. Смею вас уверить! Я выгоню вон такого человека! А

вы знаете, что Винебергское строительное общество накануне краха, что любляцкие лотерейные билеты упали в цене? А вы знаете, что американский миллиардер Браун застрелился? А вы знаете, что финансисты Мюллер, Скалат, Ковнер, Гюбнер покончили с собой, что Реше, Кине, Мэн, Бюлехар повесились, что Карелт, Моррисон и Коммот и банкир Гаммерл с компаньоном утопились? А вы знаете, что повсюду банкрот на банкроте, что горят угольные шахты на Аляске и в одну из них прыгнул американский угольный король? А вы знаете, что залежи серы на Урале уничтожены землетрясением? А вы знаете, что ольденбургские пятидесятиталеровые пай понизились в цене на пятьдесят процентов, что Зальцбургская железнодорожная и трамвайная компания обанкротилась? Нет, вы не знаете этого, иначе вы не стали бы просить у меня прибавки в двадцать крон...

Банкир Прохазка хлопнул по плечу неподвижно сидящего Шиму, и тот повалился со стула на пол; конечности у бедняги уже похолодели.

От всех этих финансовых катастроф у него сделался разрыв сердца.

1910 г.

ЗАСЕДАНИЕ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ

Председатель князь Виндишгрец* открывает заседание в одиннадцать часов двадцать пять минут.

Барон Габерсдорфер предлагает решить сегодня судьбу законопроекта о борьбе с дороговизной. Предложение принимается.

Катшалер Ян, зальцбургский кардинал, выражает удивление, почему столь ничтожный вопрос, как законопроект о борьбе с дороговизной, должен обсуждаться именно сегодня, когда более уместно было бы утвердить закон против новшеств в католической церкви.

Граф Волькенштейн-Тройсбург, тайный советник, камергер, бывший посланник, кавалер ордена Золотого Руна, владелец огромного имения Тройсбург и родового поместья Волькенштейн, считает вопрос о дороговизне несвоевременным. Как он убедился при покупке персидских ковров, предметы роскоши ничуть не вздорожали. Куда важнее было бы утвердить закон, запрещающий всякие сокращения в титулах членов верхней палаты. Допустимо ли, чтобы в газетах рядом с его именем стояли какие-то т. с., к., б. п. и к. о. З.Р., в. и. Тр. и р. п. В.? «Т.с.» может означать не только тайный советник, но также и «тулая скотина».

Барон Прандау-Хиллебрандт, тайный советник и председатель высшего придворного суда, присоединяется к предложению предыдущего оратора и выражает свое возмущение беспрестанными жалобами на дороговизну.

Т. Грасбёк, аббат Вильхерингского монастыря в Верхней Австрии, заявляет, что ему ничего не известно о дороговизне. Окрестные селяне и по сей день приводят в монастырь телят как дар христианской любви и посылают своих детей в монастырскую школу.

Граф Ян Стадницкий, землевладелец, тоже ничего не знает о дороговизне. Он ежегодно проводит пять месяцев в Париже; устрицы в этом году там даже подешевели на один франк за гросс. Шампанское в той же цене, что и в прошлом году.

Бен. Корчиан, аббат райградский, полагает, что в дороговизне виноваты неимущие, совращенные социалистами и желающие все получать бесплатно.

Князь Кевенхюллер-Метш, тайный советник, камергер и посланник в Париже, присоединяется к мнению графа Яна Стадницкого, что устрицы в Париже в этом году подешевели.

Доктор Грабмауер, заместитель председателя имперского суда (*с места*). Фазаны тоже подешевели!

Граф Кюфштейн. Простите, господин доктор, вы, очевидно, говорите о ваших фазанах, но ни в коем случае не о трансильванских. Те в этом году подорожали.

Председательствующий князь Виндишгрец подтверждает, что действительно в этом году трансильванские фазаны вследствие дождливой погоды поднялись в цене.

Граф Лео Пининский, бывший галицийский наместник. Наилучшие фазаны—это фазаны из-под Магуры.

Гильберт Хельмер, аббат в Тепле (*с места*). У них мясо белее!

Председательствующий, князь Виндишгрец, подтверждает, что у них мясо действительно белее, чем у трансильванских.

Барон Хахельберг-Лаудон, каноник из Вены. И вкуснее!

Князь Траутсмандорф-Вейнсберг, камергер и тайный советник, полемизирует с предыдущим оратором. Самые вкусные фазаны—это чешские, из его заповедника в Грошовом Тыне, фаршированные трюфелями.

Барон Маркус Пасетти. Позвольте, *excellence*, фазанов с ветчиной и шампиньонами под соусом из мадеры подают на стол при дворе!

Князь Траутсмандорф-Вейнсберг охотно соглашается, что фазан, приготовленный по этому рецепту,—самый вкусный, и требует, чтобы члены верхней палаты выразили доверие правительству вставанием.

Дебаты о дороговизне продолжаются.

Князь Альфред Монтенуово, обер-гофмейстер, как главный оратор, высказывает опасение, что нынешняя дороговизна для неблагонадежных, беспокойных элементов есть толь-

ко предлог пограбить. Порядочный человек никогда не жалуется на то, что цены на продовольствие растут. Для порядочного человека не существует самого понятия дороговизны. У кого не хватает денег, тому не следует есть трижды в день.

Фр. Марат, генерал, великий магистр Ордена крестоносцев в Праге, считает, что общая дороговизна — выдумка, рассчитанная на то, чтобы служащие требовали увеличения жалованья. В экономиях Ордена крестоносцев людям, работающим в усадьбе, платят по восемьдесят геллеров в день. Если означенные люди не в состоянии содержать на эти деньги семью в пять человек, то это их личное дело, в которое правительство предпочитает не вмешиваться, ибо уважает гражданскую свободу. *(Аплодисменты.)*

Принц Бед. Шаумбург-Липпе удивлен утверждениями о существовании дороговизны. Фирма «Бенц», имеющая автомобильный завод в Маннгейме, снизила цены на автомобили на пять процентов.

Барон Фр. Молль. Марка «мерседес» лучше и дешевле!

Граф Фринтс фон Фалькенштейн. «Бенц» выиграл пробег Париж — Лион — Брюссель — Страсбург — Ницца — Париж!

Барон Фр. Молль. Господин граф, марка «мерседес» победила в состязании Бирмингам — Лондон!

Председательствующий, князь Виндишгрец, говорит, что прежде всего нужно поддержать отечественную промышленность. Заинтересованные лица пусть обращаются в министерство торговли, где они получают проспекты лучших отечественных фирм. Он подтверждает, что автомобили упомянутых марок действительно подешевели.

Дворянин Горайский. Скаковые лошади тоже подешевели. Я купил за двадцать тысяч крон чистокровного английского скакуна.

Доктор Маттуш, главный управляющий земского банка, говорит, что слухи относительно общей дороговизны преувеличены, потому что даже деньги подешевели. Сегодня землевладелец получает меньшую земельную ренту.

Граф Хардегг. Сильно вздорожали только старые испанские вина.

Пробст Шмолн. И черепахи.

Князь Роган. Создадим комиссию, чтобы выработать предложение об отмене пошлины на старые испанские вина и на черепахи, и представим его правительству!

Предложение принимается. Затем производятся выборы. В комиссию по вопросу об импорте черепах и испанских вин избираются граф Голуховский, барон Шей и граф Веттер фон Лилие.

Законопроект о борьбе с общей дороговизной отклоняется во втором и третьем чтении.

1911 г.

МЯТЕЖ В АВСТРИЙСКОМ ФЛОТЕ

Не стану отрицать, у меня есть кое-какие дела с полицией; соседи считают меня удалившимся на покой коммерсантом, тогда как в действительности я давно разыскиваемый мошенник.

В ресторане, где я постоянный гость, ко мне относятся с почтением, а одного полицейского комиссара, который когда-то усердно меня выслеживал, я даже ссужаю деньгами для игры в карты. В этом же ресторане бывает сыщик из политической полиции. Мы трое — я и эти двое господ из полиции — хорошие друзья, видимся каждый день, и у нас нет секретов друг от друга.

Недавно агент политической полиции не пришел на обычную партию в карты. На другой вечер он явился, но поздно и был явно чем-то расстроен.

Он рассказал, что полиция напала на след антимилитаристически-социалистически-коммунистически-анархистского заговора и они производили обыск у одного человека.

— Дело очень серьезное, господа! — заметил он и, вздохнув, продолжал: — В последнее время определенные органы в Вене получили сообщение, что моряки военного флота совершили в Португалии переворот *. Потом пришло сообщение, что и в Бразилии моряки военного флота пытались поднять мятеж *. Начали с артиллерийского обстрела — и порядок полетел ко всем чертям. А там пришла и третья бумага — с приказом взять под наблюдение австро-венгерский флот — гордость нашей монархии. Я твердо верю, что недалек тот час, когда этот флот завоюет нам колонии на Южном полюсе, как когда-то австрийские мореплаватели открыли в Арктике Шпицберген и Землю Франца-Иосифа *. Однако присоединение Южного полюса к Австро-Венгрии потребует от нашего флота высокой дисциплины. И вот представьте себе, господа: на юге нашей империи, под Триестом, матросы с одной канонерки... — наш приятель наклонился и продолжал шепотом: — ...ходили пить вино к трактирщику, у которого был брат, а у брата приятель, который породнился с человеком, чья сестра встречалась с другим молодым человеком, живущим в одном коридоре с социалистическим агитатором!

Сыщик перевел дух и продолжал:

— Дело, в сущности, очень простое: ведь тот молодой человек безусловно встречался со своим соседом, социалистическим агитатором; знаете, как это бывает — слово за слово, то да се... А потом сестра этого молодого человека... виноват, я хотел сказать, с братом приятеля первого человека ... к которому, — закончил он уже шепотом, — ходили выпивать матросы с канонерки.

Как видите, политическая полиция до всего доберется, — передохнув, продолжал сыщик. — Итак, первый человек, пос-

кольку сестра молодого человека вышла замуж за социалистического агитатора, теперь тесно связан с противозаконным движением, так как его приятель, чей брат породнился с первым человеком, живет в одном коридоре... э-э, нет, я, кажется, сбился. В коридоре живет не он, а приятель его брата... нет, опять не так... Извините, господа, я сегодня слишком устал, лучше завтра dokonчу эту историю.

Он пожал нам руки и ушел, все еще взволнованный. На следующий вечер он продолжал:

— Вчера, господа, я рано ушел, потому что очень утомился за день. Сегодня опишу вам дальнейшие обстоятельства этого дела... Я забыл упомянуть, что у арестованного хозяина распивочной, куда ходили матросы, было семь сыновей и один из них женился на дочери пражского привратника, с которой познакомился в Вене. Это обстоятельство играет важнейшую роль во всем деле.

У снохи арестованного есть кузен в Праге. К этому кузену мы и нагрянули с обыском, о котором я еще расскажу. Все это дело кажется страшно запутанным, но на самом деле оно проще простого: налицо злостный умысел — внести разложение в наш флот. Это видно из того, что арестованный в Праге кузен снохи арестованного трактирщика, собираясь проникнуть в военный флот, поддерживал знакомство с матросами пражского пригородного пароходства. Но я разгадал его зловещие замыслы!

Мы обнаружили, что он втерся в доверие к капитану «Збраслава» и — представьте себе, какова дерзость! — ездил на этом судне до Давле*. Подчеркиваю также, что он пытался подкупить рулевых на пароходах «Хухле» и «Браник» и расспрашивал у них об устройстве штурвала. Его знали все машинисты и кочегары пражского пароходства, потому что он угощал их пивом с единственной целью — выведать, как устроен винт.

И разве не подозрительны, например, его вопросы о численности команды на отдельных пароходах, таких, как «Вышеград» и другие! Не ясно ли, что этот человек готовился к антивоенной пропаганде в военном флоте? Зачем бы ему иначе ходить в кино, где показывали хронику «Парад военно-морского флота»? И почему, скажите на милость, этому подозрительному субъекту понадобилось породниться с тем самым арестованным трактирщиком?.. Вернее, наоборот: почему у трактирщика оказалось семь сыновей и одному из них вздумалось жениться на кузине человека, который разъезжал на судах пражского пригородного пароходства, готовясь к подрывной деятельности в военно-морском флоте? Человек, который не гнушается за литр пива выманить у рулевого на «Збраславе» секрет управления рулем, — что стал бы делать такой человек, доведись ему попасть на дредноут флота его императорского величества? Уж он бы не пожалел всего своего состояния, чтобы, например, узнать, как на наших кораблях дают задний ход. Состояния у него, правда, нет, но все же хватает денег

угощать сигарами машинистов винтовых пароходов на Влтаве, лишь бы они ему растолковали, как приводится в движение судовой двигатель.

И неважно в принципе, о чем идет речь: о миноносце, канонерке или пригородном пароходе «Пшемысл». Важно то, что этот злоумышленник разлагает команду, осматривает винты и рули и даже учится плавать!

Сыщик сделал значительную паузу, перевел дух и продолжал:

— Все это мы точно установили, прежде чем арестовать этого субъекта. Двое сыщиков задержали его, как раз когда он ступил на палубу «Збраслава», чтобы отправиться в Модржаны. Заметьте, что Модржаны лежат на том же меридиане, что и австрийский морской порт Пула*... Итак, его задерживают и доставляют в полицию. При нем находят три письма. Он, конечно, уверяет, что ни в чем не виноват. Но это ему не помогло; мы взялись за письма. И вы подумайте, каков негодяй! Внешне невинные заказы на цыплят, масло и сушеные овощи. При этом он заявляет, что у него нет никаких родственников в Триесте, а на вопрос о местожительстве дает адрес и объясняет, как пройти,—квартира, мол, на третьем этаже, дверь без визитной карточки. И все это так спокойно и нахально, смотрит прямо в глаза, просто ужас!

Мы его для виду отпустили домой, а мне было приказано рано утром явиться к нему на квартиру с обыском. Ладно, взял я с собой еще двух сыщиков, и мы пошли. Адрес сходится, дом номер такой-то, третий этаж, дверь без визитной карточки. «Хозяина нет дома»,—отвечает прислуга. «Ага,—говорю я,—упорхнула пташка!» Вскрываем письменный стол, забираем письма, вытаскиваем все платье из гардероба, связываем в узлы, и инспектор Шпачек уже собирается их унести, как вдруг пташка возвращается в гнездо... Шпачек потянул нас за полы и говорит: «Господи боже мой! Это же не та квартира, коллеги, мы попали к его милости судьбе!» Скандал! Ну, мы с извинениями ретируемся—мол, ошиблись дверью! И что бы вы думали? Настоящий-то виновник, оказывается, живет рядом!

Политический сыщик утер пот с лица и закончил:

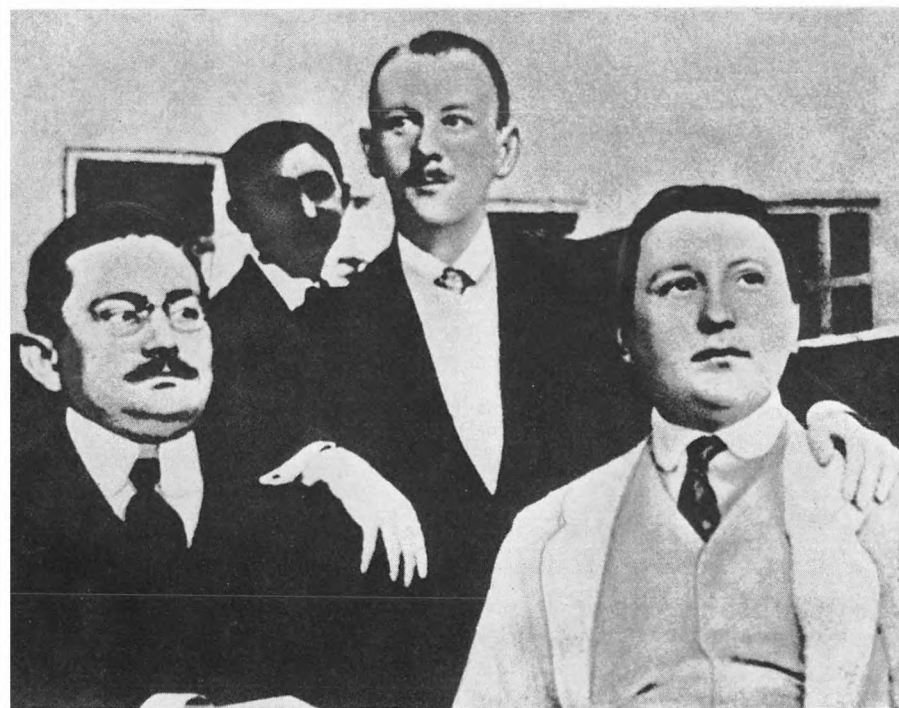
— А теперь, господа, вы ясно видите, как тяжела полицейская служба. Все наши старания пошли прахом. Изъяли мы у него корреспонденцию и продолжаем розыск. И вот как раз сегодня из Вены приходит телеграмма—дело временно прекратить на том основании, что к арестованному не могли ходить моряки, потому что он вовсе не трактирщик, а приказчик в овощной лавке, к тому же глух от рождения... А тот тип, чью корреспонденцию мы изъяли, тоже не имеет прямого отношения к делу, потому что человек, который ходил вынюхивать на пароходы, оказывается, умер десять лет назад.

Полицейский агент мрачно выпил пиво и утер усы. Мятеж во флоте Австрийской империи был полностью подавлен!

1911 г.



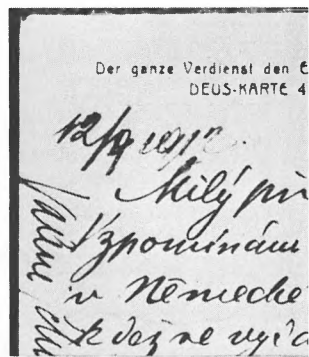
Ярослав Гашек. 1902 год.



Я. Гашек с единомышленниками в период создания им партии умеренного прогресса в рамках закона. Прага, 1911 год.



Карикатура на Ярослава Гашека, сделанная его другом художником Йозефом Ладой.



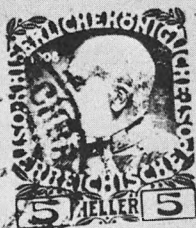
Я. Гашек (второй справа) с друзьями. Прага, 1912 год.

en und Stächen
e l

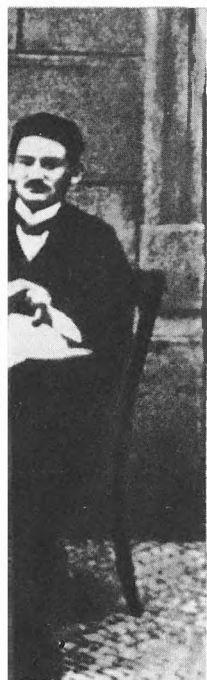
28!
a Tebe
Brode,
am 30

Postkarte

Kleiderhaus
haus



Egon Erwin Kisch,
redaktor "Bohemia"
a Spisovatel,
Praha
"Bohemia"
Haas.



Открытка, адресованная Эгону Эрвину Кишу.



Я. Гашек на фронте во время первой мировой войны.

РСФСР

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Политический Отдел

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е .

Декабря 28 окт 1918

№ 4436

г. Бугульма.

Дано сия тов. Г А Ш Е К К Ярославу
в том, что он Политотделом 5 назначается
Помощником Командира Города Бу-
гульмы, что подписью и приложенном
печати удостоверяется. —

Заведующий Политического Отдела



Заведующий делами Политотдела



Ярослав Гашек — начальник типографии и литературный сотрудник газеты «Наш путь». Уфа, 1919 год.

Страничка партийного билета Ярослава Гашека.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(Большевиков).**

Политический отдел

5 армии

Членский билет № 158.

Выдан тов.

Ташев

Ирсая Рамазанов

Время вступления

-

В какой организации состоит

он в организации 5 армии

по арх

Секретарь
Инструкторский

Роса





РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
партия
(большевиков).
РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ
штаба 5 армии.

15. июль 1920 г.
№ 190
в Арм.

Удостоверение.

Прочувствуя необходимость
Грайков (сестра) Грейс-
даркина Райкина и др.
с 8 апреля по 30 июля
1920 г. что поднимала
и принимала печать
удостоверения.



С. Я. Грайков Райкина
Грейс-даркина Грейс-
даркина Райкина
сестра Райкина
сестра Райкина

ЧЕТИНСКИЙ
ОЕННЫЙ ОТДЕЛ
для формирования
Чехословацких отрядов
в Красной армии.

11. декабря 1918 г.

159

Прислать 500 рублей в помощь
в Самару.

Присование

Прошу отпустить аванс в сумме
3500 рублей т.е. три тысячи пятьсот рублей
для выезда чешского Военного отряда
для формирования в районе Чехословацкой территории
при фр. 5-й армии в Самару.

Вед. Военного отряда,
Яков Тамек

Военный Комиссар
Мамма



КОМАНДАНТ

159

Удостоверение

Подписи тов. Н.А.
Морозову, взятых из
склада Узловой совет-
ской Управы матери-
альных вещей

Ком. Команданта Тамек



Я. Гашек (в первом ряду третий справа) среди
работников политотдела 5-й армии Восточного фронта.
Иркутск, 1920 год.

Удостоверение Я. Гашека. 1920 год.

Два из сохранившихся в архивах документов,
подписанных Гашеком.



Я. Гашек перед отъездом из Москвы в Чехословакию. 1920 год.



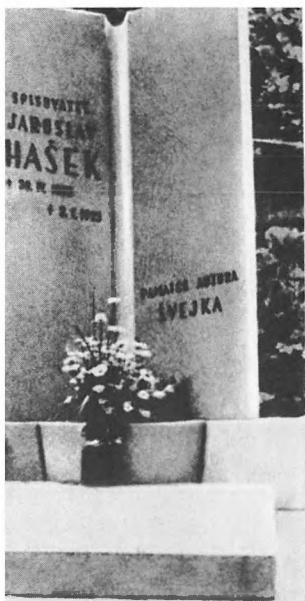
Я. Гашек, вернувшийся из России на родину. 1921 год.



С девятилетним сыном Рихардом. 1921 год.



Последняя фотография Я. Гашека. 1922 год.



Дом в Липнице-над-Сазавой, где жил и работал Гашек с 1921 года.

Ныне здесь музей.

Слева — памятник Я. Гашеку на липницком кладбище.

Книги Я. Гашека, изданные в Советском Союзе.

ДРЕДНОУТЬ

В связи с тем, что нам потребовались дредноуты, чтобы вывозить изюм в страны Востока, произошла следующая история. Министр финансов вспомнил, что у некоего Яна Лухи есть еще вполне приличная одежда, которая осталась у него после посещения сборщика налогов, потребовавшего сделать вклад на цели столь же прекрасные, как и великие,—на строительство дредноутов.

В интересах государства было необходимо, чтобы и эта одежда была с него снята. Денег от ее продажи, конечно, не хватило бы на дредноут, но когда нет дождя, то и упавшая капля дорога!

И тогда власти стащили с плеч Яна Лухи пиджак. Поскольку Австрии потребовался еще один дредноут, те же власти сняли с Яна Лухи его брюки и жилет. Но потом возникла необходимость приобрести еще три дредноута. На Яне Лухе уже не оставалось ничего, кроме рубахи и кальсон. Государственные учреждения стащили с него сначала кальсоны. Затем Луха лишился и рубашки. Ни на минуту не сомневайтесь, что до этого не дошло.

Ян Луха оказался совершенно голым. Однако власти этому не поверили и прислали Лухе повестку, чтобы он явился в суд и торжественно присягнул в том, что у него больше ничего нет—никакого имущества. Тогда Ян Луха пошел. Он шел таким, каким его сотворил господь бог, и таким, каким он стал после того, как его раздели власти.

Но лишь только он вышел из дома, как был арестован и предан суду за нарушение нравственности.

1911 г.

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

Князь Фридрих, властитель Вальдецкого княжества*, ехал в своей карете, окруженный ликующей толпой. Вдруг на его колени упало письмо, ловко брошенное чьей-то рукой.

Князь Фридрих очаровательно улыбнулся и принялся читать:

«Ваше высочество! Вы величайший дурак на земле!»

Князь Фридрих перестал улыбаться.

Как писали на другой день газеты, его высочество почувствовал недомогание, и торжество было тотчас прекращено; князь Фридрих отправился к себе во дворец. Он проследовал в кабинет и стал внимательно изучать оскорбительное послание. Прочитав по меньшей мере в пятидесятый раз: «Ваше высочество! Вы величайший дурак на земле!»—и запомнив это

наизусть, он удивленно воскликнул: «Этот негодяй даже не подписался!»

Он шагал по кабинету и повторял: «Ваше высочество! Вы величайший дурак на земле!»

Через полчаса князь приказал созвать государственный совет.

— Господа,— заявил он, расстроенный, четырьмя тайными советниками,— сегодня, в день празднования тридцатилетия моего правления, неизвестный злоумышленник швырнул в мою коляску следующее письмо: «Ваше высочество! Вы величайший дурак на земле!»

Тайные советники побледнели, а барон Карл пробормотал:

— Ваше высочество, это письмо предназначалось не вашему высочеству!

Князь Фридрих рассердился.

— Дорогой барон,— воскликнул он,— я полагаю, вам известно, что титул «ваше высочество» в целом княжестве ношу только я один, и нет человека, который посмел бы этот титул присвоить! А так как в записке сказано: «Ваше высочество! Вы величайший дурак на земле!»— значит, письмо адресовано мне! Я думаю, что все мы сойдемся в этом мнении. В интересах государства необходимо разыскать злодея, который отважился оскорбить меня, ибо я считаю это государственной изменой. Я передаю это дело в ваши руки и надеюсь, что государственный совет также выразит мне сочувствие и осудит на завтрашней сессии постыдный поступок субъекта, не постеснявшегося нарушить покой своего монарха...

До глубокой ночи длилось заседание государственного совета, к которому был привлечен и шеф полиции.

На следующий день на сессии парламента председатель с трепетом огласил собственноручное послание князя Фридриха, апеллировавшего к верности своего народа. Парламент незамедлительно выработал адрес с изъявлением преданности князю, хотя никто не понимал, что же, собственно, происходит.

Смутная тоска висела в воздухе. Шеф полиции между тем не дремал: он потребовал аудиенции и получил из государственного архива сие мерзкое письмо.

— Что вы собираетесь предпринять?— спросил его канцлер.

Шеф полиции только потирал руки.

— Терпение, вы будете изумлены моей методой расследования!

Письмо отправили в государственную типографию, и уже после полудня по всей столице были расклеены плакаты, выпущенные полицейским управлением:

НАГРАДУ В 1000 МАРОК
ПОЛУЧИТ ТОТ, КТО УКАЖЕТ СЛЕДЫ ЗЛОДЕЯ,
КОТОРЫЙ НАПИСАЛ И БРОСИЛ В КАРЕТУ СВЕТЛЕЙШЕГО
КНЯЗЯ
СЛЕДУЮЩЕЕ ПИСЬМО:

А под этим уведомлением была помещена точная репродукция письма:

*«Ваше высочество!
Вы величайший дурак на земле!»*

К вечеру каждый житель Вальдецкого княжества знал, что князь Фридрих — величайший дурак на земле.

На следующий день шеф полиции ушел в отставку.

1911 г.

ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ЦЕНЗОР СВОБОДА

На цензора Свободу опять накатило. Утром у него разболелись мозоли, и после полудня он принялся запрещать все без разбору. Наконец вечером начался дождь и лил весь день. И раз уж сама природа гневалась на чешские газеты, цензора Свободу подавно не отпускала «delirium confiscationicum canonicum»*.

Вникая в тайный смысл текста, он всюду находил покушение на общественный порядок и спокойствие, на религию — на все, что призван охранять цензорский карандаш.

И, памятуя о том, что его собственная фамилия — Свобода, ожесточенно черкал, черкал, черкал, черкал.

Черкал, черкал, черкал, черкал, сплевывал и черкал, черкал, черкал, и черкал, и черкал, и черкал и снова... черкал и черкал...

Ведь за это черкание, черкание, черкание, черкание и еще раз черкание он получал шесть тысяч крон жалованья в год. Что ж, люди добывают средства к жизни всякими способами — честными и нечестными...

Это была страшная борьба с печатным текстом.

Он выбирал отдельные слова из целого номера и запрещал их. Брал подряд «но», «не», «нисколько» — и на все это налагал запрет: слово «но» наводит на всякие мысли об известных учреждениях, а «не» и «нисколько» представляют собой открытое нарушение спокойствия и порядка.

Покончив с текстом журналов, он перешел к объявлениям. Тут ему бросилось в глаза: «Покупайте трости у фирмы Тулка!»

«Эге! — подумал он. — Знаю я вас, приятели! Трости, демонстрации...»

Он это объявление изъял.

Потом изъял объявление о сербской лотерее, а также объявление: «Чешская первосортная мука победит», поскольку в нем содержался вызов по адресу других наций.

Дальше стояло: «Солдатик! Приходи нынче на вечеринку в „Каплуны“».

Само собой разумеется, и это объявление подверглось запрету: ведь оно касалось армии.

Дальше взгляд его привлекло большое объявление:

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ КИРПИЧ
отпускает Центральное правление
товарищества
«КИРПИЧНИК»

Прейскурант высылается по первому требованию
Адрес для телеграмм: Ц. п. т. К.

Что такое «Ц. п. т. К»?

За этим что-то кроется! Склонившись над объявлением, он целых полчаса прикидывал так и этак, наконец взял листок бумаги и написал:

«Ц—цензор,

п—подлец (или паразит, пьяница, потаскун),

т—тупица (или трус, тряпка, тюфяк),

К—каналья (или кляча, крыса)».

«Так они тоже против меня? — решил он. — Ну, покажу я им

Ц. п. т. К! Дорого они мне за это заплатят!»

И, взяв карандаш, перечеркнул целиком все объявление Центрального правления товарищества «Кирпичник» — Ц. п. т. К.

Это был последний взмах его цензорского карандаша, так как тут номер журнала кончался.

Он с гордостью поглядел на дело рук своих: истреблено три тысячи слов, конфисковано за три часа двадцать восемь номеров журналов, запрещено пять театральных пьес, дюжина плакатов, шестьдесят два извещения о браке и девять заметок о школе.

Он сидел, довольный, окруженный трупами врагов, как вдруг страшная мысль пронизала его мозг: а ведь в газетах, наверно, будут писать, что все это конфисковано Свободой!

И слово «Свобода» запестрит в газетах и проникнет в самые отдаленные лачуги, и он не сможет наложить на него запрет. Не сможет запретить Свободу!

Какой ужас! При одной мысли об этом у него захватило дыхание, голова закружилась. И он, твердо решившись, позвал служащего Петрасека.

— Послушайте, Петрасек! Вот вам пять крон. Сходите купите мне бритву.

Через четверть часа Петрасек принес отличную бритву.

Цензор Свобода заперся в кабинете. Когда через два часа, после тщетных попыток достучаться, дверь была взломана, глазам вошедших представилось страшное зрелище.

На груди конфискованных журналов валялась голова, которую добросовестный цензор оттяпал сам себе бритвой, а рядом лежал лист бумаги, на котором было написано:

«Запрещаю Свободу».

Ему были устроены прекрасные похороны за счет государства.

1911 г.

ЗАБЫТЫЙ ЮБИЛЕЙ

В лавине чествований и юбилеев, которыми человечество отмечает различные выдающиеся события, оказавшие влияние на прогресс и развитие человеческого духа, канула в Лету забвения весьма существенная дата. Согласно еврейскому календарю, мы живем в году от сотворения мира 5671, а согласно данным библии, в году по сотворении мира 671 земной шар постигло страшное бедствие — всемирный потоп. Таким образом в нынешнем году исполнилось ровно пять тысяч лет со знаменательного события, имеющего всемирно-историческое значение.

Меня несказанно удивляет, что ни церковь, ни одна из наших политических партий не обратили внимания на этот юбилей, хотя доказано, что именно всемирный потоп самым решающим образом повлиял на формирование существующих у нас общественных и политических отношений.

Вообще-то само это событие достаточно хорошо известно из библейской истории. Люди начали на Земле множиться и «брали себе в жены всех, кто только им понравится». И сказал тогда бог, что очень сожалеет, что сотворил на Земле человека и что он все теперь истребит: от людей до скотов. Из всех расселившихся тогда по Земле живых тварей он сделал исключение лишь для некоего господина Ноя, который «был справедливым» и «постоянно ходил с богом». Бог приказал ему построить ковчег, разместиться там со всей своей семьей и прихватить с собой по паре каждого вида из существующих животных.

После этого разверзлись хляби небесные и на Землю обрушились потоки воды. Потоп продолжался сорок дней и сорок ночей. Ной в своем ковчеге закрепился на горе Арарат, а когда наконец вода спала, он вышел с семьей и со всеми животными на сушу.

С какими чувствами обращаемся мы сейчас к пяти тысячной годовщине этого события и к тем далеким временам? Если мы задумаемся над тем, какое значение имел для нас всемирный потоп, то увидим, что без него наша жизнь была бы совершенно иной. Подвиг Ноя должен навеки остаться в сердцах благодарного человечества.

Подумайте только, где бы мы набрали столько политических партий, если бы Ной вдруг забыл прихватить с собой некоторые породы скота! Безуспешно оглядывались бы мы в нынешнем юбилейном году вокруг в поисках, например, национальных социалистов*, если бы Ной не сохранил в своем ковчеге ряда животных, без которых означенная партия должна была бы погибнуть. А тому, что среди нас еще живут некоторые берущиеся за воспитание детей клерикалы, о которых мы ежедневно читаем в «Заржи» и в «Право лиду», мы обязаны опять-таки Нюю: в своем ковчеге он уберег от вымирания

свиное поголовье. А что было бы с нашим дворянством, если бы Ной не взял с собой некоторые виды птиц, о которых в Библии говорится, что они не сеют и не жнут, а живут так, как не снилось и самому царю Соломону со всей славой его? Без Ноя не было бы у нас и таких животных, которые любят ловить рыбку в мутной воде, да при этом всегда еще ухитряются плыть по течению.

Нужно вспомнить и об аграриях*. Ведь не будь сохраненных Ноем волов, они бы и ноги протянули: перед кем бы тогда они опускали таможенные шлагбаумы на сербских границах?*

Все это было сохранено для нас Ноем! Поэтому мы с гордостью и любовью обращаемся сейчас к памяти этого доблестного мужа, невзирая на то, что к старости он стал алкоголиком. Нас только чрезвычайно удивляет, что его юбилей не празднуется как раз в тех кругах, которых это больше всего касается. Вспомнило о нем лишь одно австрийское военное ведомство: в честь пятидесятилетнего юбилея Ноева ковчега оно построило свой первый дредноут. А так везде тишина, листик не шелохнется. Наверно, потому, что всюду военная напряженность.

Поднялся какой-то шум на Балканах, приходит в движение Марокко — похоже, что близится война и много людей из разных стран сложат свои головы на полях сражений.

Вот я и думаю, что бог вспомнит о забытом было пятидесятилетнем юбилее и, как и пять тысяч лет назад, будет «сожалеть, что сотворил на Земле человека».

1911 г.

СВЯТЫЕ

Молодой Али Бали отправился в далекий путь... Посреди голой пустыни его застигла ночь. Вдруг он увидел вдалеке какое-то возвышение. Приблизившись, Али Бали понял, что это была гробница некоего святого. Он попросил сторожившего гробницу старика приютить и покормить его.

Утром юноша хотел продолжить свой путь. Но Мезерех Хаджи (так звали старика) стал просить его остаться, говоря, что он уже стар и немощен и что Али Бали мог бы помогать ему собирать дары, которые приносят верующие, приходящие поклониться святой гробнице.

Однако Али Бали был послушным сыном и хорошо знал, что Коран приказывает во всех важных случаях жизни советоваться с родителями. Поэтому он ответил старику, что должен сначала съездить домой за родительским благословением и тотчас же вернуться обратно.

Тогда старец Мезерех Хаджи дал ему своего осла и просил возвратиться как можно скорее.

Али Бали тронулся в путь. Но на середине пути осел вдруг упал и тут же отдал душу аллаху. Али Бали горевал недолго. Он

закопал осла в землю, обложил могилу камнями, соорудив подобие гробницы. Затем он побелил свое строение и водрузил на его верхушке полумесяц. Когда мимо проезжали или проходили путники, Али Бали громко провозглашал, что в этой гробнице покоятся останки святого Нэми Кораха.

Предприятие его процветало: верующие так и льнули к гробнице нового святого. А когда некий паломник, протрезвившись за ночь, проведенную возле гробницы, оказался наутро здоровым, ее слава разнеслась далеко-широко во все стороны.

Это была опасная конкуренция для Мезереха Хаджи, сторожившего старую гробницу, у которой не так давно нашел приют и Али Бали. Когда верующие совсем перестали к нему ходить, старец сам пришел поклониться новому святому Нэми Кораху.

Как только верующие, обступившие гробницу, разошлись, старик спросил своего молодого конкурента:

— Во имя бороды пророка скажи мне, милый сын, правду: кому принадлежит покоящиеся в этой гробнице останки?

Али Бали поклонился набожному старцу и произнес:

— Тебе, мудрый старец, я поведаю всю правду. Кости, покоящиеся здесь, в земле, принадлежат твоему ослу, который сдох у меня в пути.

— Милый сын!—ответствовал ему, явно обрадованный, старый Хаджи.—И я скажу тебе всю правду: мой святой был отцом твоего святого... Он также сдох у меня в пути.

ок. 1911—1912 гг.

СКАЗКА О ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ОДНОГО ПОРЯДОЧНОГО МИНИСТРА

Я убежден, стоит пану прокурору прочесть заглавие моей сказки, он грозно нахмурится и скажет:

— Слово «порядочный» следовало бы вычеркнуть: нельзя, чтобы народ уверовал, будто на свете могут существовать и непорядочные министры. Но если это слово вычеркнуть—жди запроса в парламенте, станут допытываться: а что, разве оскорбительно назвать министра порядочным?..

Я прекрасно понимаю, случай для господина прокурора весьма соблазнительный, но что поделаешь. Самое большее, чем может заниматься наш пан прокурор,—это защищать австрийских министров. Между тем действие моего рассказа происходит не в Австрии и вообще не в какой-либо известной стране, речь идет о государстве мифическом, потому я и назвал это сказкой.

Но приступим к рассказу. Жил-был один король, и был у него министр, человек честный, порядочный, звезд с неба, правда, не хватал, но этого ему никто и не предписывал. Поначалу он мало чем отличался от своих предшественников. Страшно радовался, что к нему стали обращаться «ваше

превосходительство», принимал поздравления, важничал и был счастлив.

Но не прошло и месяца, как шефы отделений после докладов его превосходительству стали рассказывать невероятные вещи. Пан министр рассеянно выслушивает их сообщения, целыми часами сидит за письменным столом, устремив задумчивый взгляд в пространство. И становится все чуднее и чуднее. Это превращение не укрылось и от семьи пана министра. Но сколько его ни пытали, что с ним, не занемог ли, не обеспокоен ли чем, он либо отвечал уклончиво, либо попросту отмалчивался. Только однажды, когда господин министр казался веселее обычного, выходя из дому после завтрака, он произнес ужаснувшие госпожу министершу слова:

— Сегодня иду к королю, подаю прошение об отставке.

Пани министерша с досады лишилась чувств, но не успела она еще очухаться, как ее супруг уже предстал перед королем.

— Ваше величество,— сказал он,— прошу освободить меня от должности министра, у меня есть на то серьезные основания.

— Дружище,— сказал король,— ты что, с ума сошел? Где это видано, чтобы кто-то ни с того ни с сего подавал в отставку?

— Причина, ваше величество, у меня есть, но позвольте не рассказывать о ней. Мне слишком тяжело говорить об этом, лучше сквозь землю провалиться.

— Послушай,— спросил король,— что ты там натворил? Приказываю, немедленно изложи мне свои причины.

— Хорошо,— удрученно ответил министр,— раз ваше величество приказывает, что поделаешь.— И чуть слышно добавил:— Прошу освободить меня от должности министра ввиду того, что я решительно не способен исполнять обязанности министра.

Потом он покорно склонил голову, ожидая, что теперь на него обрушатся громы и молнии.

Но поскольку король молчал, он робко поднял глаза и с удивлением увидел, что король смеется, да так, как сроду не смеялся. Министр был поражен.

— Стало быть, милостивый король, моя отставка принята?— спросил он.

— Чтобы я дал тебе отставку?— сказал король.— За то, что ты не способен исполнять свои обязанности? Дружище, тогда мне пришлось бы выставить почти всех моих чиновников. А что касается министров... Да известно ли тебе, что ты вообще первый порядочный министр из всех, которые у меня были? И знаешь почему? Ты был искренним. И я отвечаю тебе тем же. Насколько мне помнится, способных министров у меня вообще не было. Но ни один еще в том не признавался, хотя это и было ясно как божий день для всех в королевстве. И вдруг приходишь ты и требуешь отставки. Это делает тебе честь и радует меня. Ты мой первый порядочный министр. Все остальные прикрывали свою бездарность потоком речей и фраз и

ловчили, как бы подольше удержаться у власти. Ты совсем другое дело! И лишиться подобного сокровища?! И не подумаю! Ты останешься министром, мой дорогой, останешься и будешь служить мне до последнего вздоха! Ясно?

И министру пришлось повиноваться. Когда дневные газеты сообщили, что отставка пана министра не принята, пани министерша облегченно вздохнула и приказала приготовить его превосходительству на ужин его любимые блюда.

На этом бы и конец. Но пан министр был задумчивее и печальнее прежнего. И неудивительно. Вопрос, может ли он оставаться министром, занимал все его помыслы и превратился для него в дело чести. Господин министр рассуждал так: «Если я вновь подам в отставку, то это, как сказал король, явится попыткой лишить страну первого порядочного министра, а подобная попытка, по сути дела, государственная измена. Если же я не подам в отставку, хотя и понимаю, что не гожусь в министры,—разве и это не государственная измена, черт меня побери! Выходит, как ни кинь, я совершаю государственную измену. Просто отчаяние берет. Короче говоря, мое место за решеткой, а я сижу здесь, позволяю делать себе комплименты, называть меня, государственного изменника, ваше превосходительство! Ума не приложу, что делать!»

Госпожа министерша полагала: раз король не принял отставку ее супруга, можно рассчитывать на полную министерскую пенсию, а то и на особую денежную награду от короля. И когда пан министр снова принялся излагать ей свои сомнения, ее чуть удар не хватил.

И муж не знал, как поступить, и у нее голова шла кругом. Что делать? Наконец ее осенило. Для чего, собственно, на свете существуют психиатры? Эта мысль оказалась спасительной. Да, психиатры должны помочь. Судя по всему, ее муж ненормальный! Бедняжка! Под бременем правительственных забот рассудок его помутился! Так будет сохранена министерская пенсия, обеспечена признательность короля, словом, все!

И вот созвали консилиум лучших психиатров страны.

Пани министерша напряженно ожидала, что они скажут и чем все кончится. Кончилось недурно.

— Выходит, он в самом деле ненормальный? — спросила она.

Врачи пожали плечами.

— Как человек он может и должен быть признан нормальным. Но как министр он поистине ненормальный.

— И это точно?

— Ну еще бы! Разве был когда-нибудь на свете хоть самый безмозглый министр, который считал бы, что сидит не на своем месте? — ответили врачи в один голос.

Пан министр окончил свои дни в психиатрической лечебнице. Такова была трагическая судьба первого порядочного министра в некотором царстве, в некотором государстве, за семью горами, за семью морями.

1912 г.

КАК Я ВЫБЫЛ ИЗ НАЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНОЙ ПАРТИИ

I

Прежде всего напрашивается вопрос: как я в ней оказался?! Очень просто. Сначала я служил редактором «Мира животных»*. Прознав об этом, национальные социалисты принялись уговаривать меня изменить свои политические убеждения. Конечно, если бы речь шла о том, чтобы от консерваторов перемахнуть к анархистам, душевные муки были бы во сто крат тяжелее. Но в данном случае никакой пропасти преодолевать не пришлось. Из «Мира животных» я преспокойно перебрался в «Ческе слово», не изменив даже своим политическим убеждениям — так по крайней мере утверждали все мои знакомые. Просто-напросто я променял своих бульдогов на новую партию. Разница состояла лишь в том, что раньше я кормил бульдогов и догов, а теперь меня самого подкармливала партия. Точнее, не партия, а д-р Гюбшман*.

Кто он такой? Вполне приличный и даже добрый человек — до тех пор, пока у него хватает терпения. Правда, терпеливым его не назовешь. Но зато это, ей-богу, единственный его недостаток. Будь д-р Гюбшман издателем «Мира животных», он наверняка наводнил бы его памфлетами о бедственном положении собак на псарнях, а сам содержал бы псарню и втихомолку торговал собачками. Потому что д-р Гюбшман — в душе торгаш. Он, к примеру, не прочь потолковать о страшном повышении квартплаты, а между нами говоря, сам ее повышает. Да и с какой стати ему отказываться от этого?

Доктор Гюбшман — депутат. Высокое звание, но и не столь уж обязывающее, как кажется на первый взгляд. Депутат Гюбшман прямо-таки начинен прекрасными идеями, о которых он может доходчиво рассказать массам. Но в душе д-ра Гюбшмана идет непрерывная борьба. Он ведь не только депутат, но еще и человек. Гюбшман-человек прижимает квартиросъемщиков и председательствует в корпорации печатников «Ческе слово». Превосходный человек д-р Гюбшман! Что ж, оно и верно, коли рассудить здраво, — депутатская слава развеется, мандат потеряет силу, а вот деньги останутся. Как-никак, а участие в «Ческом слове» обходится в 50 крон.

Итак, д-р Гюбшман стал моим шефом.

II

Как нам живется в национально-социальной партии? Недурно. Одно время нас объединял ресторан «Золотой гусь»*. Это одна из самых славных страниц нашего движения. И хотя «гусь» звучит как-то не слишком завлекательно, он стал символом национальных социалистов. Во время демонстрации иногда

можно увидеть молодцов с молотом и перышком; приглядитесь, под этими значками горделиво поблескивает на булавочке Золотой гусь. Это символ нашей партии. Гуси спасли Капитолий, Золотой гусь спасет нашу партию. Этот гусь на булавочке вручался завсегда таям харчевни «Рыхта», выдувавшим там по несколько кружек пива ежедневно. Золотой гусек, увенчанный скромной славянской трехцветной лентой, молотом и пером вкупе с красно-белой гвоздикой, вызывающе сверкает на их лацканах, словно бы говоря: «Все мы тут свои люди, национальные социалисты». И ежели под натиском непогод наша партия разлетится, обладатели «Гуся» сомкнут поредевшие ряды. Подобно наполеоновской гвардии, которая под Ватерлоо на вызов англичан решительно ответила историческим возгласом: «Дерьмо!», наши могикане покажут своего «Золотого гуся» в петлице, что будет означать: «Хорош гусь!» — и партия прекратит свое существование.

III

Мирно текли мои дни в редакции «Ческого слова». Там я свел знакомство со многими высокоинтеллигентными людьми. Во-первых, с известными вождями национальных социалистов Богачем, Лоудой, Симонидесом*. Богач — это косметические фабрики, Лоуда мертвой хваткой вцепился в кнедлики, а Симонидес просто служит в одной из приходских касс. Богач — юркий непоседа, ни секунды не постоит на месте. Лоуда вял и ленив, он взирает на окружающий мир устало и равнодушно, а Симонидес постоянно трет себе нос. Красный нос Симонидеса прекрасно выделяется на фоне белых щек и напоминает прелестную цветовую гамму национально-социальной гвоздики.

Подружился я и с депутатами*. С Лысым кутил, с Клофачем кутил, а вот со Стршибрным нет; с Хоцем даже не разговаривал. Как личному врагу Клофача, ему вообще был заказан вход в нашу редакцию. Надо сказать, что Клофач терпеть не может и Фресла. А Стршибрный считает Клофача узурпатором. Лучше всех депутат Экнер. Этот толстяк никого не поддерживает, но зато никого и не трогает. Пива в больших количествах не потребляет. Поэтому в партии его тоже недолюбливают. Заглядывает к нам и Бурживал. Этот милейший человек не в чести у депутата Войны. Бурживал отвечает Войне тем же, поскольку и тот и другой знают, что у обоих рыльце в пушку; оба стараются избегать друг друга, а уж если доводится им сойтись на узкой дорожке, то получается прямо как в известной песенке:

А коли встретиться случится,
То заалест он, как роза.

Вообще я замечал, что при встрече друг с другом депутаты национально-социальной партии всегда краснеют. А кое-кто, глядишь, и побледнеет, но и тогда гармония национально-

социальных тонов сохраняется. А в целом депутаты этой партии все-таки очень и очень привязаны друг к другу.

Депутата Форманека я в глаза не видел. Форманек — абстинент, поэтому к делу партии равнодушен. Естественно, что и партии на него наплевать.

IV

На правах референта «Ческого слова» я присутствовал на собраниях электриков, где речь шла о том, выходить или не выходить на работу, если управление вместо удовлетворения справедливых требований ограничится обещаниями «вернуться к ним через полгода». Оно, конечно, городское управление вечно твердит одно и то же: «Как-нибудь после, потом». Но тут, на собрании от наших вождей брата Симонидеса, брата Рогача и др. я своими ушами слышал такие слова: «Забастовка неизбежна!» А брат Лоуда поддакивал: «Да-да-да. Неизбежна».

И на секционных собраниях электриков брат Война и брат Стршибрный в унисон трижды бросали ревущей аудитории звонкий клич: «Забастовка неизбежна!»

Но за это вольнодумство управление электрических предприятий отказало нам, сотрудникам «Ческого слова», в бесплатном годовом билете на трамвай. Стршибрный, Война и др. негодовали. «Наш долг,—бушевал Война,—привлечь на свою сторону банк и торговую палату, пусть и они воздействуют на управление! Ведь речь идет о судьбах наших бесплатных трамвайных билетов». Было решено созвать собрание служащих электрических предприятий. Оно было назначено на час ночи в Ригеровых садах.

V

Служащие были полны решимости не отступить, как и в последнюю забастовку на Стршелецком острове*. Собирались мрачные и возбужденные. «Так дело не пойдет!» И вот тут-то взял слово брат Война.

Эта сцена до сих пор у меня перед глазами. Взор брата Войны светился убежденностью, что получить бесплатный годовой билет на трамвай — его долг и право.

— Друзья! — вскричал он. — Заткнитесь! Теперь буду говорить я! Образумьтесь, рассудите здраво, подождите окончательного ответа!

— Долой! — крикнул кто-то из наших рядов.

— Друзья, заклинаю вас, — вопил Война. Душу его переполняло убеждение, что бесплатный годовой билет он должен получить во что бы то ни стало. — Не разоряйтесь, или я распушу собрание, посмотрим, какой ответ в конце концов даст управление!

— Вы слюняй, господин депутат,— снова раздался чей-то голос.— Я прошу слова!

Голос этот принадлежал мне. Я, организованный член национально-социальной партии, бывший редактор «Мира животных» и нынешний сотрудник «Ческого слова», прервал речь оратора.

— Молчать, идиот! — грохнул Война, председатель исполнительного комитета партии, членом которой я имел честь состоять.

— Сам идиот! — невозмутимо парировал я.— Друзья, всыпем ему!

Всыпать мы ему не всыпали, потому что брат Война успел удрать, но зато мы разорвали свои партийные билеты. А брата Фресла обозвали балбесом.

Я был весьма польщен доверием, оказанным мне в ту ночь.

VI

Ну, а потом меня вышибли из национально-социальной партии. Или, точнее, я вылетел из нее. На следующий день, когда я пришел в редакцию «Ческого слова», намереваясь приняться за общественно полезный труд штатного референта во имя дела, которому было отдано столько сил, меня уже поджидали вожди. Так некогда ждали Мартиница и Славату* на Градчанах.

Первым, кто схватил меня за шиворот, был д-р Гюбшман. Шефрна, рассыльный редакции (нижайший поклон сему доблестному мужу—я и по сей день должен ему восемь крон), распахнул окно, и председатель исполнительного комитета вкупе с депутатом Фреслом схватил меня за задницу и спустил с третьего этажа прямо на каток двора Сильва Тарруцци.

— Я тебе покажу, что значит партийная дисциплина! — неслось мне вдогонку.

Больше я ничего не помню.

Таким вот способом вылетел я из партии национальных социалистов и теперь ищу 200 тех служащих, которым за несколько часов до той достопамятной сходки в Ригеровых садах я твердо обещал, что стачка непременно состоится. Я прошу их написать мне по адресу: Вршовице, Палацкого, 363, и приложить марку, чтоб я мог уведомить их, в какой день и час мы сможем высечь исполнительный комитет национально-социальной партии и его председателя брата Войну.

ИЗ КНИГИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА»

В политической сатире Я. Гашека периода перед первой мировой войной особое место занимала созданная им «партия умеренного прогресса в рамках закона». Это была остроумная и злая пародия на большинство тогдашних политических партий Чехии. Оппортунизм, трусость, оторванность от подлинных интересов народа, присущие им, Гашек в иронической форме воспроизвел в своей партии умеренного прогресса в рамках закона. Эти фельетоны позднее были собраны в его книге «Политическая и социальная история партии умеренного прогресса в рамках закона», часть из которых публикуется в настоящем сборнике. В одном из них Я. Гашек писал: «Именно в это бурное время я основываю в трактире «У золотого литра» на Краловских Виноградах... новую чешскую политическую партию — партию умеренного прогресса в рамках закона ... где слова «умеренный» и «прогресс», «рамки» и «закон», слитые идейно в одно целое, определяли программу партии, программу, которая позже, конечно, менялась в соответствии с изменявшейся политической обстановкой, вплоть до того времени, когда в 1911 году была произведена реорганизация партии».

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ ПАРТИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ КРУГАМИ

По возвращении из своего паломничества на Святую Гору пан Копейтко явился в полицию и донес на нас, сообщив, что мы играем в запрещенные игры, поносим господа бога и верховную власть того и этого света.

С той поры у нас объявился пан Маркуп...

Кто был этот пан Маркуп? Добрый малый, служил в комиссариате полиции, имел ничтожное жалованье и шесть

человек детей. В то время как раз назревали великие бои за всеобщее избирательное право*, и люди такого сорта зарабатывали деньги доносами своему начальству, которое в свою очередь переправляло их государственной полиции в Вену. Кроме того, дело было вскоре после посещения Праги его величеством. Пану Маркупу нужно было подзаработать. Помните, еще Шатобриан в свое время говорил, что полиция всегда романтична*.

Итак, пан Копейтко заявил в отделе безопасности, что больше уже немислимо терпеть те речи, что ведутся в нашем трактире, и полиция направила туда пана Маркупа, невзирая на то, что он был отцом шестерых детей. Ведь когда пан комиссар спросил набожного Копейтко: «А что там за люди?» — тот ответил: «Бандиты, ваше благородие!» И вот теперь отец шестерых детей должен был идти к этим бандитам.

И он пошел... Подобно римскому легионеру, отправляющемуся в неведомую Британию, он шел, чтобы занять форпост во мгле чужого острова, и был уверен, что его никто не знает. Но племянник директора полиции, который был в нашей компании*, узнал его и в первый же вечер, как только пан Маркуп удалился, сказал:

— Да это же Маркуп!

То, что он нам о нем поведал, было не очень утешительно. Сей муж охотно принимает пощечины, ибо за каждую получает в виде компенсации две кроны (как-никак полдюжины детей!). Обычно же за каждое посещение разбойничьего логова ему платят по пять крон.

На следующий вечер пан Маркуп пришел раньше нас и сел к нашему столу, излучая вокруг себя сияние доброты. Когда мы появились, он извинился и выразил желание пересесть за другой стол. Но его уговорили остаться, убеждая, что его общество для нас необычайно приятно и что, хотя мы и говорим о политике, это, надо полагать, ему не помешает.

— Значит, договорились,—тихонько, но так, чтобы было слышно пану Маркупу, шепнул мне Маген*.

— Да,—сказал я,—заканчиваем последние приготовления.

— А знают об этом на Мораве? — нагнулся к нам инженер Кун.

— На Мораве уже обо всем известно! — громко ответил я.

Пан Маркуп вздрогнул.

— Прошу извинить, я хорошо знаю Мораву,—вмешался он.—Морава всегда стояла плечом к плечу с Чехией.

— Ну, уж это вы ошибаетесь,—возразил я.

— Позвольте, господа,—не отставал пан Маркуп,—все же извольте вспомнить, сколько мораван пало у «Гвезды»*.

— Это для нас новость! — провозгласил Опоченский*.—А вы знаете, что об этом нельзя говорить, что вы можете ввязаться в опасную историю? Начали бы, например, толковать об императоре Фердинанде...

Пан Маркуп снисходительно усмехнулся:

— А что! Неужели вы и в самом деле думаете, господа, что император Фердинанд был выдающимся человеком?

— Ну, разумеется,—сказал я серьезно.— Муж, который сумел в 1620 году наступить на горло гидре мятежа, поистине был мужем выдающимся. Особенно если мы учтем, что он принадлежал к благородной династии Габсбургов.

— Да, но все же он велел казнить столько чешских дворян на Староместской площади,—не сдавался пан Маркуп.

— А вы сожалеете об этом, милостивый государь?!—бешено завопил я.—То было всего лишь умеренное наказание этим бунтовщикам, которые выбросили из окон Пражского Града королевских советников, а своего собственного короля ссадили с трона и призвали в Чехию чужеземца! И у своего собственного короля побили в битвах свыше двадцати тысяч воинов. Вы собираетесь защищать этих людей? И это чех! Не стыдно вам?

Я вижу, что через минуту вы начнете говорить о венгерской революции 1848 года, и восхвалять Кошута*, и твердить, какой это был молодец! А между тем это он подделывал кредитные билеты и поднял всех горных пастухов против Габсбургской династии. А когда его должны были повесить, так этот негодяй скрылся! А вы нынче спокойно приходите сюда и начинаете прославлять Кошута, и воспевать хвалу венгерской революции, и кричать здесь: «Да здравствует революция!»

— Помилуйте, господа, ведь я ничего такого не говорил!

Я торжественно поднялся.

— Присутствующие здесь господа—свидетели, что вы это сказали! Говорил он это, друзья?

— Говорил, говорил!—раздался дружный крик.— Произносил и еще более страшные вещи!

Маген встал.

— Вы, милостивый государь, втерлись в наше почтенное общество, чтобы пропагандировать изменнические взгляды! Вы здесь, у этого стола, где сидят сыновья набожных католических родителей, хулили господа бога, кричали, что не верите в бога! Вы издевательски отзывались о непогрешимости папы римского! Вы хотели нас, порядочных граждан, свести на путь блуда и неверия! На это есть один ответ—тюрьма! Пан трактирщик, позовите полицию!

— Но, господа...

— Никаких «но»! Полицейский должен будет установить вашу личность, а мы обвиняем вас в богохульстве и оскорблении Величества! А такие вещи... Сами понимаете! Наш лозунг «За бога, отечество и императора!». И вы хотите отвлечь нас от этого! И вам не стыдно! А еще образованный человек!

Тут появился полицейский.

— Будьте любезны, господин полицейский, установите имя этого человека. Он непочтительно отзывался о всемогущем боге, о папе, об императорской династии! Хотел нас морально

развратить! Хотел сделать из нас анархистов, террористов и безбожников!

Пан Маркуп встал и произнес спокойно и веско:

— Я полицейский чиновник.

Племянник директора полиции выступил вперед.

— Вы лжете, почтеннейший! Предъявите ваше удостоверение! О, если бы об этом узнал мой бедный дядюшка!

Пан Маркуп начал судорожно рыться в карманах.

— Прошу прощения, я забыл удостоверение дома,— сокрушенно прохрипел он.

Племянник директора полиции подошел к полицейскому, показал ему свой документ с известным каждому стражнику именем и произнес величественно:

— Ваш шеф, директор полиции,— мой дядя.— И, указывая на несчастного пана Маркупа, распорядился:— Отвести его.

В то время как полицейский отводил поверженного пана Маркупа, вслед ему торжественно звучал наш благочестивый хорал:

Мораву никому от веры не отторгнуть.

Наследье отчее нам сохрани, господь...

...Пан Маркуп у нас больше не показывался, его перевели в полицейскую регистратуру стирать пыль со старых папок.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ЧЕШСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЯРОСЛАВ ГАШЕК

Поскольку в ходе описания истории партии умеренного прогресса в рамках закона я уже неоднократно касался своей особы, чувствую, что пора отбросить излишнюю скромность и перед всей общественностью неличеприятно подвергнуть себя серьезной критике.

Как глава партии умеренного прогресса в рамках закона и ее кандидат, я должен оценивать свое поведение и поступки как можно объективнее и вместе с тем аргументированно, чтобы ни от кого не ускользнула ни единая выдающаяся черта моего характера. Что греха таить, бывают в моей жизни минуты, когда, восхищенный каким-нибудь собственным поступком, я шепчу про себя: «Какой же я молодец». Но что толку, если мир о том знать не знает. Мир должен прийти к такому выводу, человечество обязано надлежащим образом оценить меня, и не только мои великие задатки и колоссальные способности, но главное, мой поразительный талант и необычайно благородный характер. Могут, понятно, и возразить—почему, мол, я не поручил написать сей панегирик другому, более авторитетному человеку, почему наступаю на горло собственной скромности, расхваливая сам себя?

Отвечаю: потому что я знаю себя лучше всех и наверняка не

напишу ничего не соответствующего истине — смешно ведь, когда пишешь о себе, приукрашать. Поэтому я обхожусь самыми скромными выражениями всякий раз, когда нужно себя похвалить, но решительно стою на той точке зрения, что скромность украшает мужчину, хотя настоящему мужчине ни к чему себя украшать, так что нечего уж слишком-то скромничать. Отбросим же всякие сантименты, из-за которых нас прозвали «голубиным народом»*, и будем мужчинами. Без всякого смущения открыто признаемся в своих достоинствах! Как прекрасно, что я смело могу сказать: «Милостивые господа, я гений» там, где не в меру скромный человек заметил бы: «Милостивые господа, я дубина».

Толковый человек всегда достаточно ловко протискивается вперед и сам себя превозносит; в то время как застенчивый человек сидит в уборной, его более удачливый друг, оценив себя по достоинству, тоже может принять участие в общественной жизни. Застенчивость — самая худшая черта человеческого характера. Это обман под прикрытием скромности, и именно с моей стороны, со стороны человека, имеющего такие заслуги в области чешской литературы, политики и общественной жизни, было бы позорно, было бы просто грешно оставлять чешский народ в неведении — гениальный я человек или нет.

И потому, не мудрствуя лукаво, заявляю: в истории человечества существует лишь один столь всесторонне совершенный индивид, и это я. Взять, к примеру, хоть некоторые из моих удивительно удачных рассказов. И что мы видим, листая страницу за страницей? Что каждая фраза таит в себе глубокий смысл, каждое слово стоит на своем месте, все сообразно с действительностью, когда я начинаю описывать пейзаж, вы видите его прямо как на фотографии, а люди, которых я изображаю в увлекательно запутанной фабуле, стоят перед вами как живые. При том чешский язык в моих литературных трудах наичистейший, он превосходит своей чистотой даже чешский язык Кралицкой библии*. Прочитать хоть строчку из моих произведений — истинное наслаждение, и когда вы это сделаете, то почувствуете себя замороженным, воодушевленным и, блаженно улыбаясь, впредь никогда не расстанетесь с этой книгой, всегда будете носить ее при себе. Сколько раз я являлся свидетелем того, как люди пренебрежительно откладывали журнал из-за того, что в нем не было моих произведений. Да, и я поступал так же, поскольку отношусь к числу своих поклонников, и вовсе этого не скрываю. Любое свое напечатанное произведение я прошу прочесть мне вслух свою жену Ярмилу, самую обворожительную и самую умную женщину на свете, и каждая фраза вызывает у меня возгласы заслуженного восхищения: «Это изумительно, это превосходно! Ну что за умница этот пан Ярослав Гашек!» Разумеется, я отмечаю это лишь мимоходом, поскольку именно это — прекрасное свидетельство того восторга, какой вызывает моя литературная деятельность в читатель-

ских кругах; и я уверен, что тысячи и тысячи читателей столь же восторженно отзываются о моих произведениях, и восторг этот дорог для меня именно потому, что выплескивается из сердец весьма просвещенной толпы, для которой я на веки вечные останусь самым знаменитым писателем в мире. Я — живое доказательство того, сколь живы сообщения и распространяемые бесчестными критиками утверждения, будто у нас нет ни одного писателя с мировым именем.

Теперь очень кратко оценю свой характер. Человек, пишущий столь прекрасные произведения, как я, должен иметь столь же прекрасную душу. И на следующих выборах в Имперский совет наверняка представится случай — если меня единогласно изберут от какого-то одного или нескольких округов — избавить австрийский парламент от такого срама: ведь в нем по сей день не заседал наибогороднейший человек Австро-Венгерской монархии! Полагаю, незачем пояснять, что под этим наибогороднейшим человеком я подразумеваю себя. Наконец, я со всей определенностью заявляю, что и эти строки, написанные мною, представляют собой одно из величайших, великодушных деяний, ибо что может быть прекраснее, чем возносить кого-то, причем абсолютно бескорыстно, на вершину славы? К тому же данная глава откроет глаза многим, кто, быть может, искал в этой книге — в этой великой истории, воссозданной из отдельных фактов, — памфлеты и пренебрежительную критику в адрес многочисленных общественных деятелей. Уж если эти строки можно назвать памфлетом, тогда я, честное слово, не знаю, что такое памфлет!

МАНИФЕСТ ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА К ПОСЛЕДНИМ ВЫБОРАМ

Как только Имперский совет был распущен, наш исполнительный комитет, резиденцией которого является «Кравин»* на Краловских Виноградах, вынес постановление принять горячее участие в избирательной кампании, выдвинув своего кандидата; и в «Кравине» вывесили следующий манифест:

Народ чешский!

Шел 1492 год, когда Колумб отплыл из Генуи с целью открытия Америки. С той поры минуло несколько столетий, и мы, видя сегодня прогресс в стране, открытой Колумбом, с полным основанием можем считать, что прогресс этот не мог возникнуть ни с того ни с сего, скажем насильственным путем. Прогресс этот с момента того исторического события, когда самый знаменитый чех, Колумб, открыл Америку и отплыл из Яновиц, развивался умеренно, в рамках закона, и, бесспорно, Америка не достигла бы сегодня такого уровня цивилизации, если б Колумб ее не открыл. Но Колумб не побоялся и, уже в ту пору, руководствуясь принципом «умеренный прогресс в рамках

закона», отпросился у досточтимого начальства и приплыл на край Америки, чтобы не доводить дело до крайности. Только следом за ним один американец открыл весь родной материк, который и назван в честь него Америкой. Затем понадобилось лишь истребить индейцев, ввести рабство, и так повсюду вводить прогресс, полегоньку, не спеша, и в конечном итоге мы видим, что несколько столетий спустя Эдисону удалось изобрести фонограф. Не отправься Колумб в Америку, не решился он вообще на свою туристическую поездку, индейцы продолжали бы драться друг с другом, у нас не было бы даже фонографа, а у вышеназванного государства такого источника доходов, как табачная монополия, у простого люда в деревне не было бы его «шкубанок», мы не знали бы картофеля и самогонки из него, короче, пришел бы конец благоденствию. Итак, Колумб попытался и открыл Америку, известен же прекрасный древнечешский девиз: «Рискнуть — да и закаяться».

Вот так и мы выступаем перед тобой, чешский народ, с новой программой. Мы попытались создать новую политическую партию и убеждены, что получится так, как гласит польская поговорка: «От малой искры да большой пожар».

Чешский народ! Чехи! Земляки! Колумб тоже не знал, какие плоды принесет в один прекрасный день его путешествие в Америку, что выйдет из его затеи, что это в конце концов приведет к всемирно-историческим событиям и что его путешествие к неведомым берегам Америки окажется в итоге увенчано миллиардами, завещанными великодушным Карнеджи в пользу американских университетов.

Вот и мы, создавшие новую политическую партию, не представляем да и не можем себе представить, что хорошего свершит эта партия для человечества, а в особенности для тебя, дорогой народ чешский!

А вас всех, безусловно, интересуют принципы партии, ее программа. Но что может быть прекрасней лозунга, начертанного на знаменах партии: «Умеренный прогресс в рамках закона»?

Граждане, чехи!

Памятуя, что закон ограждает любого человека от насилия, мы отдали свою программу под крылья закона, а поскольку все законы у нас со временем претерпевают изменения, иначе говоря, идут рука об руку с умеренным прогрессом, мы внесли сей умеренный прогресс в свою программу. Потому что просто немыслимо, чтобы младенец каким-то насильственным способом сразу повзрослел; это может произойти лишь путем естественного развития, день за днем, год за годом.

Народ чешский!

Прежде чем ты попал под власть Габсбургов, должны были родиться Пшемысловичи, Ягеллоны, Люксембурги*, и лишь столетия спустя ты очутился под властью Габсбургов. Так и

мост Сватоплука Чеха—его тоже не за одну ночь выстроили; сначала должен был родиться Сватоплук Чех,* прославиться, умереть, затем провели благоустройство и лишь после этого построили мост Сватоплука Чеха.

Народ чешский! В чешской нации существует множество партий, которые станут тебя уверять, будто все это можно было совершить в один прием, разом! Иные партии, напротив, заявят, что этого вообще сделать невозможно! Кому ж в таком случае ты должен верить? Разумеется, тем, кто обращает твое внимание на то, что все это свершилось путем умеренного прогресса в рамках закона.

Прага, апрель 1911.

От имени исполнительного комитета партии умеренного прогресса в рамках закона*: Эдуард Дробилек, Йозеф Скружный, Йозеф Лада, д-р Бог. Шмераль, Эмануэль Шкатула, Ярослав Гашек, д-р Новак, инж. Кун, д-р юриспруденции Слабый, полицейский комиссар.

ДЕНЬ ВЫБОРОВ

Ни одна политическая партия не развернула такой агитации, как мы. Лекции и собрания избирателей проходили ежедневно, пока наконец не наступил тот памятный день, когда виноградские избиратели путем подачи голосов за кандидата партии умеренного прогресса в рамках закона должны были подтвердить свою политическую зрелость. Однако, к сожалению, те, кто с виду симпатизировал новой партии, в последнюю минуту трусливо покинули знамя, под которое стали в «Кравинне», и голосовали против нас. Лишь тридцать восемь смельчаков из нашего избирательного округа остались нам верны и не позволили соблазнить себя кандидатам национальных социалистов, социал-демократов и партии государственного права*, отдав свои голоса кандидату партии умеренного прогресса в рамках закона, каковая почетная обязанность была возложена на меня.

Об этой горсточке своих избирателей я никогда не смогу говорить иначе как с величайшим уважением и буду заявлять всегда и везде, что они поступили как подобает настоящим мужчинам и сторонникам партии. Против этих тридцати восьми неподкупных борцов встали две тысячи девятьсот шестьдесят два фанатика, принадлежащих к трем вышеупомянутым политическим лагерям. Но они гордо, вдохновенно шли к избирательной урне, чтобы продемонстрировать свое убеждение, невзирая на всяческие гонения.

Могу сказать, что они явились первооткрывателями новых идей и были прекрасны, как Аполлон, и горды—уж и не знаю, как кто. История человечества, надо полагать, никогда не узнает их имена, и все же человечеству следовало бы воздвиг-

нуть памятник тем героям, которые заведомо знали, что останутся на поле боя вместе со своим вождем. Однако наше поражение на последних выборах является лишь предзнаменованием будущей победы. Мы хоть и получили взбучку, но торжествовали моральную победу, как говорят реалисты. Нам выпали по первое число, но это — лишь предвестие счастливейшего будущего, как утверждают младочехи. Лишь тридцать восемь голосовало за кандидата партии умеренного прогресса в рамках закона, но я могу воскликнуть, как это делает партия клерикалов, когда ей зададут где-нибудь трепку, что эти тридцать восемь голосов — свидетельство мощного подъема партии. Мы чувствовали себя в «Кравине» словно укротитель среди хищников. Из «Высшего разряда», что напротив, на нас глядели окна избирательного участка партии государственного права, пестревшие надписями: «Голосуйте за Виктора Дыка!»* А со стороны задней стены нашего избирательного участка в «Кравине» угрожающе взирали окна избирательного участка национальной-социальной партии с абсолютно несообразными призывами: «Голосуйте за Вацлава Хоца!»*, «Голосуйте за лучшего человека на Краловских Виноградах!» Наш голос был гласом вопиющего в пустыне, когда вокруг рыкают львы; мы были словно благоухающий цветок, теснимый со всех сторон сорняками. Мы стояли словно невинное дитя на крыше затопленного домика, вокруг которого бушует грязный и мутный поток. Мы чувствовали себя словно затянута в логово позора невинная девушка, окруженная сводниками. Мы ощущали примерно то же, что и человек, по иронии судьбы севший без брюк на ежа. А вокруг нашего укрепления все гудело от возбужденных голосов политических реакционеров, позволивших соблазнить себя великопоповицким пивом и голосовавших за Хоца или смиховским пивом в трактире «У Либалов» и голосовавших за Виктора Дыка. По несчастному стечению обстоятельств на нашем избирательном участке подавалось в розлив виноградское пиво, наши агитаторы вынуждены были то и дело бегать в уборную, к этому и сводилась вся их агитация избирателей. По злополучному стечению обстоятельств наш избирательный участок находился в трактире «Кравин». И вот представьте себе все это вкуче: уборная, коровник¹, партия умеренного прогресса в рамках закона, кандидат с надутой физиономией, непривычная политическая программа, короче, все это не могло окончиться не чем иным, кроме как, выражаясь красивым французским словом, *débâcle*, крахом.

Что толку было от всех наших лозунгов, вывешенных и наклеенных на окнах избирательного участка: «Избиратели, протестуйте избирательными бюллетенями против землетрясения в Мексике!», «Раздам среди своих избирателей триста билетов сербской государственной лотереи с надеждой на

¹ «Кравин» в переводе с чешского — коровник.

выигрыш в сумме пятнадцать миллионов франков золотом!», «Каждый наш избиратель получит карманный аквариум!», «Не голосуйте за бурша!», «Избиратели, то, чего вы ждете от Вены, вы и от меня получите!»

Все оказалось тщетным. Правда, перед избирательным участком в «Кравине» теснились толпы, заходили отдельные избиратели, заказывали пиво, бежали в уборную и вместо заверения, что будут голосовать за меня, оставляли на нашем избирательном участке легкое амбре. А наряду с этим поступали сообщения с конкурирующих избирательных участков, что партии противников ведут бешеную агитацию. Мы вывесили плакат, гласивший: «Здесь принимает добродетельный молодой человек по вопросам клеветы на конкурентов».

Время близилось к обеду. За окнами появился большой лист бумаги следующего содержания: «Сегодняшнее меню, составленное исключительно для наших господ избирателей! Супы: королевский Шерри. Лосось под майонезом. Деликатес: заливной слоновий пяточок. Винный погребок: тушеный верблюжий хвост с морскими рачками. Жареный морской конек с печеными водорослями. Фаршированный желудок кенгуру. Крокодила печень. Маринованный заяц. Паштет из соловьиных язычков. Саланганье гнездо. Настоящие русские пироги. Сливовые кнедлики под шоколадным соусом. Татарский сыр из кумыса. Вина австрийские и венгерские. Виноградское пиво».

В час появился один избиратель и заказал сырок. Это был дурной знак. А в шесть часов мы потерпели поражение подавляющим большинством в две тысячи девятьсот девяносто два голоса. И вместо того, чтобы нести нас на щите, нашего единственного избирателя увезли в обыкновенном гробу.

КАК ЦЕТЛИЧКА БЫЛ ИЗБИРАТЕЛЕМ

Полиция запретила Цетличке проживать в Праге; и вот около одиннадцати утра он стоял на углу Перштына и проспекта Фердинанда и с интересом смотрел, как какой-то неуклюжий деревенский подмастерье, тащивший за собой телегу, толкнул ею, не сумев вовремя извернуться в толпе, постового полицейского, охранявшего порядок на этом оживленном перекрестке.

Полицейский тут же из жажды мести записал у себя в блокноте, что у повозки, которая столкнула его почти на середину проезжей части, не было таблички с номером, как того требовали правила уличного движения.

Цетличке же все это доставило двойное удовольствие. Во-первых, как зрителю, который после долгого хождения по улицам наконец что-то увидел, и, во-вторых, как человеку, которому приятно, когда с его недругом случается неприятность. Однако люди такого типа тоже не питали особого расположения к Цетличке, в чем он и сам не раз убеждался, когда дебоширил в пивной «У венца» на рынке.

Днем все было, как правило, хорошо. Он ходил по Праге, никто его не узнавал, но потом наступали отвратительные ночи, когда он оказывался на волоске от гибели. Однажды он хотел украсть зимнее пальто из трактира «У звездочек», в другой раз пытался уйти, не заплатив по счету, из «Калифорнии», в третий раз устроил драку «У венца»; все это ему обычно стоило по месяцу тюрьмы.

И все же он любил матушку Прагу, потому что умел пользоваться ее выгодами.

Нигде в витринах не висит столько юбок, нигде так легко не взламываются двери магазинов, нигде не удается так ловко обокрасть, как в Праге.

Случись на улице какой-нибудь пустяк, нигде не соберется столько публики, которая, ничего не видя и не слыша, рвется вперед, чтобы только узреть, что действительно с карниза дома на шляпу какому-то солидному господину упало воробьиное яйцо и теперь тот негодуя демонстрирует толпе свой черный котелок с желтым пятном на макушке.

Хорошо также вычищать содержимое карманов в зимних пальто, ведь обычно кошельки прячут в наружные карманы, иначе пришлось бы расстегиваться на холоде и к тому же лишиться себя удовольствия быть обворованным.

Цетличка бросался в толпу людей, с восторгом наблюдавших состязания деревянных механических обезьян в витринах игрушечных магазинов. Перед ними теснились взрослые, хотя зрелище было предназначено для детей, которые из-за этих верзил не могли пробиться вперед, чтобы хоть что-то увидеть.

Цетличка был и среди сражавшихся за места в вагонах трамваев.

И везде основательно шарил по чужим карманам и уходил незамеченным. При этом он, однако, был суеверен, как все воры, военачальники и дипломаты. Если ему не удавалось захватить добычу сразу, он не предпринимал нападение вторично, как, впрочем, поступает и мнимый царь зверей — лев.

Сегодня Цетличке не везло.

Использував момент, когда вокруг раздавленной собаки образовалось столпотворение, он начал шарить в кармане у какого-то господина, который во весь голос возмущался быстрой ездой автомобилей. Цетличка уже почти нащупал кошелек, как господин вдруг завертелся. Цетличка молниеносно вынул руку, но через мгновение опять погрузил ее в карман взволнованного господина. А тот в этот самый момент решил достать из кармана носовой платок и был удивлен, когда обнаружил там чужую руку, которая, однако, тотчас же исчезла. И как завопил:

— Карманник!

— Караул,— закричал Цетличка,— держите вора! У меня украли кошелек с гербовыми марками. Я должен заявить в полицию!

Никем не замеченный, он отошел за угол и плюнул: «Хорошенькое же начало. Сегодня и пальцем больше не пошевелю».

К тому же ему повстречался воз с соломой, что было плохим предзнаменованием. Так и бродил он по улицам. Забрел в какой-то кабак и там случайно встретил одного своего закадычного друга, который сразу же заявил ему, что у него осталось только на три стопки водки с ромом.

Подкрепившись для новых деяний, Цетличка вновь пустился по улицам и, когда вдоволь насмотрелся на потового

полицейского на перекрестке, отправился в ресторан просить милостыню.

Поскольку шел только двенадцатый час дня, там было мало посетителей. Да и те были еще трезвы и не дали ему ничего. Так Цетличка обошел не менее полдюжины подобных заведений, прежде чем попал в трактир, где оказалось очень шумно.

Снял шляпу и остановился у первого попавшегося столика. Но не успел он сказать, что он бедный бродячий подмастерье, как какой-то толстый господин опустил руку в карман, вынул оттуда шесть жетонов на пиво и обратился к сидящим за соседним столом: «Запишите этого человека!»

— Ваше имя?—спросил Цетличку другой господин рядом.

— Чержовский,— испуганно ответил мошенник.

— Ладно, господин Чержовский, идите в конец зала и обменяйте там жетоны на пиво.

Больше всего Цетличке хотелось удрать, но когда за один жетон он действительно получил пол-литра пива, то успокоился и подсел к остальным, но они толковали о чем-то ему не понятном и пили, как может пить только жаждущий в пустыне.

— Сначала я пошел в охотничьем костюме, в другой раз— в сапогах и в кепке,— рассказывал собравшимся какой-то сухощавый человек,— а комиссия даже внимания не обратила. Там наши люди, понимаешь? Пока только один попался, хромой Мацнера. Нажрался парень, ну и проголосовал два раза подряд, забыв, что его могут заметить из-за его хромоты. А у Виктора перед избирательным участком отклеились накладные усы. Хорошо, что ему какой-то член городской думы сразу же приклеил их в туалете.

— Ну-с, пан Чержовский,— обратился к Цетличке один из присутствующих,— вот вам пальто, удостоверение избирателя, бюллетень и цилиндр. Ступайте. Вот еще три кроны— возьмете извозчика. И сейчас же возвращайтесь— переоденетесь учителем. Пан Павек даст вам парик и очки. Тахлик, проводи этого господина в избирательный участок.

Пан Тахлик взял Цетличку под руку и усадил в пролетку. Потом, когда они подъехали к большому зданию, он провел его по лестнице и, остановившись перед какой-то дверью, сказал: «Пойдете туда и отдадите сначала удостоверение, а потом вот этот бюллетень. Помните, что живете вы на Морани, зовут вас Калоус, служите у Кольбена и что вам тридцать пять лет».

Еще Цетличка-Чержовский-Калоус успел услышать, как рядом неизвестный господин говорил какому-то человеку: «Только не бойтесь, у вас очки, никто и не узнает, что вы здесь были уже два раза. Теперь вас зовут Выскочил».

Пан Тахлик втолкнул Цетличку в комнату, где помещался избирательный участок, и спустился по лестнице вниз.

Цетличка без труда выполнил порученное ему задание и быстро исчез в толпе, ибо всю эту историю считал единственным счастливым случаем в своей жизни.

«Даже и не подумаю возвращать пальто и цилиндр,— говорил он сам себе,— не знаю, правда, о чем у них тут шла речь, но спасибо и за это. По крайней мере честно заработал».

Так в газете «Народни листы» появилось следующее объявление: «Господина, по ошибке присвоившего себе пальто и цилиндр в избирательном участке объединенных народных партий, просят вернуть их обратно, так как фамилия господина известна».

Но Цетличка-Калоус-Чержовский не читает «Народни листы», ибо с тех пор он больше не действует в интересах объединенных народных партий.

Сидит в тюрьме и вспоминает этот удивительный день— девятнадцатое ноября.

Быть может, к нему посадят кое-кого из господ членов городской ратуши, и тогда на их вопрос, за что сидит, он коротко ответит: «Да за Прагу!»

А потом придет и их черед отвечать: «Мы тоже, приятель!»

1913 г.

ЦЕНА СЛАВЫ **(ВЗГЛЯД НА ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА)**

В одной японской сказке говорится, как однажды огромной силы тайфун разметал домики из бамбука, потопил в море рыбацкие лодки, повывывал с корнем массу деревьев в лесу и, любуясь своими делами, начал хвастаться перед горой Фудзияма: «Посмотри-ка, сколько я всего натворил! Полюбуйся на эту уйму разрушений! А сколько всего уничтожено! Несомненно, когда будут обо мне вспоминать, назовут меня — „Великий, славный Тайфун!“»

В древние века жил в Греции человек по имени Эфиальт. Во что бы то ни стало он хотел прославиться, остаться в памяти людей. И чтобы добиться этого, он сжег великолепный храм богини Дианы в Эфесе — одно из семи чудес света*.

Современным психиатрам известен вид душевной болезни — мания величия, которая толкает больных людей на такие поступки, какие человеку в здравом уме и в голову не могут прийти.

Возьмем в руки всеобщую историю человечества и полистаем ее страницы. Мы проходим столетие за столетием и видим, что вся история человечества — это моря крови и что, с точки зрения летописцев, самыми прославленными были те мужи, которые вели больше войн. Я вспоминаю слова нашего учителя истории, который однажды неожиданно сказал нам: «Не знаю, почему я выбрал такую ужасную профессию — каждую неделю два часа подряд рассказывать о непрерывных убийствах людей в древние времена».

Он был прав, этот старый учитель. Хотя в истории человечества есть и радостные моменты, но они не могут перекрыть те страдания, которые пережило человечество, прежде чем смогло написать биографии своих прославленных «героев». Один простой тирольский крестьянин, у которого в битве под Лейпцигом погибло двое сыновей, мобилизованных в наполеоновские войска, правильно назвал в своем письме императора «Великим мясником». Это то самое письмо, которое Наполеон с циничной усмешкой показывал своему маршалу и которое в настоящее время находится в музее Наполеона в Лувре. В словах тирольского крестьянина не только скорбь отца, утратившего сыновей, но и протест против европейской бойни «маленького корсиканца».

Это была цена его славы. Такой же ценой прославились и другие великие мужи. Пути, по которым они двигались, были покрыты трупами, их шаги были отмечены потоками крови. Горизонты за ними окрашивались заревом пожаров, они оставляли истоптанные, опустошенные поля. В дыму пожарищ ставили себе памятники эти эфялты истории.

Таков и взгляд на войну художника Пьера Трителя*. Его картина «Цена славы» — это суровое обвинение истории. В ней чувствуется что-то от Верещагина, что-то близкое к ощущениям этого великого обличителя военного ужаса и страданий.

Нет, эти люди не заслуживают титула славных, великих мужей истории. История чересчур их превозносит.

По тропе войны, окруженные мертвыми телами, идут друг возле друга Рамзес II, Аттила, Ганнибал, Юлий Цезарь, Наполеон, Карл Великий, Тамерлан и Александр Великий. Учебники наполнены их именами. В детские головенки вдавливают названия городов и мест, у которых вели свои кровавые битвы эти сеятели ужасов и страданий. И детишки должны монотонно повторять: было убито двадцать тысяч человек, уничтожено восемь тысяч, погибло сорок тысяч пленных, было истреблено шестьдесят тысяч мирных жителей и т. д. до бесконечности.

Это самая обильная кровавая литература, и, к сожалению, все в ней правда, нет ничего придуманного. У тех миллионов людей, о которых читаем в учебниках истории, действительно последними страшными мгновениями были эти массовые казни.

Бывали времена, когда воюющие стороны не тратили много времени на размышления о том, что делать с пленными. Один из военачальников Валленштейна* рапортовал как-то своему верховному командующему: «Неделю назад я взял в плен тысячу двести шведских рейтаров. Кормить их мне было нечем, поэтому я велел их всех повесить в лесу под Магдебургом. Прошло все это гладко, без особого шума».

А сколько таких рапортов не дошло до историков!

Но всякого рода ужасов хватает и в тех уроках по истории, которые проводятся в школах. Причем не только в мужских, где, согласно старой системе, это следует рассматривать как

элемент педагогический, направленный на воспитание мужества, но и в школах женских. И нежные девичьи головки должны впитывать в себя страшные рассказы о массовых убийствах. И так ведется как в государственных, так и в частных школах и в пансионатах. Человекоубийцы древних и средних веков именуются там прославленными и великими. А вот история развития культуры в большинстве случаев оказывается обойденной.

Сколько шуму, например, было создано вокруг имени Наполеона. Сложилась даже так называемая «наполеоновская литература». Когда же человечество созреет наконец до такой степени, что перестанет греметь мечами и задумается с жалостливой усмешкой над крошечными мозгами тех, кто считал таких людей славными и великими!

Возьмем хотя бы, к примеру, тех полководцев, которые изображены на картине Пьера Трителя «Цена славы», и начнем с египетского фараона Рамзеса. На египетских обелисках он называется «Покорителем мира». Получив в 1300 году до рождения Христа после своего миролюбивого отца трон, он во время так называемого великого похода против эфиопских племен приказал раздавить в Симбельских каменоломнях двенадцать тысяч пленных. Этого ему показалось мало, и он двинулся в поход против Сирии. О его деяниях свидетельствуют надписи на пирамидах: «Я, царь-солнце Рамзес II, приказал заporоть до смерти сто тысяч сирийских рабов, дважды по сто тысяч голов валяется на дорогах до Беритоса».

Нет необходимости распространяться о его дальнейших походах в Аравию... А ведь в истории он назван прославленнейшим фараоном древнего Египта, хотя было в этом государстве немало и таких правителей, которые не воевали, а заботились о процветании своей страны и поощряли культурные начинания своих ученых.

Кисть художника Трителя изобразила также Александра Великого, который приказал именовать себя «Сыном солнца». Это «Солнце» сияло над полумиллионом изуродованных трупов, покрывающих его путь из Греции через Персию в Индию. Рассказывают, что он забавлялся тем, что подбрасывал грудных младенцев в воздух и ловил их, нанизывая на копье. Захваченных в плен он приказывал терзать самыми жестокими пытками, а тем, кто оставался в живых, отсекали по его приказанию руки и выкалывали глаза. Так он поступил с жителями персидского города Мегдама. Своего друга юности, по-видимому такого же зверя, каким был сам, он во время ссоры собственноручно заколол. Историки, желая, вероятно, изобразить его эдаким нежным, чувствительным человеком, отмечают, что, заколов друга, Александр долго рыдал над трупом. Пишут они и о том, что после этого он стал еще более жестоким.

Хроника об Александре Великом была любимейшим чтением в средние века.

А каков был Гай Юлий Цезарь? В четвертом классе гимназии ученики должны знать наизусть: «*Galia divisa est in partes, quarum unam...*» и т. д. Это начало «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря. Целый год на уроках латинского языка ребятам твердят по этой книге об уничтожении гельветов, о кровопролитии у Бибрада, о ликвидации северов, о кровавой бойне среди эдуи, о безжалостном истреблении белгоров и армориков.

Нет, это не чтение для подрастающей молодежи. Книга Юлия Цезаря должна бы скорее находиться в тюремных библиотеках для грабителей и убийц, поскольку автор был не кем иным, как их прославленным коллегой.

Пьер Тритель поместил на своей картине и Ганнибала. Этот карфагенский вождь был очаровательным человеком. Он заворачивал пленных в пропитанную смолой солому, и они служили ему факелами в походах. Иберского правителя Сеиила он приказал медленно варить в уксусе. Со своим войском он уничтожил не менее полутора миллиона человек. Северную и Среднюю Италию — сплошные цветущие сады — он превратил в безжизненные пустыни. И вот молодежь узнает о нем из учебников как о весьма симпатичном человеке.

Вождь гуннов Атила добыл свою славу тем, что с ордою своих диких соплеменников уничтожил и замучил почти все население Панонии за исключением незначительной части, которая расселилась затем в Карпатах и Татрах.

Карл Великий был также одной из этих знаменитостей. Он сжег до двухсот тысяч мавров, мужчин, женщин и детей; истребил полабских славян. О его жестокости свидетельствует, например, данный им приказ утопить в Шельде шесть тысяч саксонцев. И такого человека история окружила нимбом славы!

Пьер Тритель изобразил среди прочих и Тамерлана. Свирепый азиатский властитель ни в чем не отстал от своих европейских коллег. Тимурленг (Тимур-хромец), как его называли, начал свое владычество с того, что поубивал всех своих братьев и родственников. В своей резиденции в Самарканде он мучил захваченных азиатских царьков самым изощренным способом. Всю Среднюю Азию он превратил в один огромный крематорий. Он провел около тридцати пяти страшных военных походов. В 1394 году он добрался до Москвы и расправился с населением самым зверским способом. Он разграбил Индию, уничтожил Багдад, а во владениях султана Баязида всюду сеял ужас и страх. Умер он на пути в Китай, о котором твердил, что там даже червячка не оставит в живых.

Поскольку Тамерлан был азиатом, историки изображают его кровавым извергом, хотя по существу он был ничуть не хуже, чем, например, Наполеон. Этот, правда, не мучил своих пленных непосредственно в центральной Европе. Однако русские историки рассказывают, что во время похода в Россию с

пленными русскими солдатами он не очень-то церемонился. В окрестностях Смоленска он велел развешать по деревьям целый полк захваченных казаков.

Мы все как будто бы знаем, кто такой Наполеон. И все-таки многие люди не очень ясно представляют себе его подлинный облик. Некоторым он кажется воплощением силы и энергии. Но в сердце культурного человека, вспоминающего о миллионах истребленных им людей, о потоках пролитой им крови, о пожарах и страданиях тысяч людей, виновником которых он был, неизбежно возникает чувство глубочайшего сожаления о том, что этот маленький корсиканец вообще появился на свет божий.

С отвращением отворачиваюсь я всегда от его портрета, от этого гнусного позера, гордо стоящего со скрещенными руками. Говорят, что когда он был интернирован на остров Святой Елены, то часто плакал от бессилия, глядя на расстилающийся перед ним безграничный морской простор.

В своей комнате, в одиночестве он рисовал на карте размещение солдат и красным карандашом зачеркивал отдельные кружочки. А каждый такой кружочек означал целый полк. И зачеркивал он их так же спокойно, как раньше спокойно подвергал истреблению целые полки. Но при этом он закусывал губу, глаза его загорались и левая рука нервно подергивалась.

Нет, этот человек не был в здравом уме.

Нельзя считать находящимися в здравом уме также и тех людей, которые такую цену славы возвеличивают.

1913 г.

ВОЙНА В ВОЗДУХЕ

Своим фантастическим романом «Война в воздухе» известный английский романист Г. Уэллс* как бы внушил англичанам страх перед вторжением в воздушное пространство Британии вражеских воздушных кораблей.

И так же, как в свое время осуществилась идея Ж. Верна о подводных лодках, так, по-видимому, дело идет и к осуществлению мысли Уэллса о возможности воздушных боев или же об использовании дирижаблей и аэропланов для уничтожения вражеского флота, бомбардировки наземных укреплений и т. п.

В балканских войнах* сражающиеся стороны использовали аэропланы главным образом для разведки вражеских позиций и значительно меньше — для сбрасывания бомб.

Этот способ шире применяли итальянцы в Триполи, воюя против турецких и арабских войск. Они научили самолет кровавому военному ремеслу — бомбардированию.

Да, именно итальянцы посвятили величайшее культурное завоевание нашего столетия — аэроплан — богу войны Марсу. Вообще-то это было скорее игрой, чем серьезным боем, поскольку

ку ни пилот, ни его помощник не могли взять с собой в воздух много бомб, учитывая опасность перегрузки аппарата.

Кроме того, сбрасывая бомбы с аэроплана, никогда не можешь быть уверен, что они точно попадут в цель. Поэтому использование аэропланов в итало-турецкой войне служило скорее для устрашения суеверных арабских воинов. Но оказалось, что арабы храбро нацеливали свои винтовки на огромных летящих птиц и подстрелили свыше десяти пилотов, чересчур отважно приблизившихся к арабским позициям.

Гораздо больший ущерб, чем относительно мало снабженный взрывчатым материалом аэроплан, может принести огромный управляемый военный дирижабль, который, согласно расчетам немецкого военного специалиста Мейгалла, может захватить с собой до сорока девяти различных взрывчатых веществ. Это относится к немецким военным дирижаблям, которых так боятся вообще-то обычно хладнокровные англичане. Война в воздухе — страшная, неизвестная до сей поры война! Сколько здесь фантастики, можно сказать, уэллсовщины!

Но к сожалению, от фантастики до действительности не так уж далеко. И таинственная воздушная угроза нынче, как черная тень современного варварства, нависла над Англией, окрасив в мрачные тона сознание всего населения островного государства. Туча, застилающая солнце, приносит всегда неприятное ощущение. Но еще более тягостное чувство вызывают эти огромные воздушные корабли, предназначенные затмить в будущем солнце образования, культуры и человечности.

Между прочим, у разговоров о таинственных воздушных кораблях над Англией есть все-таки основание. Ведь черные тени плывут не из Франции, а с равнин старого соперника Англии — из пропитанной военным духом Германии, которая может сейчас похвастаться, что имеет лучшие в мире два флота: воздушный и морской.

Великолепно уловил сложившуюся ситуацию русский сатирик Аверченко, который описал визит одного изобретателя в военное министерство. Изобретатель предложил приобрести у него изобретенный им дирижабль, способный уничтожить целую армию. Миллионная сделка состоялась. Через некоторое время он появился снова, предлагая на этот раз аппарат, способный уничтожить дирижабль. И так как министр начал колебаться, изобретатель пригрозил, что продаст свое изобретение другой державе. Пришлось закупить у него и это изобретение. А через какой-то срок изобретатель появился вновь.

— Ваше превосходительство! — обратился он к министру. — Извините, что осмеливаюсь беспокоить вас опять. Я изобрел прибор для дирижабля, с помощью которого он может уничтожить тот аппарат, что способен был истребить мой дирижабль...

Сегодня, как показывает опыт, этот виток изобретений, касающихся будущей войны в воздухе, уже не является ни фантазией, ни сатирой, а подлинной действительностью.

В Англии действительно лихорадочно бьются над изобретением аппарата, способного уничтожать дирижабли. И речь идет не просто об особым образом сконструированных пушках, которые могут стрелять по вражеским аэропланам. Там даже возник лозунг: «Заминировать воздух!» На первый взгляд это кажется фантастическим. Но согласно идеям командующего военно-воздушными силами английской армии инженера Дж. Т. Симонса, это не так уж сложно сделать. В воздухе над местностью, подверженной угрозе, располагают огромное количество небольших баллонов, снабженных особой чувствительной оболочкой. Но это не просто баллоны, одновременно это и взрывающиеся мины. В оболочке содержится столько взрывчатого вещества, что его вполне хватит для полного уничтожения дирижабля, если он столкнется с баллоном. Если же пилот, вовремя увидев опасность, попытается скрыться, эти баллоны с помощью особых аппаратов выпускают мины, и те достигают удаляющийся воздушный корабль и уничтожают его. Таково это изобретение инженера Симонса.

Однако существует надежда, что, прежде чем будут построены все эти истребительные средства воздушной войны, человечество еще наберется разума.

К сожалению, надежда эта слабая, даже очень слабая.

1913 г.

ПОВЕСТЬ О ПОРТРЕТЕ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА-ИОСИФА I

Господин Петишка держал в Млада-Болеславе писчебумажный магазин. Он уважал законы и с незапамятных времен жил напротив казарм. В день рождения его величества императора, равно как и в остальные высокаторжественные праздники в честь императорской фамилии, Петишка вывешивал на своем домике черно-желтый флаг и поставлял офицерскому казино бумажные фонарики. Он сбывал портреты Франца-Иосифа в еврейские шинки младаболеславского округа и в полицейские участки. Он поставлял бы изображения императора и в школы округа, но портреты не соответствовали размерам, одобренным земским школьным советом. У земского школьного инспектора был даже однажды разговор с Петишкой.

— Весьма сожалею, господин Петишка, но вы хотите всучить нам государя императора намного шире и длиннее, чем это предписано постановлением земского школьного совета от двадцатого октября тысяча восемьсот девяносто первого года. Постановлением предписан государь император более скромных размеров, а именно сорок восемь сантиметров в длину и тридцать шесть сантиметров в ширину. В вашем же императоре пятьдесят сантиметров на сорок. Вы говорите, что у вас осталось на руках свыше двух тысяч портретов нашего всемирно-

стивейшего монарха. Но не воображайте, что вам удастся всучить нам такую заваль. Ваш государь император—это товар отвратительного качества и прескверно отпечатанный. Можно подумать, что его величество никогда не расчесывал себе бороду, на носу у него слишком много красной краски, и, наконец, он косит.

Вернувшись домой, удрученный этим разговором Петишка сказал жене:

— Ну и влипли же мы с престарелым императором...

Все это происходило еще до войны. Короче говоря, две тысячи портретов августейшей особы так и остались висеть на шее у господина Петишки, не находя сбыта.

Когда разразилась война, господин Петишка страшно обрадовался: наконец-то он сбудет с рук эту заваль! Он повесил в своем магазине портреты кровожадного старичка с надписью:

«Продажа по общедоступным ценам!

Император Франц-Иосиф I—за пятнадцать крон».

Было продано шесть штук. Пять купили для казарм, чтобы эти литографированные изображения последнего Габсбурга воодушевляли резервистов в солдатских буфетах. Один портрет купил старый Шимр, владелец табачной лавочки. Этот австрийский патриот сторговал портрет за двенадцать крон и вдобавок обозвал Петишку грабителем.

Однако война шла, а на императора по-прежнему не было спроса, хотя господин Петишка обращался и к газетной рекламе. Он напечатал объявление в газетах «Народни политика» * и «Глас народа» *:

«В нынешние тяжелые времена в каждом чешском доме должен висеть портрет нашего многострадального императора стоимостью в пятнадцать крон».

Но вместо заказов господин Петишка получил приглашение явиться в окружное управление, где ему предложили впредь воздерживаться в объявлениях от слов «тяжелые времена» и «многострадальный», а вместо них, во избежание неприятностей, употреблять слова «славные времена» и «победоносный». Тогда Петишка напечатал в газетах такой текст:

«В эти славные времена в каждом чешском доме должен висеть портрет победоносного монарха стоимостью в пятнадцать крон».

Но и это ни к чему не привело,

Он получил только несколько непристойных писем, в которых неизвестные авторы настоятельно советовали ему повесить портрет в такое место, куда императору полагается ходить пешком. Мало того, Петишку снова вызвали в окружное управление, где чиновник порекомендовал ему следить за сводками императорской ставки и, составляя свои объявления, сообразовываться с ними.

— Русские в Венгрии, они взяли Львов и стоят под Перемышлем*. Все это никак нельзя назвать славными временами, господин Петишка. Это похоже на шутку, насмешку, иронию. Как бы вам за такие объявления не пришлось отвечать перед военным судом!

Господин Петишка пообещал быть внимательнее и составил следующее объявление:

«Пятнадцать крон охотно пожертвует каждый чех, чтобы иметь возможность повесить у себя в доме нашего престарелого монарха».

В местной прессе это объявление печатать отказались.

— Господь с вами,—сказал Петишке один владелец газеты,—не хотите же вы, чтобы нас всех расстреляли!

Петишка вернулся домой вконец расстроенный. В чуланчике за магазином валялись пачки портретов императора. Господин Петишка пнул их ногой и сам испугался своего поступка. Он боязливо поглядел вокруг и успокоился только тогда, когда убедился, что никто этого не видел. Погруженный в свои мысли, он стал смахивать пыль с пачек и обнаружил, что некоторые из них покрылись плесенью. Тут же в чулане сидел черный кот. Нетрудно было догадаться, кто развел эту сырость.

Кот замурлыкал, явно желая отвести от себя подозрения. Тогда господин Петишка швырнул в государственного преступника метлой и заставил его замолчать. Ворвавшись к себе в квартиру, он накинулся на жену:

— Проклятого кота надо вышвырнуть вон! Кто же захочет купить императора, которого загадила эта бессовестная тварь! Император в плесени! Придется его сушить, чтоб ему провалиться!

После обеда господин Петишка немного поспал, пока жена сидела в магазине, но сон не принес ему облегчения. Ему приснилось, что за черным котом пришли жандармы и их обоих ведут под конвоем в военный суд. Потом приснилось, что его с котом приговорили к смертной казни через повешение и кота уже собираются вздернуть, а он, Петишка, в присутствии судьи ругается самыми последними словами. Он и в самом деле дико закричал, но, к счастью, проснулся и увидел возле себя жену.

— Ради бога, перестань, что ты такое говоришь?—взмолилась она.—Кто-нибудь еще услышит...

И расстроенная женщина рассказала, что она пыталась просушить императора в садике, но какие-то стервецы-мальчишки стали швырять в портреты камнями и превратили их в настоящие решета.

Обнаружились и другие убытки. На один из императорских портретов, выставленных на лужок сушиться, уселись куры и оставили на нем содержимое своих желудков, выкрасив бороду императора в зеленый цвет. Два портрета пытался сожрать сенбернар мясника Голечки, неискушенный щенок, никогда не слышавший о §63 Уложения о наказаниях. Видимо, у щенка это

было в крови: его мать год назад угодила на живодерню за то, что сожрала на плацу знамя 36-го полка.

Господин Петишка пришел в отчаяние. Вечером в винном погребке он то и дело заводил разговор об удешевленных ценах и о своих затруднениях с императором; в общем, из его речи следовало, что если венское правительство не доверяет чехам, то только потому, что они не покупают у фирмы «Франтишек Петишка» в Млада-Болеславе портретов монарха стоимостью в пятнадцать крон.

— Не дорожитесь,— сказал ему хозяин погребка на прощание,— нынче плохие времена. Горейшек продает паровую молотилку на триста крон дешевле, чем в прошлом году, то же самое надо сделать и с императором.

Придя домой, господин Петишка заготовил следующий плакат для своей витрины:

«Ввиду экономического кризиса продается большая партия художественно выполненных портретов императора вместо пятнадцати крон по десяти крон за штуку».

Но в магазине было по-прежнему пусто. Знакомый виноторговец поинтересовался, как идут дела с императором.

— Печально,— ответил господин Петишка,— его никто не спрашивает.

— Мой вам совет,— таинственно сказал виноторговец,— пока не поздно, постарайтесь сбыть его по любой цене.

— Подожду еще,— отвечал господин Петишка.

И на портреты продолжал садиться негодный черный кот. Не прошло и полутора лет, как вся кипа портретов императора покрылась плесенью до самого основания. Австрийцы уезжали из Чехии, положение Австрии было из рук вон скверное.

Тогда господин Петишка взял карандаш и бумагу и подсчитал, что разбогатеть он все равно не разбогатеет, но, если продавать императора по две кроны, он все же заработает на каждом экземпляре по кроне.

И он изготовил соответствующую рекламу— вывесил в витрине портрет, написав под ним:

«Продается старец монарх со скидкой: вместо пятнадцати за две кроны».

Вся Млада-Болеслава перебивалась в этот день у магазина Петишки, чтобы убедиться, как катастрофически упали акции габсбургской династии.

А ночью за Петишкой пришли жандармы, и все быстро кончилось. Магазин закрыли, господина Петишку арестовали и судили военным судом за нарушение общественного спокойствия и порядка. Общество ветеранов на чрезвычайном собрании исключило его из числа своих членов.

Господина Петишку приговорили к тринадцати месяцам строгого заключения. Ему следовало бы дать пять лет, но его

участь облегчило то обстоятельство, что он когда-то сражался за Австрию под Кустоццей*. Высочайшие портреты хранятся в депозите военного суда в Терезине и ждут часа своего освобождения, когда после крушения австрийской монархии какой-нибудь предприимчивый бакалейщик станет завертывать в них селетки.

1916 г.

ПО СТОПАМ ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ

I

Случилось это в то время, когда в Прагу опять должен был приехать император Франц-Иосиф с высокой целью постучать молотком о закладной камень строящегося моста. В чешском вопросе старый монарх специализировался исключительно на мостах. Приедет, бывало, постучит по камню и глубокомысленно заметит:

— Интересно, что этот мост идет с одной стороны реки на другую.— Да еще прибавит:— Это меня чешит, что вы техи (вместо: «меня тешит, что вы чехи»).

После такого посещения у всего чешского народа создавалось впечатление, что этот старый господин разбит параличом.

В эти высокаторжественные дни пражская полиция развила свою деятельность в самом широком масштабе и арестовала в ресторане «У Двойки» старого, хромого гармониста Кучеру, который лет 30 назад отправился пешком из Праги в Вену и там при проезде императора бросился под ноги лошадям, везущим императорскую карету. Он надеялся таким способом добиться аудиенции: его преследовала *idée fixe*¹, что он должен получить разрешение торговать в табачной лавке* в награду за то, что итальянская пуля у Кустоццы прострелила ему ногу.

Но вместо табачной лавки ему в административном порядке присудили пять суток ареста, а затем целый месяц исследовали его психическое состояние в одной из венских психиатрических клиник и одновременно вели следствие, нет ли у него переписки с подозрительными лицами, живущими за границей. Когда же выяснилось, что Кучера не умеет писать и психически совершенно здоров, его отправили на пересыльный пункт, а отсюда по этапу— в Прагу, где в память о своей неудавшейся аудиенции у государя императора он сложил песню, исполнявшуюся им под аккомпанемент гармоники:

Город Вена, город Вена,
Плохо мне живется в нем,
То не город, а зверинец,
Просто сумасшедший дом.

¹ Навязчивая идея (франц.).

Эту песенку он наигрывал и пел в течение 30 лет в ресторане «У Двойки», и всякий раз, когда государь император должен был приехать в Прагу, полиция систематически отводила гармониста Кучеру в «предварилровку» при полицейском управлении, так что жизнь Кучеры стала как бы математической формулой, и у него сложилось представление, что Франц-Иосиф его, старика Кучеру, сильно побаивается. Это придавало ему новую жизненную энергию.

Пражская полиция чрезвычайно интересовалась также бродячим фотографом Нетечкой, который слонялся по улицам Праги в старом, поношенном плаще, с большим черным засаленным галстуком и с наводящей страх львиной гривой, выглядывающей из-под шляпы с огромными полями. Своим видом он напоминал албанского разбойника. Этот субъект постоянно таскал с собой старый, разбитый фотографический аппарат, раз сто поломанный, и раз сто перевязанный треножник и бутылку рома. Несколько лет тому назад, во время одного посещения императора, он продрался через цепь и предстал, пугая своим видом, перед самим владыкой, которому во все горло гаркнул: «Разрешите вас снять? Улыбнитесь! Снимаю».

Его немедленно удалили, и в полицейском управлении в одиночной камере понемногу вылетели из его головы грезы о титуле придворного фотографа. Полицейский врач выдал ему прекрасное свидетельство о том, что он врожденный алкоголик и безвредный идиот. Это дало право Нетечке опять вернуться в общество, бродить по Праге, фотографировать старые дворцы и пить ром у памятников нашей былой славы. Но во время высочайших приездов в Прагу Нетечка неизменно отправлялся за решетку, скромно докладывая там о своем приключении товарищам по несчастью:

— Он не хочет, чтобы его фотографировали.

Перед посещением Праги императором арестные камеры полицейского управления систематически были переполнены. Полиция особенно не выбирала. Арестовывала, например, всех точильщиков ножей, избравших себе такое глупое ремесло, словно ножи точили только на одного государя императора.

С окон, выходящих на улицу, должны были быть убраны цветочные горшки, чтобы они как-нибудь не свалились государю императору на голову.

За итальянским мороженщиком, который безмятежно вертел ручку мороженицы, также пришли сыщики и посадили его за решетку, где на нарах уже лежал извозчик Мацек, который был несколько лет под надзором полиции за то, что, выиграв как-то в лотерею в пивной «У Черного пивовара» глиняный бюст императора Франца-Иосифа I, потчевал его пивом, пускаясь с ним в беседу и, наконец, отбил ему голову и выкинул ее в отделение «для мужчин». Правда, он доказал, что был пьян так, как это полагалось по закону*; однако все же был взят под подозрение, как и горластая цветочница с Угольного рынка,

которая перед каждым высочайшим посещением Праги кричала, что она государю императору скажет прямо в лицо, как с ней обращается магистрат.

В эти дни у полиции работы было по горло. Она из сил выбивалась, чтобы на деле дать почувствовать населению смысл выражения «любимый владыка».

С одним из императорских посещений Праги связана и эта интереснейшая детективная история, прекрасно показывающая изобретательность полиции, ее комбинации и, наконец, ее неудачу.

II

В эти достопамятные дни в Жижкове выходили газеты «Худяс»* и «Нова Омладина». Оба названия определяли их направление. Я писал тогда в эти газеты статьи, в которых высмеивал некоторые из досточтимых государственных учреждений, и часто забегал в редакцию побеседовать с издателем — редактором Кнотеком, который ныне редактирует «Остравский деник»*.

В этот приезд император должен был посетить, между прочим, и Жижков. По моему мнению, он был намерен усмирить жижковцев, которые никогда не проявляли больших симпатий к Габсбургскому дому. Однажды, когда мы разговаривали на эту тему с редактором Кнотеком в его квартире, в комнату вошел администратор газеты «Худяс» Калина в сопровождении какого-то мрачного господина.

— Друзья,— сказал Калина восторженно,— этот господин пришел к нам в редакцию. Я никак не могу с ним договориться. Он итальянец и приехал из России.

Мрачный гость подошел к нам ближе, предварительно внимательно осмотревшись по сторонам. И начал ледяным тоном:

— Я Пьетро Перри, дитя Флоренции. Политическую работу вел в Одессе. Бежал. Преследовала полиция. *Saramba*¹. Трудная дорога через границу! *Poco maladetto!*² Прошу гостеприимства. Буду работать. Приедет император, *poco maladetto!*

— Веселенькая историйка,— сказал я редактору Кнотеку,— этак, пожалуй, нас всех арестуют.

— *Saramba!* — продолжал Пьетро Перри.— Написал в вашу газету резкую статью против императора, по-немецки написал, *madonna mia!* Необходимо что-нибудь предпринять. Подготавлиете что-нибудь? Не доверяете? *Madonna mia!* Документы на границе украли.

Редактор Кнотек между тем заметил мне, что итальянский

¹ Восклицание, выражающее удивление, досаду и пр. Соответствует русскому «Черт возьми!» (исп.).

² Проклятая свинья! (итал.).

язык Пьетро Перри немного странен, на что Пьетро Перри ответил:

— Забыл много по-итальянски. Жил в России, бежал, rogco *maladetto!*

— Говорите ли вы по-русски?

— Забыл. Итальянец, дитя Флоренции, *saramba!* — И Пьетро Перри начал говорить по-немецки.

Тем временем к нам вошли двое знакомых — поэт Опоченский и Розенцвейг-Муар*.

Немецкий язык Пьетро Перри походил на его итальянский язык и был страшно близок чешскому, как будто он слово за словом переводил с него.

— Простите, — отозвался Пьетро Перри, когда я об этом заговорил с Муаром, — чешского языка не знаю. Ни слова не понимаю. Трудный язык, не имел случая научиться ему.

Опоченский начал напевать по-чешски песенку «Миллион рук», и Пьетро Перри заметил:

— Хорошая песня, *saramba, Million Hände im Dunkeln falteten, Madonna mia.*

Я встал, поднял чашку с чаем и произнес по-чешски следующий тост:

— Да здравствует Пьетро Перри! В половине шестого затащим его в ванну и там зарежем.

Пьетро Перри побледнел, вытащил из кармана часы и, трясая всем телом, заикаясь, сказал по-немецки:

— Не чувствую себя здесь в безопасности. Мне плохо. Уйду. Буду спать на улице. — И взял шляпу.

Я обратился к нему:

— Пьетро Перри, наш друг Розенцвейг-Муар будет вас сопровождать. Вы переночуете у него на Виноградах. Не знаю, почему вам здесь не нравится. Я провожу вас до Жижкова.

Мы пошли. На лестнице, вынимая из кармана платок, Пьетро Перри уронил несколько револьверных патронов. Я подал их ему, заметив, что это патроны от Бульдога, калибра 16.

— Револьвер у меня хороший, — сказал Пьетро Перри, вынимая из кармана старый револьвер системы Лефош.

Запугать нас ему не удалось: патроны Бульдога не влезают в револьвер Лефош. Между Жижковым и Виноградами я сказал Муару, что оставляю Пьетро Перри на его попечение.

— Понимаю, — сказал Пьетро Перри. — Не понимаю по-чешски, но чувствую. — И вытер со лба пот.

*

На другой день Розенцвейг-Муар пришел в редакцию «Худяса» в явно возбужденном состоянии.

— Пьетро Перри из моей квартиры исчез,—заявил он взволнованно,—я пошел за сигаретами, и, когда вернулся, Пьетро Перри смылся. Мои бумаги на столе были все перерыты, и у меня пропала связка писем, переписка с пани Мличковой.

Это была очень серьезная переписка: пани Мличкова в двенадцати письмах напоминала Муару об уплате за ужины, сапожный крем, сломанный цилиндр и исчезнувшую плевательницу.

Итак, Пьетро Перри скрылся с этими документами, оставив после себя только рукопись своей статьи на ужасном немецком языке, которую он за день перед тем послал в редакцию. Одну фразу из этой рукописи я помню: «Лучше всего было бы использовать посещение императора так, чтобы он уже больше никогда не отваживался приезжать в Прагу».

Часть рукописи, невинную, спрятал у себя администратор Калина, другую же, за которую нам вкатили бы по 20 лет, мы вовремя сожгли: вечером в редакцию пришел с обыском полицейский чиновник. Обыск не дал никаких результатов, несмотря на то, что была обыскана даже клетка с канарейкой.

III

Через два дня после всего происшедшего в редакцию «Худяса» и «Новой Омладины» явился какой-то несчастный человек. Его голова была так устрашающе перевязана, как будто ее раздробил паровой молот. Видны были только один глаз и кончик носа. Никогда я не встречал так идеально перевязанной головы. Несчастный человек сказал тихим голосом, что прибыл из Северной Чехии, где вел политическую работу среди чешских шахтеров. Он рассказал нам о своих страданиях: в Брухе его избili немецкие националисты; ему необходима наша помощь. У него украли документы на имя Матейичка. Он пришел с просьбой, чтобы ему подыскали какое-нибудь место, ему—жертве жестокого насилия со стороны немцев. Согласен он на все.

— Скоро приедет Франц-Иосиф,—произнес он многозначительно. И дальше заговорил о том, что необходимо будет выступить, что он готов работать даже слугой в редакции наших газет или разносчиком газет—словом, он в полном нашем распоряжении. И тут же, жалуясь, что голова его совершенно разбита, пожимал нам руки.

Я обратил внимание на то, что у этого несчастного молодого человека с разбитой головой руки совершенно холодные. У человека с разбитой головой обычно бывает жар. К тому же его голос и странное поведение... Я отвел в сторону редактора Кнотека и попросил его, чтобы он дал несчастному 10 крон в качестве аванса в счет будущей работы как продавца газеты, но

чтобы тот своей подписью подтвердил нам получение этих денег, так как нам нужно знать его почерк.

Несчастный подписал: «Сим удостоверяю, что получил десять крон. Миржечка».

— Вы, насколько помнится, раньше говорили, что ваша фамилия Матейичек?

Он, запинаясь, ответил, что у него украли документы.

— И поэтому вы не знаете своей фамилии?—сказал я.— Вполне естественно! А знаете ли, что почерк ваш нам знаком? Калина, стащи-ка у него с головы повязку!

Когда Калина, после упорного сопротивления несчастного, сдернул с его головы бинты, перед нами предстал Пьетро Перри! Он упал перед нами на колени. Мы принялись выкручивать ему пальцы и ломать руки, допытываясь, как его зовут на самом деле. Действовали мы по всем правилам испанской инквизиции.

— Меня зовут Александр Машек,—выдал из себя мученик.—Я служу в полиции. Не убивайте меня, я вам все расскажу. В кармане пальто вы найдете у меня бумажку с рецептом, как делать бомбы. Эту бумажку я должен был куда-нибудь незаметно засунуть. Вечером у вас будет опять обыск, и ее должны были бы найти. Я получаю в месяц 190 крон, а за вас должен получить 300 крон.

Александр Машек, столп пражской тайной полиции, заплакал.

— Кто вам обвязал голову?

— Доктор Прокоп в полицейском управлении.

Чтобы убедиться, что его фамилия действительно Машек, Муар пошел расследовать это в полицейское управление. Вошел спокойно в комнату, где собираются сыщики, и спросил, там ли Машек.

— Машек ушел в Жижков, на Таборитскую улицу,—ответил какой-то господин, отличавшийся, как видно, редкой проникательностью.

Когда Муар вернулся, мы отпустили измученного Машека, который сам себе не верил, что остался в живых.

Он потребовал от нас подтверждения, что его разоблачили, чтобы его больше к нам в Жижков не посылали. Это подтверждение мы ему выдали.

Бумага гласила:

«Полицейскому управлению.

Подтверждаем, по просьбе Александра Машека, агента государственной полиции, что он был нами опознан, во-первых, в качестве Пьетро Перри и, во-вторых, в качестве уволенного со службы притесняемого чешского рабочего Матейичка-Миржечки» (затем следовали подписи).

С тех пор полиция оставила нас в покое.

IV

Александр Машек был замешан также в антимилитаристском процессе. Однажды его узнали на Гибернской улице в Праге и так избили, что пришлось отвезти в больницу.

Полиция распространила слух, что Александр Машек умер где-то в Ичине и что какая-то монашенка закрыла ему глаза.

Однако Александр Машек жив и находится в настоящее время в России, где очень интересуется чешским вопросом. Я слышал, что он арестован и должен быть повешен.

Если он действительно будет повешен, возлагаю этот рассказ на его могилу.

1916 г.

Публицист, боец, комиссар



Переломные этапы творческой биографии Я. Гашека совпали с эпохальными событиями мировой истории. Звездным часом писателя и публициста стал Великий Октябрь. Произведения Гашека 1918—1920 годов — это образец боевой, революционной публицистики.

Владея богатейшей палитрой журналистских жанров, Гашек-интернационалист пишет фельетоны, очерки, статьи, рассказы на злобу дня для красноармейской печати. Он отстаивает великие идеалы, за которые сражается Страна Советов, разоблачает антинародную сущность российской и международной буржуазии. Гашек развенчивает политику Чехословацкого Национального совета во главе с Т. Г. Масариком, вскрывает контрреволюционный характер политического курса командования чехословацкого корпуса, сформированного в годы первой мировой войны из чехов и словаков. Публицист Гашек безжалостно высмеивает обывателей, спекулянтов, паникеров, провокаторов. Его острое сатирическое перо рисует портреты и купца-стяжателя, и попа, и бюрократа, и саботажника — врагов новой власти.

Гашек пишет листовки, страстно призывающие рядовых чехословацких легионеров, втянутых в антисоветскую авантюру буржуазными националистами и империалистами Антанты, вступать в Красную Армию, становиться в ряды борцов за социалистическую революцию в России.

Многие из этих публикаций написаны Ярославом Гашеком на русском языке. Читатель великодушно простит автору некоторые погрешности стиля, те или иные неточности русского правописания и орфографии.

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУА

Говорят, что большевики заняли Казань. Наш владыка Андрей приказал соблюдать трехмесячный пост. Завтра будем

кушать три раза в день картошку с конопляным маслом. Чешский офицер Паличка, который у нас на квартире, взял у меня займы две тысячи рублей. Да здравствует Учредительное собрание!*

Болтовня о взятии Казани красными действительно отличается от прежней именно тем, что у нее есть известная объективная почва. Наши очистили Казань потому, что, как секретно сообщил мне чешский офицер Паличка, в Казань прибыло два миллиона германских солдат. Со всех купцов и купчих, которые попали в Казани в плен красным, содрали шкуру и печатают на ней приказы Чрезвычайной следственной комиссии. Говорят, что придут беженцы из Казани. Надо спрятать сахар из магазина, чтобы немножко повысить цену. У нашей братии из Казани денег много. Да здравствует Учредительное собрание!

Говорят, что большевиками занят Симбирск. Наши взорвали мост через Волгу. При постройке этого моста дядя мой заработал пятьсот тысяч рублей. Чешские офицеры говорят, что падение Симбирска—ерунда и что все—в стратегическом плане. Офицер Паличка украл у меня золотой портсигар. Да здравствует Учредительное собрание!

Сегодня прибыла в Уфу первая партия беженцев из Казани и Симбирска. По дороге их по ошибке раздели оренбургские казаки. Была торжественная встреча. Я выпил две бутылки коньяка и написал заявление на дворника, что он большевик. Дворника отправили в тюрьму.

В газетах напечатано, что большевики в Симбирске отняли у всех богачей детей и отдали их на воспитание китайцам. Во всех церквах молитвы. Владыка просит всех православных христиан строго соблюдать пост, так как большевики продвигаются на Самару.

Скушал вчера немного ветчины, а вечером пришла телеграмма, что пала Самара. Одного члена комитета Учредительного собрания отправили в сумасшедший дом прямо из Общественного клуба, где он говорил, что падение Самары—чепуха. Беженцы прибывают. Рассказывают, что большевики всех поголовно режут, а головы буржуев нагружают на специальные поезда и отправляют в Москву, где их бальзамируют и хранят в кладовых в Кремле.

Один штабс-капитан рассказывал вчера в Дворянском собрании, что большевики обливают буржуев кипятком, из жен и детей жарят рубленые котлеты, которыми кормят в тюрьмах правых эсеров и кадетов. Купцов обливают керосином и употребляют в таком виде для освещения занятых ими городов. Аристократов и фабрикантов раздевают, варят в специальных машинах, прибавляют обрезанные косы убитых жен аристократов и фабрикуют из этого валенки для Красной Армии.

Вчера опять отправили в сумасшедший дом одного из

правых эсеров. Звал на базаре баб идти громить Москву и записываться в Русско-чешский полк. Мой офицер Паличка взял у меня займы еще две тысячи рублей, которые обещал вернуть в тот момент, когда Народная армия* возьмет обратно Казань. Думаю, что этих денег никогда не увижу.

Наши отступили от Бугульмы. Нет никакого сомнения, что это только стратегический маневр и что это ничего не значит. Это очень маленький городок. Газеты пишут, что с нами идут Англия, Франция, Япония и Америка. Сам Вильсон* придет в Уфу. Против этого Бугульма—ерунда. Французский консул уже выехал из Уфы. Наверно, едет навстречу Вильсону. Да здравствует Учредительное собрание!

Вчера я читал в газетах, что ради освобождения России от большевиков и ее пробуждения к новой жизни надо эвакуировать Уфу. Сегодня на Центральной улице увидел настоящего француза с отмороженными ушами. Он продавал в кофейне по два рубля открытки со своей фотографией и подписью: «Капитан Легале». Братья чехословаки отдыхают немножко от побед и торгуют на базаре спичками, сигарами, папиросами и самогонкой.

Последний эшелон чехословаков исчез из Уфы. Мой квартирант взял с собой мои часы, дочь и шесть тысяч рублей, которые нашел в письменном столе. Наздар!

Адмирал Колчак* издал приказ об аресте всех учредителей. При таких условиях я пришел к убеждению, что Учредительное собрание, так сказать, игрушка. Я потерял с этим Учредительным собранием дочь, двадцать тысяч рублей, золотой портсигар, часы, и вместо этого у меня на руках какие-то векселя. Обманули нашего брата. Да здравствует адмирал Колчак!

Карательный отряд колчаковцев реквизирует у меня пару лошадей, двадцать пудов сахару, сто ящиков спичек и взял в солдаты моих приказчиков. Большевики заняли Чишму. Из французов остались в Уфе только два молодца, которые выступают в цирке. Нашего владыку видали на вокзале у коменданта станции. Он очень интересовался, когда идет поезд на Челябинск. Мне тоже надо сходить на вокзал.

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

ТРАГЕДИЯ ОДНОГО ПОПА

Жил-был в Уфимской губернии один поп. Звали его Николаем Петровичем Гуляевым.

Это был истинный русский человек, который в старое время за неимением евреев в его селе ездил на погромы в Самару и Воронеж.

Когда пришел переворот, Николай Петрович Гуляев очень испугался, что ему перестанут носить деньги, и поэтому везде говорил, что человеческая свобода должна руководствоваться нравственным законом, а этим законом для деятельности российской революции должна быть воля божья. Этим нравственным идеалом должны руководить священники—приказчики господа, а поэтому вся революция должна быть в поповских руках.

К сожалению, большевики держатся несколько другого мнения и думают про попов, что они мошенники, так что Николаю Петровичу пришлось еще больше перепугаться, услышав, что церковь и Советская республика не имеют ничего общего и что его доходы от государства кончились.

Когда пришла эра власти учредиловцев, это была радуга в жизни испуганного Николая Петровича Гуляева.

В проповедях в церкви он объявил народу, что Учредительное собрание есть непосредственное творение божье, совершенно отличное от всех окружающих его тварей.

Перед сотворением Учредительного собрания бог держал совет с самим собою, и оно получило благословение господствовать над Уфимской губернией.

— Только,—говорил Гуляев в церкви,—смотрите, чтобы большевики не вернулись. Поэтому молитесь и давайте на молитву, так как теперь все дорого, и вы должны больше платить за молитву ради вашего спасения и искупления—такова воля божья.

Малая молитва—10 рублей, большая—20. Эта цена предусмотрена богом, который в несокрушимой твердости над большевиками повысил цены на все продукты.

И случилось так, что Николай Петрович копил денежки, чувствуя большую благодарность к Учредительному собранию, которое защищало его доходы перед большевиками, помаленьку менял старые, царские деньги и керенки на краткосрочные обязательства с подписями членов совета ведомства учредиловцев и на длинные грустные векселя.

В один хороший день пришла катастрофа в форме телеграммы следующего содержания:

«Священнику Николаю Петровичу Гуляеву. Так как Учредительное собрание разогнано и члены арестованы, приказываем вам немедленно прекратить молитвы в пользу Учредительного собрания и ввести молитвы за адмирала Колчака».

Получив телеграмму, Николай Петрович посмотрел в ужасе.

на пачку краткосрочных обязательств всероссийского Временного правительства, приказал звонить в колокола и, когда собрался народ, сказал необыкновенным голосом следующую речь:

— Было время, когда весь человеческий род, кроме семейства праведного Ноя, по определению божию, потопом был истреблен, потому что люди потеряли веру в Колчака и сочувствовали большевикам и Советской власти. И потому бог сказал об этих людях: «Не вечно духу моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они большевики. Православно-христианское учение состоит в следующем: адмирал Колчак есть один по существу, но троичен в лицах, а именно: адмирал Колчак—бог-отец, бог-сын—генерал Войцеховский*, и дух святой—английский посол Колдран. Ура, ура, ура!»

Сказав эти слова, Николай Петрович выбежал из церкви. Когда его догнал церковный староста у леса, Николай Петрович укусил его с криком: «Ура Колчак!»

*

Николай Петрович Гуляев находится в настоящее время в Уфимской психиатрической клинике в камере № 6. Таскает с собой по камере какие-то бумажки и кричит: «Краткосрочное обязательство. Председатель совета управляющих ведомствами Филипповский. Члены совета: Нестеров, Рудка, Климушкин, Баев; главноуполномоченный всероссийского Временного правительства Знаменский. Вечная память, вечная память!»

В это время приходит всегда в камеру надзиратель и уводит Николая Петровича Гуляева под холодный душ.

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

ЛИКУЮЩИЙ ЗВЕРЬ

Ликующий зверь—это кровожадная буржуазия и социал-предатели, убившие великих вождей всемирной революции Карла Либкнехта и Розу Люксембург, это капиталистические насильники, которые пошли на нас не только войной, но и убийством из-за угла.

Выстрелы, попавшие в спину Карла Либкнехта, стали сигналом. Настал час последней великой войны—войны пролетариата против буржуазии и социал-предателей всех государств.

На нас, современников этого величайшего в мире исторического переворота, выпала славная доля идти убивать, уничтожать “Bestiam triumphans”, ликующего зверя—буржуазию.

Военно-революционное наступление пролетариата на всех

фронтах, во всех государствах с целью завоевания государственной власти—это лозунг наших дней.

Но это удастся только через группы буржуазии и социал-предателей.

Каждый из нас должен помнить, что эта борьба должна быть беспощадна и что наш долг участвовать в этой борьбе за победу рабоче-крестьянской революции во всех государствах, где против диктатуры пролетариата восстала буржуазия, малосознательное, темное мещанство, эксплуататоры, мелкобуржуазные элементы и социал-предатели. Это все ликующий зверь, который, прежде чем издохнет, хочет истребить в последний раз еще много борцов за свободу.

Поэтому буржуазия, прежде чем сама погибла, расстреляла Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

Это последняя вспышка. Недалек день, когда везде в Европе и во всем мире будут предательские и соглашательские правительства уничтожены и восторжествует власть трудящихся над капиталистами, помещиками, кулаками, банкирами.

Это власть—советская, неограниченная диктатура пролетариата. На место власти соглашательской, поддерживавшей выгоды буржуазии, в Красной Европе, в Германии, в Австрии, в Венгрии, в Чехии, в Италии, в Югославии, во Франции и в Англии будет только одна власть—власть рабочего и крестьянина, власть бедноты, живущей собственным трудом. Пусть вся Европа будет залита кровью буржуазии и социал-предателей. Это наш ответ *Bestiam triumphans* на убийство Карла и Розы.

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

УФИМСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ

Уфимский купец Иван Иванович не убежал из города с другими буржуями, но остался на своем наблюдательном пункте, в лавке, с определенной целью—заниматься по приходе советских войск спекуляцией и провокацией.

Одним из важнейших свойств, отличающих купца Ивана Ивановича от других животных, является дар речи, дар слова.

Иван Иванович пользуется в самом широком смысле этим свойством и злоупотребляет свободой слова при каждой возможности.

Его дар слова имеет в уфимской жизни громадное значение.

Этот дар не касается того, что он говорит дома, в семейном кругу, а лишь того, что говорит он как гражданин в общественном месте, на базаре, в чайных, в кофейных, у парикмахера и в своей лавке.

Он действует так, чтобы было незаметно, что он сам

провокатор, распространяющий ложные слухи с намерением внести панику или образовать новые контрреволюционные элементы и врагов Советской власти.

Он никогда не скажет прямо: «Я узнал то и то». Он говорит, что «это слышал», что «это где-то читал».

Он остался в Уфе, чтобы по возможности побольше учинить вреда Советской власти, и действует через публику.

Он идет на базар и разговаривает с торговцами с видом человека, интересующегося капустой, мукой, мясом, салом.

— Вот,—говорит он, осматривая поросенка,— Бугульму взяли белые обратно, и поэтому запрещен выезд в Симбирск.

Он знает психологию базарных торговцев, этой темной массы мелкой буржуазии и деревенских кулаков, которые верят всем идиотским слухам, если только в них есть кое-что неприятное для Советской власти.

— Слава тебе, господи,—скажет какая-нибудь старушка, прислушиваясь, и бежит домой, чтобы в кругу темных баб, как попугай, дальше распространять идиотские, провокаторские мысли Ивана Ивановича.

Иван Иванович идет к парикмахеру.

— Сегодня ночью,—сообщает он тихим голосом,— был хороший мороз.

После этой невинной увертюры продолжает:

— Интересно, как далеко за таким морозом слышно стрельбу орудий. Так близко было слышно стрельбу, что сразу подумал, что белые не дальше пятнадцати верст от города.

Иван Иванович хорошо знает, что у парикмахера ждет своей очереди такой же враг Советской власти, как он, купец Захаров, который обязательно своим знакомым скажет: «Наши пятнадцать верст от Уфы» — и потом прибавляет равнодушно:

— Сегодня привезли много раненых.

Исполнив в парикмахерской свою провокаторскую задачу, Иван Иванович идет в кофейную. Знает, что там сидят и болтают бывшие буржуа, у которых предприятия взяты на учет.

Этим приносит большую новость: «Дутов * взял Казань и Москву! Петроград занят союзниками».

Все знают, что это идиотство, но все-таки на них действует эта глупая болтовня очень приятно.

Иван Иванович с невозмутимым видом продолжает, что Дутов арестовал Совет народных комиссаров, что он это слышал на вокзале.

Все опять знают, что Дутов разбит под Оренбургом, но это им не мешает распространять все эти провокационные слухи по городу, в среде врагов Советской власти.

Вы слышите сегодня, что занят Бирск, завтра Стерлитамак, и не знаете: или смеяться над идиотами, или взять револьвер и пустить им пулю в лоб.

Это последнее, по-моему, есть самое лучшее средство борьбы с провокаторами.

Во время Французской революции провокаторов не гильотинировали, а вешали.

Ввиду того, что веревка у нас отменена, предлагаю всех этих провокаторов Иван Ивановичей на месте расстреливать.

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ПРОЛЕТАРИАТА

В дни великой пролетарской революции родился вопрос о вооруженных силах пролетариата для борьбы с вооруженной буржуазией. Открытая гражданская война класса против класса выделила из масс восставшего пролетариата Красную Армию.

Она есть щит свободы пролетариата, его независимости и страх для всех врагов Советской власти.

Пролетариат слился с Красной Армией в один живой организм, она ведет его к желанной цели, к его диктатуре, к решению боевой задачи интернационала и к окончательной победе над империализмом.

Красная Армия—это вооруженный народ, который выступает на всемирное поле битвы, чтобы сломить буржуазию, сокрушить контрреволюцию и ввести врасплох империалистических хищников.

Историческое прошлое, в котором пролетариат испытал на себе гнет буржуазии и империализма, пробудило его к наступлению на своих врагов.

Оно пробудило в нем стремление к завоеванию его диктатуры.

Мы знаем две эпохи в истории, когда рабочий и крестьянин к рукам привинтили штыки.

Первая эпоха—это когда их гнали на всемирную бойню, чтобы для буржуазии своей страны завоевать чужие рынки.

Им приказывали палачи взять винтовку в руки ради промышленной конкуренции фабрикантов.

Вторая эпоха—это когда рабочий и крестьянин взяли винтовку, чтобы освободить себя от палачей. Они создали Красную Армию, боевой аппарат для защиты пролетариата всего мира.

Винтовка в руках рабочего и крестьянина—это его честь.

Красная Армия—это великое орудие гражданской войны.

Сздав крепкую Красную Армию, Российская Советская Республика сокрушает теперь не только буржуазно-помещичью контрреволюцию, но и дает отпор натиску империалистов, защищая тем всемирную революцию.

Красная Армия есть щит революционного пролетариата в других странах.

Крепкая Красная Армия здесь есть крепость всемирного революционного фронта. Империалистические хищники, контр-революционеры и социал-предатели со страхом смотрят, когда из этой крепости двинутся массы вооруженного пролетариата на помощь революционному пролетариату в других странах.

Тысячи иностранных рабочих и крестьян сражаются уже в рядах Красной Армии. Обязанность наша, всех иностранных коммунистов — формировать новые и новые кадры для подкрепления рядов Красной Армии.

Вы, иностранные рабочие и крестьяне, должны быть вооружены и должны быть готовы к борьбе с контрреволюцией и социал-предателями в своих странах.

Вступайте немедленно в Красную Армию и сплотитесь с русскими товарищами ради служения общему делу — защиты пролетарской диктатуры.

Вы, иностранные красноармейцы, будете надежным оплотом победы пролетариата над буржуазией во всех государствах.

Да здравствует Красная Армия и ее страшные штыки!

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

ТВОРЧЕСТВО ЭСЕРОВ

Анализируя всю эсеровскую литературу, приходишь к выводу, что они все свои дешевые диссертации и ненужные проекты писали от скуки.

Творчество эсеров стало синонимом нелепости и безумия. Только эсеры могли говорить в своих брошюрах такой вздор, потому что человек обыкновенно говорит глупости, когда сам знает, что неправ.

Эсеры — «люди грустного подвига» — ставили себя в центре мира, который представляли себе, как огромное Учредительное собрание.

Какой-то Б.К. в газете «Армия и народ»* ставит эсерам на голову сверхчеловеческий ореол и поет: «Большевики погибнут, а нам нет конца».

В среде эсеровских писателей было вообще очень мало людей, сознающих неминуемую катастрофу, которые бы запели «Голова ты моя удаля, долго ль буду тебя носить», как запел один сознательный офицер-эсер из русско-чешского полка в «Уфимском вестнике»*.

Несмотря на это, большинство эсеров не отказалось бы от обожествления партии, а какой-то Зазыков в том же «Вестнике» пишет: «Я хорошо знаю, что нет ни одного рабочего и

крестьянина в России, который бы не считал правильной нашу политику, которая есть благовест для всего мира и величественный и торжественный манифест».

Чаще бред в эсеровской литературе касается директив, данных ЦК соц.-рев. для работы среди широких масс.

Так, в брошюре «Товарищам, работающим в деревне» обращается внимание агитаторов на целый ряд ложных, провокаторских слухов, которыми следует воспользоваться в деревне при общей критике большевизма.

«Надо сказать крестьянству,—пишут эсеры в этой брошюре,— что на почве раздела земли явится неизбежное междоусобие в деревнях и усилится анархия. В таком направлении нужно ставить в деревне аграрный вопрос в связи с большевизмом.

При разборе в деревнях рабочей политики большевиков необходимо указывать, что большевики закрыли все фабрики. Но если вам не будут верить, если вблизи работают фабрики, можно сказать так, что большевиками введенный рабочий контроль уничтожил русскую промышленность».

Эсеровские фокусники и шарлатаны, собрав таким образом симпатии всех кулаков и фабрикантов, с каким-то игнорированием всякой разумной критики обращаются в другой брошюре «ко всем членам партии, работникам профессионального движения, рабочим организациям», умоляя их, чтобы они не были организациями революционными.

Эсеровские фокусники протестуют против объявленного большевиками обязательного участия всех рабочих в профессиональных союзах.

В этой брошюре они называют себя красиво: «Инициативное меньшинство пионеров профессионализма».

Психиатр бы именовал это так: «Слово, потеряв связь с реальным миром, теряет и логическую связь последнего. Мы тогда получаем речевую запутанность».

Такую речевую запутанность видим мы и в брошюре Е. М. Тимофеева «Пути к миру», где он пишет: «Брест-литовский мир* есть извращение природы этой революции. Брест-литовский мир может уничтожить только Учредительное собрание. Кампания за демократический мир требует и борьбы за Учредительное собрание».

В конце брошюры красуется лозунг, что «соц.-рев. нужно восстановить связь с коалицией Согласия».

Эту связь наконец им удалось восстановить. Коалиция дала денежные суммы адмиралу Колчаку, который повесил нескольких членов Учредительного собрания и веревкой указал им путь к борьбе за определенную линию мировой политики.

А так, в общем, эсеровская литература принадлежит истории.

Учредилка эсеров не пережила морскую бурю. Спаслось несколько человек, которые совсем голые вылезли на берег,

пали на колени и сказали: «Боже, не позволяй мне больше осуждать, чего я не знаю и не понимаю».

И, стуча зубами от холода, пошли согреться к большевикам.

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

ОБ УФИМСКОМ РАЗБОЙНИКЕ, ЛАВОЧНИКЕ БУЛАКУЛИНЕ

Есть разбойники, которые действуют топором, обухом. Лавочник Булакулин действовал спекуляцией, и никто из разбойников не относился так легко и насмешливо к своим жертвам, как он.

На базаре платишь за пуд картофеля шесть рублей, а у него за фунт — один рубль пятьдесят копеек. Смотришь с ужасом на картофель и думаешь, что вот-вот он скажет своей жене насчет тебя: «Гляди-ка на мерзавца, точно сгорает страстью к картошке».

В своей лавке он является деспотом. Покупатель в его глазах дрянь, а он, смотря на испуганную бакалейную публику, говорит: «Тяжело мне возиться с этой сволочью».

А вечером, считая кассу, все эти драные рубли, марки, пятерки, купоны и грязные керенки, которые обобрал он с рабочего народа, вздыхает: «Ах ты, работа моя неблагодарная», и в это время у него лицо убийцы, не понимающего своего преступления.

Но в лавке его капризам нет конца.

— Не до гляденья тут, коли купить не хочешь, — говорит он старушке, которая не может встать с места, потому что он ей сказал, что фунт постного конопляного масла стоит сорок рублей. — Зачем стонешь, родить, что ли, собираешься?

— Да разве вы не слышали, — обращается он к публике, — что теперь в Москве фунт стоит сто рублей?

Все знают, что толстый разбойник врет, но их участь в его руках.

Ошеломленные, они ждут, что скажет он дальше. Старушка собирается прийти в чувство.

— Берите по сорок рублей фунт конопляного масла, — слышен тихий голос кровопийцы, — не то завтра будет сорок восемь рублей.

— Это спекуляция, — сказал кто-то.

— Не мурлыкай, братец мой. Какая тут спекуляция? Морозы страшные, каких Уфа не видела, гражданская война, и если захочу, и пятьдесят два рубля за фунт заплатишь. Наше дело купеческое, маленькое. Ты нам деньги, мы тебе товар.

— Тридцать рублей даю за фунт,—говорит несмелым голосом кто-то из публики, как бы опасаясь, что за это слово поведут на плаху.

— Издевайся,—отвечает лавочник Булакулин,—тридцать рублей за фунт конопляного масла! Уничтожить меня хотите, сделать нищим, что ли? Хочешь, чтобы я утопился? Ведь у меня, чай, ребятишки есть!

Бакалейная публика понимает, что все пропало, и покупает фунт конопляного масла за сорок рублей.

— Почему колбаса?—спрашивает новый покупатель.

Лавочник долго молчит и чешет затылок. Неделю тому назад колбаса продавалась по три рубля фунт. В среду—двенадцать рублей, в субботу—шестнадцать рублей, а сегодня, в понедельник...

Вопрос тяжелый.

— Это самая хорошая колбаса,—рекомендует он смесь лошадиного мяса с мукой,—это настоящая краковская, цена двадцать два рубля за фунт.

Лавочник Булакулин опять слышит слово «спекуляция» и обиженным тоном твердо заявляет:

— Говорить и рассуждать вам нечего, вы посмотрите в Уфе, как в других бакалейных лавках. Разве мне ради вас обанкротиться, что ли?

...В полном восторге бывал обыкновенно лавочник Булакулин, когда его кто-нибудь спрашивал, нет ли спичек.

Первый ответ его был самый неутешительный.

— Можете из меня щепы щипать, а спичек не найдете. Не стоит продавать, цена очень высокая. Я сам покупал десяток за сто двадцать рублей.

В амбаре у него спрятаны два ящика еще от того времени, когда коробка стоила копейку.

— Если хотите, я вам могу отпустить,—предлагает дальше кровопийца,—коробку за двенадцать рублей.

— Не хочу, не надо.

Лавочник Булакулин потрясает кулаком:

— Какой неблагодарный народ, харя.

Испуганный уфимский обыватель машинально вынимает из кармана двенадцать рублей, берет коробку спичек и шепчет:

— Простите меня, окаянного, больше не буду дразнить,—и выбегает из бакалейной лавки с убеждением, что случайно спас себе жизнь.

Никогда в жизни мне не было страшно, только один раз. Это было в лавке Булакулина. При воспоминании об этом случае еще сегодня у меня бегают мурашки по телу.

Я пришел в этот страшный день спросить в бакалейной лавке Булакулина, сколько стоит холодная котлета, которую я видел среди сыра и колбасы.

— Двадцать рублей,—сказал Булакулин таким страшным голосом, от которого у меня зашевелились волосы на голове.

В этом было все: и «руки вверх», и удар обухом, топором. Далее ничего не помню. Лежу в лазарете, и врачи говорят, что у меня воспаление мозга.

...Вчера я спросил санитаря, что случилось с лавочником Булакулиным. Говорят, что его за спекуляцию расстреляли и что он упорно молчал и только перед смертью, когда он уже стоял у стенки, спросил себя: «А может быть, я очень дешево продал колбасу? Может быть, спрятав ее, я бы нажил на две тысячи рублей больше?..»

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

ОБЗОР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Наступление на Бирск и Уфу «народной армии» объясняется, во-первых, стратегическим значением обоих городов и, во-вторых, политическим положением «сибирского правительства».

Стратегическое значение наступления белых

На карте сразу видно, что с взятием Бирска и Уфы нами в руках народной армии на том фронте были только три пункта, охраняющие Сибирь,—Златоуст, Верхне-Уральск и Челябинск. Они творят стратегический треугольник, база которого Уральский хребет между Верхне-Уральском и Златоустом.

Потеря Уфы обнажила все подступы к сибирской крепости. Продвижение войск N-ской армии от Стерлитамака к Верхне-Уральску было фланговым ударом на Златоуст с одной стороны в северном направлении и на Челябинск через Троицк—с другой; этими операциями нашей армии разбит был стратегический треугольник белых. Бирск с Уфой были передовыми фортами к Сибири и к вышеуказанной треугольчатой опоре белых.

Бесспорно, что сектор Бирск—Уфа являлся для белых угрозой их операциям в направлении Красноуфимска. Белым грозила опасность. Пермский фронт выдвигался вперед, и Пермь попадала под угрозу обхода. Наступлением нашей N-ской армии на Уральский хребет к Верхне-Уральску была нарушена связь белых с Дутовым на Оренбургском направлении, и поэтому нужно им было парировать этот удар на их правом фланге. И белые все свои лучшие силы выслали на сектор Бирск—Уфа. Скоплением нескольких дивизий против наших частей на этом участке им удалось на время выровнять фронт Пермь—Бирск—Уфа, чем принужден был и наш правый фланг отступить от Уфы.

Политическое положение «сибирского правительства»

Издав приказ о прорыве фронта Бирск—Уфа, Колчак думал подействовать психологически не только на Сибирь, но и на союзников.

В Сибири правительство Колчака терпело неудачу за неудачей. Битая «народная армия» была плохой поддержкой. Волнения среди масс Сибири усиливались. Восстания коммунистов по городам Сибири были обыкновенным явлением.

Союзники, видя неудачи Колчака, отказались ему помогать. Япония вывела свои войска из Сибири, французы и англичане выехали со своими миссиями.

Чувствуя неминуемость своей гибели, Колчак перешел к наступлению. Он влил в свои ряды, которые прорвали фронт Бирск—Уфа, все контрреволюционные элементы, перед которыми стояло: «Быть или не быть».

Заключение

Каждому понятно, что нужно теперь делать. Не только взять Уфу обратно и продвинуться к Уралу. Мы должны перейти Урал. Уфа нам по дороге. Пускай каждый красноармеец знает свой маршрут: Уфа—Златоуст—Челябинск.

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

На станцию Абдулино опять прибыл новый эшелон с пленными народоармейцами, сынами сибирских крестьян.

Жандармы и полиция колчаковского самодержавия выгнали их из сибирских родных гнезд сражаться за Уралом ради власти царских генералов, буржуазии, сибирского дворянства и помещиков.

Они радуются теперь, что вырвались из рабства, и не чувствуют себя пленниками: они в полном смысле слова—свои.

По прибытии эшелона на станции был устроен импровизированный митинг. Выступал ряд ораторов из перебежчиков.

— Царские генералы,—сказал один из них,—надели опять брюки с лампасами и издали приказ, чтобы мы, сыновья сибирских крестьян, шли бить Красную Армию за Урал. А кто в рядах этой Красной Армии? Те же сыновья крестьян, которые уже давно сбросили свою буржуазию и помещиков и сами правят Россией. Нас, сибирских крестьян, царские генералы-помещики послали на фронт под угрозой расстрела отбивать Сибирь от рабочих и крестьян. Нам не нужно фронта, нам, сибирякам, нужна сплоченная работа с Советской Россией для

осуществления великих задач коммунизма в Сибири.

Оратор обратился к красноармейцам с просьбой сильнее наступать, чтобы разбить Колчака и освободить сибирских крестьян и рабочих от помещиков, буржуазии и офицерства.

— Вы забрали весь наш полк в плен,—кончает свою речь перебежчик.—Спасибо вам, товарищи. Мы расстреляли своих офицеров, когда узнали, что вы наступаете. Мы живем теперь новой жизнью. Там—это был кошмар, здесь—новый день, заря свободы...

*

Вид у всех веселый, добродушный, но они очень плохо одеты, видно, что Колчак не обращает внимания на обмундирование своего пушечного мяса. Очень интересна группа народоармейцев, одетая в какие-то китайские халаты с мандаринскими желтыми кругами.

Денег у них очень мало, жалования не платили им уже три месяца. Один показывает деньги сибирского временного правительства—пять, десять и двадцать пять рублей формата полтинника и объясняет, что их никто в Сибири не берет. Старых денег также нет, говорят, что их увезли союзники. Вся Сибирь с нетерпением ждет прихода советских войск. Дороговизна страшная. В Омске пуд белой муки—80 рублей деньгами сибирского временного правительства (но можно купить за 20 рублей керенками), фунт масла в Томске—45 рублей. У крестьян отобрана земля и введены новые тяжелые налоги. Все станции Центральной Сибири находятся в руках чехословаков, которых часть уже пробилась во Владивосток. В их руках громадное количество военного имущества, которое они увозят с собой. В Иркутске чехословаки взорвали казенные склады. Колчак издал приказ их обезоружить, но из-за отсутствия достаточных сил не пришлось исполнить этот приказ. Союзных войск в Сибири нет.

— А за что воевать пошли?—спросил кто-то перебежчика.

— Нам говорили, что нужно идти за веру и отечество! Если придут большевики, они наложат чрезвычайный налог на иконы и т. д. Но народ начал понимать, в чем дело. Не за веру и за отечество, а за карманы генеральских, офицерских собак и за помещичью землю гнали нас генералы и помещики.

*

Эшелон двинулся. Послышались звуки «Интернационала». Это пели пленные народоармейцы, новые борцы за освобождение Сибири.

Что, если бы слышал это «великий» адмирал Колчак?

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

ДНЕВНИК ПОПА МАЛЮТЫ ИЗ ПОЛКА ИИСУСА ХРИСТА

Март (Златоуст).

Возлюбленные о господе архипастыри, пастыри и все верные чады православной церкви российской вместе с божьей милостью царем всероссийским Александром IV (Колчаком)* объявили гонения на язычников-большевиков. Из нашей братии сформирован батальон, к которому прибавили два батальона из татар и башкир. Это полк Иисуса Христа. Когда мы выехали из Челябинска, то купеческая публика на вокзале кричала нам: «Да здравствует капитализм!», «Вперед за православную веру!» Все татары и башкиры в нашем полку стройно ответили: «Ура!»

Март (Бирск).

Меня по милости божьей назначили полковым адъютантом. Надеюсь, что приведу в порядок свои финансы, разоренные большевиками — гонителями церковнослужителей.

Отделением церкви от государства они лишили нас жалованья, говоря, что мы занимаемся не трудом, а обирательством. Поэтому мы, все священники, и собираемся вокруг Александра IV, богом нам данного, собирателя и строителя новой монархии на святой Руси.

И да поможет ему бог в этом великом деле, снизойдет на народную армию благословение божие.

В городе мы расстреляли несколько дюжин большевиков, с которых сняли сапоги и продали в полковой цейхгауз. Сегодня я высек нескольких солдат, чтобы не забывали, что дисциплина — это страх божий.

Апрель (Уфа).

Наш полк Иисуса Христа устроил еврейский погром. Всякий, кому дорога возобновленная родина и жизнь церковная, кто дорожит святым учением евангельским, кому дороги заповеди Христовы, шел бить евреев. Я сам зарубил шашкой на Центральной улице одну старушку.

Да укрепит нас господь на служение правде божьей и на славу временного сибирского правительства!

Апрель (Белебей).

В Белебее мы построили ряд виселиц. Да будут виселицы Александра IV истинной школой жизни, источником воды живой, которую господь наш Иисус Христос дал нам в своем евангельском учении.

Май (Уфа).

На фронте торжествует антихрист. Красные прогнали нас из Бугуруслана. Завтра преосвященный епископ Андрей устроит крестный ход по всему городу.

После крестного хода будет еврейский погром, так как уфимский гарнизон, бригады уральских горных стрелков нуждаются в обмундировании.

Июнь (Уфа).

Мне кажется, что мы напрасно мобилизуем татар и башкир вокруг забытого алтаря православной церкви.

Наши сдали Мензелинск. Красные гонят нас по Каме. К ним в плен попал один батюшка, служивший у пулемета в 27-м Челябинском полку, и они его, вместо любви христианской, расстреляли. Гонение жесточайшее воздвигнуто красными стрелками на армию царя Колчака. Вчера епископ Андрей в своей проповеди в соборе сказал: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить сдачу Уфы на поругание красным», а сегодня уже выехал из Уфы. В особом послании зовет нас последовать за ним, идти на подвиг страданий, в защиту святынь.

Наш эшелон отправляется завтра утром, в шесть часов, на Златоуст. Надеюсь, что бог поможет и мы еще успеем расстрелять до утра последнюю партию заключенных в тюрьме красных.

Июль (Челябинск).

Мужайся, Александр IV! Иди на свою Голгофу. С тобою крест святой, дворянство, купцы, офицеры и помещики. Твое войско, побиваемое красными, переходит на их сторону, но с тобой воинство небесное.

Красные взяли Уфу, Пермь, Кунгур, Красноуфимск, идут на Екатеринбург и подходят к Златоусту. «Оскудеша очи мои в слезах, смутиша сердце мое» (Плач Иеремии, гл. 2, ст. 11).

Эвакуируем Челябинск.

Июль (Омск).

Господи! Прости наш страх перед большевиками. Мы запуганы красными стрелками. Нас тревожит безвестный конец... Эвакуируем Омск.

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

В МАСТЕРСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

В доме № 41 по Телеграфной улице во время пребывания в Уфе белых проживал священник Николай Андреевич Сперанский. Перед приходом наших он бежал, оставив в своем доме много всевозможных бумаг, плодов своей «неутомимой» работы.

Так как дом его теперь занят комитетом Иностранной партии (коммунистов-большевиков)*, то мне пришлось случай-

но натолкнуться на этот архив, который эта «черная ворона» оставила в своих письменных столах.

Из оставленной корреспонденции видно, что священник Сперанский письменно сносился с полковником Василием Егоровичем Гогиным из ставки верховного правителя, руководителем издательства всевозможных воззваний против большевиков. И у священника Сперанского была целая фабрика таких антисоветских воззваний, за что он получал крупные суммы денег от сибирского правительства. В своих воззваниях он окружал Колчака, верховного правителя, ореолом божьего благословения, покрывая каждое его преступление. Этот верный пособник буржуазии писал так горячо, что сам полковник Василий Гогин прислал ему письмо, в котором советует ему не очень увлекаться, так как воззвания к крестьянам относительно сжигания на кострах своих комитетов слишком уж сильно написаны, хотя и желательны.

В том же письме полковник сообщает литературному инквизитору, что «Антихрист» очень понравился и что за это воззвание ему выслано денег 3500 рублей, притом просит исправить немножко его содержание и указать на то, что большевики отбирают имущество и драгоценности. Можно написать, что это сказано в Евангелии св. Марка, так как народ темный и ничего не разбирает!

Любопытно было бы найти это воззвание. В письменном столе я нашел один экземпляр с надписью «Что говорит Священное писание об антихристе и какое дело его». Под этим подписано: «Для распространения среди войск освобожденной России. Подлежит расклеиванию на видных местах».

Написано горячо, и все время приводятся ссылки на Священное писание. Так, например, будто бы св. Иоанн в своем Откровении говорит: «Придут комиссары, которые всем положат начертания на чело их, на руку их. Никому нельзя будет ни продавать, ни покупать, если кто не имеет этого начертания». И далее следует: «Глава 13, ст. 12—16». Это, видимо, для достоверности.

Затем приведен текст Священного писания вообще о большевиках: «Они обещают свободу, отвергают начальство и злословят высокие власти (послан. Иуды, ст. 8), которыми является сибирское правительство во главе с верховным правителем».

В одном из воззваний поп Сперанский пишет, что в каждого красноармейца нужно воткнуть несколько штыков, чтобы он умер, как собака, так как он предатель святой Руси.

Товарищи красноармейцы, помните хорошо эти слова, вышедшие из мастерской контрреволюции, и ловите всех этих злодеев в сибирской тайге.

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

АНГЛО-ФРАНЦУЗЫ В СИБИРИ

Везде в железнодорожных киосках в Восточной Сибири можно встретить империалистические газеты: английские — «Манчжурин дей ньюс», «Рашн дей ньюс», «Азиатик ньюс эйдженси» — и французские — «Журналь де Пекин», «Журналь де Сибери».

Перед духовными очами всех господ редакторов этих иностранных газет яркой звездой горит только одна точка: Россия — в качестве страны со старым, царским строем, с генералами, капиталистами, губернаторами, городовыми, вокруг которых вертятся «союзники».

Что же препятствует осуществлению этих радостных для буржуазии дней?

Русский рабочий и крестьянин, который хватается за руки и отбирает от них колчаковскую Сибирь и другие декорации и бутафории черносотенной «святой Руси».

Поэтому роль всех этих английских, французских и американских газет на политическом рынке «Лиги народов» очень жалка.

Захудалый журнальчишко, скажем «Азиатик ньюс эйдженси» или «Журналь де Пекин», лает на огромную пролетарскую революцию, лает на русского рабочего и крестьянина, который сегодня уже взял винтовку в руки, чтобы двинуться через Омск, Томск, Иркутск на Владивосток.

Журнальчишко предлагает буржуазии вязать большевикам руки и доставлять их к становому по всей Сибири в качестве «царских супротивников».

Все эти английские и французские газеты врут не хуже белогвардейских.

7 мая сего года «Журналь де Пекин» сообщает, что Петроград занят финнами и что большевики и жители убежали в Москву.

13 мая «Азиатик ньюс эйдженси» сообщает, что Москва взята Петлюрой и польскими легионерами.

12 июня «Рашн дей ньюс» успокаивает буржуазную публику тем, что войска адмирала Колчака вошли в Кремль.

Даже после падения Уфы и разгрома Колчака за Белой и под Златоустом «Рашн дей ньюс» пишет 26 июня: «Армиями адмирала Колчака водворен полный порядок в центре России».

Все-таки известия о поражении Колчака дошли на Дальний Восток.

И вот вдруг эти журналы, полные до тех пор победных гимнов, выкидывают флаг пароходных обществ.

Сразу появляются в газетах объявления: «Прямое сообщение пароходами через океан в Америку, Англию, Францию. Путь: «Сан-Франциско — Вальпарайзо».

«Общество «Дескур и Кабо» отправляет в кратчайший срок без очереди собственными пароходами в Японию, путь Иокогама...»

Итак, пароходное общество «Дескур и Кабо» является последним этапным пунктом для контрреволюции и буржуазии, бежавшей перед красной грозой...

Все-таки эти газеты дают весьма интересные сведения о внутреннем положении империалистических хищников и об окончательно прогнившей Лиге Наций.

«Журналь де Пекин» приносит следующую телеграмму из Лондона: «Секретарь министерства морских дел Даниэль объявляет, что в интересах борьбы с большевизмом нужно учредить интернациональную полицию под контролем „Лиги народов“».

Не скучно читать эти газеты, и есть над чем позабавиться.

От интернациональных городовых и сыщиков переходит «Журналь де Пекин» к вопросу о колониальной политике империалистов.

Тут доходит до драки. «Мы ваши, а вы наши,— обращается французский орган к английским приятелям из «Азиатик ньюс эйдженси»,— только бы вот насчет эксплуатации и ограбления Маньчжурии...»

То же самое говорит и американец японцу: «Мы ваши, а вы наши, только бы вот насчет пристани Киао-Чау и Шантунг, прошу не трогать».

Старая формула разбойников при распределении добычи.

«Маньчжуриэн дей ньюс» печатает приказ генерала Кноха по английской заамурской бригаде:

«Так как солдаты королевской заамурской бригады самовольно желают пробраться во Владивосток, предупреждаю, что демобилизация частей внутренней охраны пока произведена не была.

Приказываю всем оставаться на своих местах до дальнейшего моего распоряжения и тщательно следить за всеми агитаторами».

Само собой разумеется, что и русские палачи-генералы печатают в этих журнальчиках свои приказы, чтобы показать Англии и Франции, какие они молодцы.

Так, «Журналь де Пекин» печатает приказ казачьего атамана Иванова-Ринова из Владивостока:

«В ответ на террористические акты большевиков в окрестностях Владивостока приказываю всех подозреваемых в большевизме и пленных красноармейцев, содержаемых во владивостокской тюрьме, разбить на три группы.

Первую группу расстрелять с получением этого приказа, вторую и третью — постепенно, в случае возобновления покушений со стороны большевиков».

Воспеванию таких зверств царских палачей посвящают эти «журналы» три четверти своих страниц.

Искал я в этих «журналах» сведения о чехословаках и нашел, что большевики при занятии партизанскими отрядами станции Тайга у Красноярска разбили чешский карательный отряд, где и пал чешский комендант станции Прагер. Дальше, что 12 мая умер чешский министр военных дел генерал Стефанек * и что чешский добровольческий отряд отправился в Пекин, в Китай, для охраны французского посольства.

Вероятно, чешско-словацкие белогвардейцы в настоящее время по поручению «союзников» будут в Китае вешать китайских кули во имя спасения славянства, родины и китайского «Учредительного собрания».

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

ВОПЛЬ ИЗ ЯПОНИИ

Есть такой английский буржуазный журнал под заглавием «Джапан адвертайзер», издается он при дворе японского микадо в Токио.

Если перевести все его статьи и вдуматься в их смысл, то ясно становится, что все они в один голос стараются доказать необходимость Амурской дороги и Амурского края для английского капитала и торговли.

Это во-первых. Во-вторых, много пишут о том, что красный призыв большевизма бродит над Амуром.

Так, некий Давид Франси, бывший американский посол в Петрограде, сообщает английской дипломатии и банкирам, что в Петрограде большевики национализировали всех женщин и что жены комиссаров в Москве купают своих собак в шампанском.

Какой-то капитан Робен, член американской миссии в Сибири, пугает английских капиталистов и буржуев муравейниками.

«Если какой-нибудь американец или англичанин попадет в Сибири в руки большевиков,—пишет он,—то его ожидает следующая участь: большевики раздевают его догола и головой вниз, привязанного на кол, бросают в муравейник».

Кошмарная картина для английских капиталистов.

Пишут в этом журнале и представители нашего православного духовенства.

Какой-то беженец, соборный протоиерей Г. Н. Круговой, обращается к епископам англиканской церкви, чтобы они предприняли крестовый поход против большевиков.

Но крестовый поход против большевиков—это вопрос очень затруднительный для Антанты.

Из статей, перепечатанных в этом журнале из лондонской газеты «Таймс» и американской «Нью-Йорк геральд», можно судить о настроении империалистов относительно «русского вопроса».

Так, «Нью-Йорк геральд» сильно обеспокоена тем, что Англия, в силу торговых соглашений с Сибирским правительством, не помогла Японии укрепиться в Амурской области.

Английская «Таймс» сильно обеспокоена относительно золотых приисков на реке Лене.

Японская газета «Ници-Ници» чувствует себя не по себе относительно Америки и Англии, называя союзников своего микадо жадными до владений Сибирью, где торговля принадлежит японцам.

Сильно беспокоятся они также относительно Китая.

Там, за Желтым морем, против острова Нипон, спит Китай, удара которого они боятся.

Это 400 миллионов обитателей Китая, нищих, голодных, о которых доктор Ку, представитель от Китая в «Лиге народов», с тревогой пишет, что в один день все они станут в лагерь большевиков.

«Нужно принять серьезные меры,— плачет предатель китайского пролетариата доктор Ку.— Китай переполнен агитаторами-большевиками».

Под этой статьей следует телеграмма: «Американский сенат в Вашингтоне предложил японскому генералу Кикудзо Отана золотой орден за успешное ведение борьбы с большевиками в Манчжурии!»

Мне бы хотелось написать в «Адвертайзер»: «Господин редактор! Фронт всемирной революции расширится и через золотые ордена генерала Кикудзо Отаны. Эта линия революции пройдет и через Токио, Вашингтон и Лондон. Она раздавит в своем историческом продвижении и бога соборного протоиерея Кругового, и империалистический купеческий мир. Это величайшее событие, которое только знает история, а человечество само определит свое развитие и без Вудро Вильсона, Клемансо*, Ллойд Джорджа*, которые без вести пропадут в волнах всемирной революции».

1919 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

ЧТО СТАНЕТ С ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ?

Чехословацкая республика предала революцию. Это начало конца, это приведет к гибели ее буржуазного строя.

Когда в ноябре 1918 года чешские газеты оповестили о том, что Карл Габсбург бежал*, можно было предполагать, что для чешского пролетариата начнется новая, солнечная жизнь. Но

это оказалось лишь мечтой.

Чешский пролетариат освободился от ярма австрийских капиталистов и оказался в когтях чешских капиталистов, банкиров и их союзников — социал-демократов, предателей Немеца и Виктора*. Чешская буржуазия без особого труда очутилась у власти. По ее указаниям народ ежедневно шпиговали все новыми и новыми статьями, побуждая его почитать «революционных» богов: доктора Крамаржа, профессора Масарика*, Вильсона и Клемансо. Чешский народ видел лишь одну сторону медали — дешевые лозунги: республика, свобода, исторические права.

В декабре 1918 года была произведена мобилизация, и чешские солдаты перешли границу, вступили в Саксонию, чтобы занять Лужинец и Будишин. Оформлялся чешский империализм. Вместо долгожданного мира — новая захватническая экспедиция. Начали с Баварии, так как новый военный министр, бывший антимиитарист Клофач, обнаружил где-то на страницах учебника истории, будто во времена короля Бржетислава баварский городок Хум принадлежал Чешскому королевству. Националисты празднуют победу. Но за нею голод и безработица сотрясают молодую республику.

В Праге появился профессор Масарик — назначенный Францией президент Чешской республики, — с помощью которого Франция рассчитывает привить чешскому народу уважение и любовь к союзникам — французским захватчикам.

А лидеры чешской социал-демократической партии поддерживают буржуазное правительство в его безмерных подлостях, получают министерские портфели и идут рука об руку с буржуазией.

Возможно, что в декабре 1918 года чешский пролетариат чего-то ожидал от лидеров социал-демократии — министров «социалистов», но в январе 1919 года он уже вышел на улицы Праги и требовал хлеба. Правительство, в котором заседает три «социалиста», ответило пулеметами. Национальная гвардия и отряды добровольцев рассеяли демонстрантов, буржуазные сынки прикладами избивали арестованных рабочих, а президент Чехословацкой республики Масарик спокойно сидел в своем кабинете, среди цветов и подушек, расшитых буржуазными дамами-рукодельницами. Он писал манифесты к рабочим, уверяя, что Франция требует от чешских рабочих воздержаться от демонстраций и мирными методами добиваться улучшения своего положения, что чехословацкое правительство со своей стороны сделает все возможное для подавления большевистского движения в стране.

Зато теперь рабочий класс Чехословакии узнал по крайней мере, что представляет собой президент Масарик, понял, что и в Чехословакии Масарик ведет тот же крестовый поход против коммунизма, который он скрепил своей подписью в Сибири, когда продал союзным державам чехословацкий корпус и

послал 60 тысяч чехословацких солдат против русских рабочих и крестьян.

Разумеется, чешские рабочие не были довольны манифестом, и Масарик прибегнул к крайним мерам...

Тюрьмы переполнены рабочими. Министры-«социалисты» оказались самыми преданными прислужниками буржуазии и в точности выполняют порученную им задачу — сохранять в стране спокойствие и порядок.

Давление Антанты на Чехословакию продолжает усиливаться; она требует снабжать углем австрийские заводы. В апреле союзники приказывают чехословацкому правительству объявить войну Советской Республике.

Последствия этого давления очень скоро стали ощущаться в Чехословацкой республике. Производительность труда упала, повсюду наступило безнадежное ухудшение. Французский и английский капитал поглощает все материальные ресурсы, все силы Чехословацкой республики.

Неправда, что в Чехословакии царит затишье перед бурей. В Чехии ежедневно происходят рабочие демонстрации. Шахтеры Кладно не хотят больше работать на шахтовладельцев. Крестьяне требуют отдать им землю помещиков. В Кладно под руководством чешских коммунистов образовался Рабочий Совет*. Кладненский бассейн со своими шахтами и заводами представляет сейчас небольшую Советскую республику. Правительство не в состоянии уничтожить в чешском пролетариате эти первые победы. Оно знает, что посланные на восстановление «порядка» батальоны бесследно исчезнут в волнах революции Кладненского бассейна. Кладно, Мостецкий округ, Моравска Острава — это бастионы чешской пролетарской революции. Пролетарская революция, подобно пожару, распространяется по шахтам, угольным бассейнам, в черных забоях подземелий.

Интриги и насилие империализма Антанты, предательство вождей — министров-«социалистов» — все это дает лишь новую пищу для распространения пламени. Огонь все ширится. В Пльзене, Либерце и Брно остановились заводы. Сентиментальную народную песню «Где моя родина?»* сменил гимн «Интернационал». Чехословацкая буржуазная республика приближается к своему крушению. Президент Масарик сидит на вулкане.

В скором времени буржуазную республику постигнет смертельное потрясение. Пока что ее лихорадит, но скоро, очень скоро огонь пролетарской революции выжжет с министерских печатей чешского льва.

А что ожидает Чехословацкую буржуазную республику?
Она станет республикой социалистической!

1920 г.

ЖЕРТВА НЕМЕЦКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В СИБИРИ

Доблестный и неутомимый спекулянт майор фон Лаузитц, занимавшийся на досуге идеями возрождения Австрии и Германии на монархических началах, только что заключил недурную сделку в лагере военнопленных. По этой причине он приказал своему денщику Гансу приготовить на офицерской кухне бифштекс, а затем занес в свой дневник заметку о распространении большевистской пропаганды среди бывших военнопленных. Он писал: «Поведение личного состава ухудшилось. Все больше подрывается дисциплина и лояльность. В I Интернациональную бригаду вступили следующие негодяи: из барака № 12 — Карел Фишер (8-й полк), Иоганн Бауэр (24-й полк), Миклош Иштван (3-й полк), капельмейстер Людвиг (18-й полк), из барака № 34 от 16-го полка: Богач Ян, Такар Самуэль, Золтан Бела...

Сегодня я слышал, как Карл Проссек (Вена, Мариахильферштрассе, 12, из 21-го полка) сказал Яношу Кочи (8-й полк, пивовар из Шопрони): «Мы ведь рабочие, и никакой силе не остановить эту революцию, если мы будем едины. Только пролетарская коммунистическая революция способна помочь рабочим. Поэтому нечего нам околачиваться в лагере, надо наконец начать работать для революции».

Таких сволочей здесь немало, и я очень жалею, что в нашем лагере уже ликвидировали шведский Красный Крест, что лишило нас связи с родиной. Сколько адресов этих мятежных подонков мог бы я переслать домой! Да здравствует дом Габсбургов и Гогенцоллернов! На виселицу красных дьяволов!»

Когда денщик вернулся, майор стал его расспрашивать, не пытался ли кто-нибудь агитировать его по дороге из офицерской кухни — ведь в таком случае он мог бы сделать в дневнике еще одну запись: «Опасным пропагандистом является Вильгельм Дёрнер из 27-го полка, барак № 18, из Штеглица под Грацем. 12 марта 1920 года он сказал моему денщику Гансу Киршнеру: «Ну и болван же ты, братец, да двинь ты своего майора по морде и скажи, что надоели тебе его издевательства!»

*

В один прекрасный мартовский день майор фон Лаузитц возвращался из города в отличном настроении. Во-первых, он выгодно продал золотое кольцо, а во-вторых, услышал, что в Германии произошел монархический переворот.

— Ура, Вилли! — сказал он своему приятелю капитану Цедвитцу. — Генерал фон Тирпиц освободил Берлин*. Наш великий доктор фон Капп в ближайшие дни освободит императора Вильгельма из Голландии, потом отправится в Швейцарию и переведет через границу императора Карла, чтоб тот возглавил переворот в Вене. Погом император Вильгельм и император

Карл повесят всех рабочих, объявят войну русским большевикам и посадят на русский трон кронпринца. Вот тогда-то мы поговорим по-свойски с нашими лагерниками! Тогда-то опять войдет в силу кнут!

— Ганс,—сказал он своему денщику,—опять куришь без разрешения? Подожди несколько месяцев, насидишься ты тогда у меня под арестом, проклятая обезьяна! Смир-рно! Как стоишь передо мной? Или не знаешь, что мы возвращаемся в Берлин и в Вену к императору?

— Господа! — разглагольствовал он в офицерской спальне.— В Германии снова монархия, генерал фон Тирпиц там, доктор фон Капп... У меня от радости нет слов, и я могу только провозгласить: «Да здравствует император Вильгельм! Да здравствует император Карл! Повесить красную сволочь! Начинается! Сохрани нам, боже правый, Цезаря и отчий край!» *. Ура!

Однако все было не так, как представлял себе майор фон Лаузитц.

В рабочих кварталах Берлина мощно гремело: «Да здравствует большевизм!» Рабочие штыками выбросили из Берлина новую монархию, и Германия была накануне пролетарской революции.

Как только услышал это майор фон Лаузитц, горько он закручинился, и все офицеры видели, что он усиленно готовится к чему-то необыкновенному. Вечером он вернулся из города с двумя банками масляной краски, черной и желтой, и с малярной кистью.

— Я им покажу! — бормотал он каким-то странным тоном.— Надо подновить австрийские цвета.

Товарищи уложили его в постель с холодным компрессом на голове. Он успокоился, однако ночью таинственно исчез вместе с банками и кистью.

В четыре часа утра интернациональный патруль наткнулся в городе на голого человека, раскрашенного в черно-желтую полоску, который пел:

Австрия, дом величавый,
Воздвигни свой стяг со славой,
Пусть на ветру он вьется,
Австрия не пошатнется!

Несчастливым черно-желтым певцом был майор фон Лаузитц.

1920 г.

ЧЕШСКИЙ ВОПРОС

Бешеная агитация против Советской власти среди чехов войск ходом событий потерпела крушение. Судно чешской контрреволюции село на мель. «Гениальная» чуткость француз-

ского генерала Жанена*, который руководил чешскими войсками, кончилась полным разгромом армии Колчака, капитуляцией польских легионов и сербских полков, признанием чехо-войсками Советской власти, расстрелом адмирала Колчака и др. «государственных людей» сибирского царства — генералов, капиталистов и помещиков.

Договор чехо-войск с представителями Советской власти* — это крах политики Антанты.

Стихийный переворот приблизил чехо-войска к развязке с союзниками. Руководители чешской контрреволюции растерялись. Чешские солдаты за полтора года научились немного мыслить и рассуждать.

Обманутые союзниками, которые им обещали в течение 18 месяцев пароходы для отправки на родину, предписывали им поддерживать Колчака, охранять Сибирскую магистраль, выступать против восставших рабочих и крестьян Сибири, они очутились в огненном кольце революционного пожара. Напрасно французский генерал Жанен грозил им, что в случае их отказа идти на фронт против большевиков Франция не даст больше ни франка Чехословацкой республике.

Солдаты встретили офицеров, которые делали им это любезное предложение, лозунгом «добот», что в переводе значит «удрать».

Сдвиг этих солдатских масс влево, разоблачения империалистической политики союзников наводнили экстренные поезда линии Иркутск — Чита — Владивосток политическими и военными представителями Чехословацкой республики. Удирали перед большевиками и перед своими солдатами. Бежали от красной грозы. Им стало уже невозможно появляться перед обманутыми своими земляками. Перепугались тел расстрелянных ими когда-то чешских коммунистов от Пензы и Самары до Владивостока. Чешские войска заключили договор с Советской Россией. Их борьба за Учредительное собрание кончается в эшелонах, в которых они пробираются в порт Владивосток.

Чехословаков, которые находились в последнее время в армии, можно распределить на следующие группы:

1. Национальные «социалисты» — мелкобуржуазный элемент, крайне национальный. Они не социалисты. Дома, на родине, организовывали желтые союзы.

2. Чешские социал-демократы, соглашатели. Считают себя «передовыми» в рабочем чешском движении, но на деле часто тормозят социалистическое движение; они правее русских меньшевиков.

3. Чисто буржуазный элемент правозероковского типа — офицерство, чиновничество и интеллигенция. Здесь все буржуазные партии. И бывшие реалисты (лидером которых был профессор Масарик), и чешские кадеты (либералы-младочехи).

4. Насильно мобилизованные после известного контрреволюционного выступления чехословаков. Это элемент, который

много обещает для пролетарской революции. В эту группу можно поместить и сознательных рабочих-революционеров, они относились с презрением к союзникам.

Ход событий нашел свой отклик в этих всех группах.

Группа 4-го типа встретила радостно переворот и победу Советской власти. Из 1-й и 2-й группы вышли и присоединились к 4-й группе более сознательные элементы, психологически обработанные этим переворотом.

Третья группа очутилась в плачевном положении. Они выступили против Колчака, надеясь на эсеров и меньшевиков Восточной Сибири, на так называемый Центр*, дабы затормозить продвижение пролетарской революции на Восток. Но это не удалось. Они были в положении генералов без армии.

1920 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

К ПРАЗДНИКУ

Много тысяч верст прошла 5-я армия. Это была жесточайшая схватка с контрреволюцией в великой эпохе наших революционно-социалистических войн. Не страшны ни многочисленные полки отечественной контрреволюции, ни тяжелая артиллерия международного капитала.

Когда наемник иностранного капитала адмирал Колчак в апреле прошлого года наступал на Казань и Самару, представители союзников посылали телеграмму за телеграммой.

Лондонская газета «Таймс» в своей передовой статье высказывала пожелания и надежду, что Англия, поддерживая адмирала Колчака, поможет ему уничтожить Советскую власть.

Парижская «Тан» поздравляла адмирала с наступлением, обещая Колчаку всевозможную поддержку Франции для окончательного разгрома Советской власти.

Представитель американских миллиардеров Вудро Вильсон телеграфировал: «Желаю доблестной армии адмирала Колчака разбить наголову своих врагов и обещаю всевозможную поддержку».

Так было в апреле 1919 года. В апреле 1920 года пишут эти же газеты: «Англии необходимо признать Советскую власть».

Победы Красной Армии, в том числе и 5-й армии, отбили у английских буржуев спесь и заставили их разговаривать о мире.

Советуем и японским дипломатам призадуматься над этим и помнить, что почетные знамена мы дарим железным армиям.

1920 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

БЕЛЫЕ О 5-Й АРМИИ

Прощаясь с миром, сибирская реакция оставила нам память прошлого вроде своих белогвардейских газет с откликами о боевых действиях 5-й армии. В августе 1918 года, через месяц после появления 5-й армии, когда начинают белогвардейцы чувствовать опасность, появляется в «Вестнике Комитета Учредительного собрания»: «Красные собирают против нас крупные силы, чтобы взять опять Самару, Симбирск, Казань. Беженцы из Пензы сообщают, что большевики подвозят на фронт массу войск».

Немного позже, когда 5-я армия наступает на Казань, в той же газете пишет член Учредительного собрания Лебедев: «Большевики перешли в наступление на Казань, но я уверен, что они будут разбиты наголову и Казань будет для них роковой. Тут решается судьба большевизма».

Железные батальоны нашей армии взяли Казань, Симбирск, и правый эсер Фортунатов плачет в своей газете: «Казань и Симбирск залиты потоками крови. Против нас не стоят уже неорганизованные банды большевиков, они организовались и взяли два города... Если мы и в будущее время встретим подобные попытки, мы будем поступать с такими людьми, как с государственными изменниками в военное время... Я уверен, что загубленная Россия возродится...»

В других белогвардейских газетах начинают появляться в сводках о фронте Учредительного собрания короткие, но весьма неприятные для белых сообщения о нашей армии: «Уфимский район. Противник продолжает наступать».

«Власть народа» за 28 ноября 1918 года на одной странице о Западном фронте публикует: «Бугульминское направление. Сведений не поступало», и на другой стороне появляется первое воззвание адмирала Колчака, верховного главнокомандующего, к офицерам и солдатам русской армии, в котором мы встречаем, что кровавая армия германо-большевиков с примесью мадьяр и китайцев угрожает Уфе и что нужно спасти родину. «Я призываю вас сплотиться около меня как первого офицера и солдата,— говорит покойный адмирал.— Да поможет нам господь бог всемогущий». Но он не помог. Наша армия вошла в Уфу.

Мы отступаем в марте из Уфы. «На пасху будем в Москве» — название одной передовицы в «Отечественных ведомостях». Настроение редакторов белогвардейских газет в то время бодрое, веселое. Шутят, как будут вешать в Москве и Питере рабочих и крестьянскую голытьбу. Их перо не может приостановиться. И когда наша армия уже опять наступает и берет Бугуруслан, Бугульму обратно, они все-таки пишут, что занятия Колчаком Самары, Казань, Инза, Симбирск, где расстреляны при попытке забрать все комиссары Совдепов. Это не мешает в том же номере поместить воззвание к русским гражданам

оказать помощь беженцам из Бугуруслана, Давлеканово, Бугульмы.

Наша армия переправляется через Белую и Каму, громит белых, вступает в Уфу и Златоуст.

Перечислить в то время плач и вопли белогвардейских газет не является возможным. Местами утешают статьями «О тяжелом положении большевистской армии»: «Из официальных источников передают, что армия находится в таком моральном состоянии, что не выдержит даже слабого натиска».

Результатом нашего «панического страха» было то, что наша армия перешла Урал и заняла Челябинск.

Когда Колчак опять начал наступать к Тоболу, опять появляются в белогвардейских газетах статьи: «Наша армия победным маршем идет на Урал возвращать русскому народу матушку Москву».

Эти географические ошибки белых журналистов разбила 5-я армия одним ударом, вступив в Петропавловск и Омск. И пришлось белой журналистике писать, что уже Деникин взял Москву, а Юденич Петроград.

Наша армия характеризуется в «Енисейском вестнике» как «красный зверь, ошалевший от голода в России, который безудержно двинулся в Сибирь». Конец приближается.

В «Енисейском вестнике» пишет епископ енисейский Назарий: «Верующей пастве церкви Енисейской настал последний час, когда решается вопрос, быть или не быть нам. Что всегда спасало русский народ в критические моменты его жизни? Вера в бога. Облекитесь и вооружитесь верою.

Я зову вас к всенародному покаянию перед Пресвятой Богородицей, исконной заступницей и спасительницей Святой Руси.

Да спасет вас она от окончательной гибели».

Но штыки 5-й армии оказались сильнее.

В день годовщины белогвардейская печать отошла в область истории.

5-я армия уничтожила и этого покойника реакции.

1920 г.

*Из фельетонов, очерков, статей,
написанных по-русски.*

БРАТЯ ЧЕХО-СЛОВАКИ!

Товарищи солдаты!

Мы обращаемся к вам исключительно к вам. Мы думаем, что вы свободны от предрассудков, которые нам старались внушить.

Вы не бойтесь слушать правду и не станете слушать пустых бредней наших политических врагов.

Помните ли вы те время, когда испанская революция в России, что мы все были готовы ее поддержать.

Помните ли вы, что чешский народ всегда стоял наперед бойит за свободу?

Если бы вы теперь, товарищи солдаты, отказали и своим политическим русским революциям, вы разделили бы в гражданской войне с нами контр-революцию, а тем и предали своему собственному делу освобождения народа из гнета австрийского империализма.

Если реакционный Капитал жив еще и угрожает вам, России, то германский Гиндбург стоит у ворот республики.

Во парад, товарищи!

В борьбе против австро-германских империалистов мы должны отбросить все разногласия между нами.

Тесное славянское чешских революционеров со всеми русскими перед лицом

опасности нового поражения в борьбе за свободу, вот тактическая задача, которая стоит перед вами, товарищи чехи!

Мы, чехи, показав миру безграничную сплоченность при обращении к себе себя и австрийского самоотверженца, должны быть также первыми в деле организации русской красной армии.

Мы не пришли вносить в армию рады безобразия и сумятицы. Мы только наблюдаем за строгим порядком в рядах чешской революционной армии.

Мы знаем, что между вами есть такие, которые под агитацией империалиста вылезли во Францию, но забывают только о себе и вовсе не хотят заниматься от военной революционной службы. Это недопустимо! Все, желающие на наших рядах выжить во Францию, должны в короткий срок явиться в совете рабочих и солдат на место своего нахождения.

Оттуда будут направлены в оборонные пункты чешско-славянских отрядов красной армии.

Отряды эти формируются в настоящее время, в Пензе, Самаре, Уфе, Челябинске и в Омске и во всех других городах, уральско-сибирской железной дороги.

За исполнительным комитетом чехословацкой секции коммунистической партии Просола Гашека.

Обращение к солдатам чехословацкого корпуса, опубликованное в самарской газете «Солдат, рабочий и крестьянин» 14 апреля 1918 года. Написано Я. Гашеком на русском языке.

**ВОЗЗВАНИЕ К ЧЕХАМ И СЛОВАКАМ
С ПРИЗЫВОМ ВСТАТЬ
НА ЗАЩИТУ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
НАПИСАННОЕ Я. ГАШЕКОМ ПО-РУССКИ.**

Май 1918 г.

Товарищи!

Вам говорили, что в России делать нечего и что вашу революционную борьбу вы будете продолжать на французском фронте.

Самые оживленные споры касаются именно этого выезда во Францию.

С величайшим энтузиазмом описывают вам Францию, Америку и Англию.

Мы уверены, что вы обратите внимание на события, которые кругом вас, и прекратите свой путь на французский фронт.

Товарищи! Австро-германские войска продвигаются в глубь Российской Федеративной Республики. На пути их расстреляны ими многие чехи, не успевшие отступить.

Австро-германцами занят Харьков, и войска императора Карла и Вильгельма продвигаются на Курск.

Неужели во всемирной истории должно быть написано, что в это опасное время для свободы всех народов чешские войска ушли перед австро-германскими бандами, оставили русских революционеров без помощи?

Товарищи! Мы уверены, что наш народ дома бы вам запретил выехать во Францию, а сказал бы вам, что вам место на этом фронте, где грозит опасность для свободы всех народов, что место ваше в России!

Призываем всех чехословаков на защиту революции!

Мы, чехи, показав миру беспримерную сплоченность при сбрасывании с себя ига австрийского самодержавия, должны быть также первыми в деле реорганизации русской Красной Армии.

Мы формируем отряды истинных борцов за свободу из всех нежелающих выехать во Францию.

Мы вас ожидаем!

Исполнительный комитет чехословацкой секции
Российской Коммунистической партии

VOJÁCI - REVOLUCIONÁŘI!

Za zblý Ruska, náš jsme vachci naši ochrany a kříd náš umocno provést naška revoluci našej dísa bučky Karia Hlubocka a Wiktra Habancsierna.

Ruská federativní republika Sověta, obšťvík se o naši revoluci ruské i rusofore švestek našu rusku armádu a porobuje k našímu svým rad všach rukavých: nepřítelka se pravu zlovesk!

České vojsko ješ volávu: ísáma organizovanou jednotku vojska revolucionerůu.

Ruská republika povozovata Vše se své bratry a pomocníky v obrane zlovo revoluce ruské. Vějška rakouských a německých lupavů našj se hranicích republiky, připravova na vřad do naška země.

V š dísa našejšíma díma, kdy naše vyprávělav se jíroviska republiky našj a naši rusochy Vše našdřavly, klavym neprošlo se oděp, k kteri časos se stráni v ruku do povelův škvil šil se z porobu celého křítava, grěstěliš Vše oslovny šle na vřad od ruských hranic.

V Jekatěrinburku vojska Wiktra postlídla 200 Čechů revolucionerůu.

V Čarkove vojskny rákosky našd provedl ruské šerov naš 12 čestvých obřav, organizovanou v organizaci Oděcku.

A Vy odědivo do Francie!

Nešvite, jak se ruskou-americká diplomacie našdu naš Všem odědivem s Ruska!

Rakousko-německí korupčník našd, se je více rákosba se ška našeti obřav: brněvi naš Zburka a šakčestem!

A my oslovna všítava, se Vše našchod s Ruska našpova ruskou-americká diplomacie trusitěliš.

Jeděvych klavč se šil, se jna byl Vy. On vřadil šekve, se křdy Vy jne šle trusil, se vy se Vše šokavě roznagovav naška armádu a se Vy švne všítava šavy šukč v rady našdých revolucionerůu.

Vy ale odědivo do Francie, křk Věšch šli rozestěbaje.

Vy Rusku špovítě: Nešid se Vše, se šavne švne se naška švavě revoluci!

Věšvi revoluce našd, našd dísa naš Evropsa je škvavna švavym, šna odědivo a švdiš do naška vely švci a naška našpavčavym, šituckem i roznavim švabimy.

Česka revoluce je naš čas. Oděp od ruské revoluce švavova švavim vřavim vřavim vřavim a našmedie vřavim švavem.

Oděp do Francie našdaje našma vřavim, jšva švavěvčim, se vy vojáci revolucionerůu našdš první švavim švavě švavim, naš vřavim švavim, švavim jna šd s tom švavim.

A švavim: Vše našdaje se švavim revolucionerůu, Vše je šd švavim švavim švavim švavim se švavim švavim.

Naš Ruskou republiku švavim se švavim švavim, a my Čechové švavim byš švavim ruské revolucionerůu švavim.

Švavim se Vše švavim, vojáci revolucionerůu Porovnu, našd revoluci!

Věšchil, křk se švavim švavim švavim v švavim švavim. Švavim švavim švavim vřavim ruské republiky. Přítošova k ruské republikě našd ruské švavim.

Naš škvavim švavim švavim švavim švavim švavim, švavim odědivo Vše vřavim švavim do Vladivostoku, šd se švavim švavim našd švavim, a švavim se i švavim švavim se švavim.

Našdaje se švavim švavim, švavim švavim švavim v Věšchil vřavim se Francie.

Ruska švavim ruskim našd pro švavim švavim a našd jna potěbavim!

Našdaje švavim, se je švavim, a se se šd našd se švavim, švavim je se švavim a šd švavim našd švavim švavim švavim ruské švavim.

Věšchil ruské revolucionerůu, naše revolucionerůu švavim, švavim švavim švavim a Vše se švavim a švavim se švavim našd švavim v švavim švavim švavim švavim švavim ruské revolucionerůu švavim.

Za vřavim švavim
a švavim švavim švavim švavim švavim švavim
ruské revolucionerůu švavim.

Křvavim Malina.

Za československou švavim
ruské švavim revolucionerůu (švavim)

Jaroslav Hasek.

ADRESA VYSLEDEKŮ ODBORU

Prague, Malinova ul.

Číslo 218 Pasa.

KABARNA.

Central, Kabanova ul.

Prague Vyšehradská a Šolovova ul.

Воззвание к чехословацким легионерам с призывом поддержать русскую революцию, подписанное Гашеком и Малиной.
Литературоведы, исследующие творчество писателя, считают, что воззвание, перевод которого печатается на следующей странице, написано в мае 1918 года лично Ярославом Гашеком.

ВОЗЗВАНИЕ К ЧЕХОСЛОВАЦКИМ ЛЕГИОНЕРАМ С ПРИЗЫВОМ ПОДДЕРЖАТЬ РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Май 1918 г.

Солдаты-революционеры!

Внутренним областям России — страны, где все мы нашли защиту, страны, которая позволила нам развернуть у себя чешское революционное движение, сейчас угрожают штыки Карла Габсбурга и Вильгельма Гогенцоллерна.

Российская Федеративная Республика Советов, от которой зависит судьба русской и мировой революции, создает Красную Армию и призывает к сплочению своих рядов всех испытанных борцов за права человека.

Чешское войско является большой, организованной на добровольной основе частью революционного войска. Русская революция считает вас своими братьями и помощниками в защите интересов русской революции. Войска австрийских и немецких империалистов стоят на границах республики, подготовленные к вторжению внутрь страны. В то самое время, когда Советская республика оказалась в состоянии мира, но вынуждена с помощью оружия защищаться от своих врагов, когда банды империалистов на юго-западе республики вешают и расстреливают всех ваших товарищей, которым не удалось спастись и которые честно, с оружием в руках сражались до последнего за свободу нашего народа, ваши эшелоны двигаются все дальше от русских границ на восток.

В Екатеринославе войска Вильгельма расстреляли 200 чешских революционеров. В Харькове австрийский военный суд вынес смертный приговор 12 чешским гражданам, состоявшим в организации Отделения Национального совета*.

А вы уезжаете во Францию!

Разве вы не чувствуете, как австро-германская дипломатия радуется вашему отъезду из России? Австро-германские империалисты радуются тому, что им уже больше не придется опасаться ударов от героев Зборова и Бахмача*. И мы открыто заявляем, что ваш отъезд во Францию придает австро-германской дипломатии особую наглость. Ведь вы были одними

из тех, кого они боялись. Они хорошо понимают, что если бы вы остались здесь, то вам удалось бы реорганизовать русскую армию и вы вдохнули бы новый дух в Советы вооруженных революционеров. А вы уезжаете во Францию, где ваши силы не требуются. Вы оставляете Россию! Не кажется ли вам, что вы предаете русскую пролетарскую революцию? Революция, которая сегодня идет по Европе, нужна всему миру. Она охватывает и приводит в движение весь мир с его экономическими, политическими и нравственными проблемами.

Чешская революция является ее частью. Отойти от русской революции — значит ослабить наступательность и размах мировой революции.

Отъезд во Францию ослабляет русскую революцию. Я убежден, что вы, солдаты-революционеры не только первой славной бригады, но и всех дивизий, неоднократно размышляли над этим. Мы призываем вас не поддаваться ложному романтизму. Сегодня вы нужны здесь во много раз больше, чем на фронтах Франции.

Над Российской республикой собираются новые тучи. И мы, чехи, должны быть на страже русских революционных фронтов.

Говорю вам откровенно, солдаты-революционеры! Помогите русской революции! Все, кто с нами согласен, вступайте в наши ряды. Будьте апостолами нового воскресения русской республики. Примкнем к русской революционной Красной Армии.

Нас обманула политика Отделения Национального совета, которая отсрочила созыв солдатского съезда до прибытия во Владивосток, где он, скорее всего, не состоится, а если даже состоится, будет уже поздно. Не дайте себя обмануть красивыми, искусными фразами о вашем значении во Франции. Русский революционный фронт имеет для вас большее значение, и ему мы больше нужны.

Не придавайте значения словам о том, что здесь мир и поэтому нам здесь нечего делать. Мир подписан Германией на бумаге, но ее цель — остановить распространение русской революции. Верьте русской революции, верьте мировой революции, спокойно обдумайте это воззвание к вам. И тот, кто с ним согласится, пусть вступает в чехословацкие отряды при русской революционной Красной Армии.

За Военный отдел по формированию чехословацких отрядов при русской революционной Красной Армии — комиссар Малина.

За Чехословацкую секцию Российской Коммунистической партии (большевиков) — Ярослав Гашек.

Адрес Военного отдела:
Самара. Дворянская, 106,
Отель «Сан-Ремо»

Казарма:
Самара, Кириллов дом,
угол Воскресенской и
Соборной ул.

ВСЕМ ЧЕШСКО-СЛОВАЦКИМ СОЛДАТАМ И ЭМИГРАНТАМ РАБОЧИМ!

Русские революционеры давно и открыто объявляют, что война, как и революция, не знает чужих интересов. Они призывают чехов и словаков к борьбе за свободу.

Тем же, кто хочет остаться в рядах чехословацкой армии, мы предлагаем вступить в ряды Красной Армии. Присоединяйтесь к Чехословацкому Рабочему и Крестьянскому Союзу, который борется за свободу чехов и словаков. Присоединяйтесь к Красной Армии и к Советскому Союзу.

Русские революционеры давно и открыто объявляют, что война, как и революция, не знает чужих интересов. Они призывают чехов и словаков к борьбе за свободу. Тем же, кто хочет остаться в рядах чехословацкой армии, мы предлагаем вступить в ряды Красной Армии. Присоединяйтесь к Чехословацкому Рабочему и Крестьянскому Союзу, который борется за свободу чехов и словаков. Присоединяйтесь к Красной Армии и к Советскому Союзу.

СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ЧЕХОСЛОВАКИИ

русскому революционеры давно и открыто объявляют, что война, как и революция, не знает чужих интересов. Они призывают чехов и словаков к борьбе за свободу. Тем же, кто хочет остаться в рядах чехословацкой армии, мы предлагаем вступить в ряды Красной Армии. Присоединяйтесь к Чехословацкому Рабочему и Крестьянскому Союзу, который борется за свободу чехов и словаков. Присоединяйтесь к Красной Армии и к Советскому Союзу.

Призываем всех Чехов и Словаков

В РЯДЫ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТРЯДОВ ПРИ КРАСНОЙ АРМИИ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВСЕМИРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ЧЕХОСЛОВАКИИ : Союз рабочих Чехословакии :
ОТДЕЛ ПРИ КРАСНОЙ АРМИИ В САРАТОВЕ : ЭМИГРАНТЫ В СЕНЕРЕ.

В Москве находится и в распоряжении имеется на чешском языке Отдел для чехословацких рабочих и крестьян при Красной Армии. Адрес: Москва, ул. Ильинская, № 12. Для справок и т. д. Отдел чехословацких рабочих и крестьян при Красной Армии, Москва, ул. Ильинская, № 12. Для справок и т. д. Отдел чехословацких рабочих и крестьян при Красной Армии, Москва, ул. Ильинская, № 12.

Листовка, обращенная к чехословацким солдатам и рабочим-эмигрантам, написанная Я. Гашеком на русском языке.

Воззвание к чехо-словакам.

БРАТЬЯ!

К вам мы обращаемся в полной уверенности, что вы послушаетесь и исполните наши слова.

Братья! Остановитесь. Вы должны знать, что бой под Самарой, прежде всего, пойдут на пользу врагам Советской власти и иждив.

Советская власть рабочих и крестьян привлекает все силы, чтобы отразить натиск немецкой буржуазии, против которой только и оформирована вся вражда. В те время, как в Чехии вспыхнула революция, а наши братья и сестры идут на смертный бой с империалистическим империализмом, организуя революционные восстания, здесь, в России, мы идете против Советской власти вместе с немецкими бандами.

Товарищи! Вами руководит буржуазия и обманывает вас распространением прозокационных слухов, будто бы Российская Социалистическая Федеративная Республика хочет нас выдворить иждив.

Братья! Неужели вы этому поверите? Помните сколько тысяч русских рабочих и матросов было разстреляно иждивами в Финляндии.

Братья! Остановитесь пока не поздно. Не разрушайте работу Советской власти по организации революционных войск на Волге для борьбы с иждивами, которые хотят уничтожить Россию. Иждивы только и идут того, чтобы вы заняли города по Волге, тогда денутся на Россию и иждивцы пелки и окончательно потубят русскую свободу.

Братья! Помните, что в виду боев хлеб из Сибири не может попасть в Россию и русские рабочие и крестьяне обречены на голодную смерть.

Остановитесь! Ведь вы тоже революционеры, ведь вы в Австрии перемыслили восстание!

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ЧЕХО-СЛОВАЦКОЙ СЕКЦИИ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Воззвание, выпущенное организацией чехословацких коммунистов в Самаре 2 июня 1918 года. Написано Я. Гашеком на русском языке.

Снова на родине



«Если я поеду в Чехию, то не затем, чтобы посмотреть на выметенные пражские улицы или убедиться, пишут ли еще газеты, будто я примазался к коммунизму. Я приеду туда для того, чтобы намылить шею всему прославленному чешскому правительству, и сделаю это с энергией, к которой привык за годы боев нашей 5-й армии с сибирской реакцией покойного адмирала».

Это письмо Я. Гашека председателю Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) Я. Салат-Петрлику датировано 17 сентября 1920 г. А 19 декабря 1920 года Я. Гашек возвратился в Прагу. Обстановка в стране осложнялась: крупная чехословацкая буржуазия прилагала все усилия, чтобы приглушить революционную волну. Непросто складывалась и жизнь Гашека. Но в своем творчестве он оправдывал обещанное в письме.

В его публицистике — анализ противоречий капиталистического общества, разоблачение антинародной политики лидеров буржуазной Чехословацкой республики и агрессивного внешнеполитического курса империалистических держав. Он смело выступает в защиту Страны Советов от нападок и клеветы буржуазной прессы. Острие его сатиры снова направлено на чешских буржуа, обывателей, спекулянтов, лживых писак продажных газет, на систему буржуазных выборов и т. д.

В лучших своих публикациях Гашек по-боевому атакует, наступают. Сказалась большая жизненная школа, которую он прошел в Советской России.

Пребывание в течение нескольких лет на родине Октября наложило отпечаток на все его последующее творчество.

Многое из увиденного и пережитого им в России нашло отражение в ряде материалов, написанных после возвращения в Чехословакию (бугульминский цикл). В присущей ему гротескной форме Гашек рисует

различные ситуации, складывавшиеся во время гражданской войны, мастерски воссоздает картины быта рабочих и крестьян, рассказывает о борьбе командиров Красной Армии с анархизмом и партизанщиной, за мирную жизнь молодой Страны Советов.

ЮБИЛЕЙНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Летом 1918 года в Самаре была создана армия контрреволюционного Учредительного собрания*, руководители которого позже, к зиме, были повешены или другим путем отправлены на тот свет адмиралом Колчаком.

В ту пору в Самарской губернии наливалась пшеница и приближался сенокос. В Самаре чрезвычайные полевые суды выводили из тюрем рабочих и работниц и расстреливали их за кирпичными заводами. В городе и окрестностях рыскала контрразведка нового контрреволюционного правительства, которое поддерживали купцы и чиновники, снова повыползавшие из своих углов и развлекавшиеся доносами.

В это трудное время, когда мне на каждом шагу угрожала смерть, я счел за благоразумное податься в Большую Каменку, лежавшую на северо-восток от Самары. Там живет часть поволжской мордвы. Это очень добродушные и наивные люди. Мордва сравнительно недавно была обращена в христианство и поэтому еще сохранила здоровые языческие обычаи; собственно, и христианство-то они приняли только для того, чтобы не иметь хлопот с царскими приставами. Прежде у них было великое множество богов, но православная церковь сократила их количество до трех, поэтому «батюшка» не пользовался у них большой любовью, и, когда произошла революция, они в одной волости, например, утопили всех «батюшек» вместе с дьячками.

I

Когда я бежал из города курсом на северо-восток, по дороге меня догнала крестьянская подвода, на которой сидел мордвин.

— Куда путь держишь, милый человек? — окликнул он меня, останавливая подводу, доверху нагруженную капустой.

— Да так себе, — ответил я, — прогуливаюсь.

— Вот и ладно, — многозначительно произнес мордвин. — Гуляй, гуляй, голубок. В Самаре казаки народ режут. Садись-ка на телегу да поедем дальше. Страшные дела творятся в Самаре. Везу это я на базар капусту, а навстречу мне лукашевский Петр Романович из Самары едет. «Вертайся, — говорит, — назад, казаки возле Самарских дач у всех капусту забирают. У меня все взяла, а соседа Дмитриевича зарубили. «Смилуйтесь, братцы, — говорит он им, — негоже православных посреди дороги грабить. Мы на базар едем». А казаки ему: «Теперь наше право, — и стащили с телеги. — Видали, — говорят, — сволочь какая, наверняка, — говорят, — в сельском Совете служит».

Мордвин пристально посмотрел на меня, и в его глазах я прочел, что он совершенно убежден в том, что и я бегу оттуда.

— Да,— начал он осторожно,— хорошую погодку выбрал ты себе для прогулки. Ну, ничего, у мордвинов переждешь, пока эта заваруха кончится. Народ натерпелся вдоволь, а теперь у нас земля, поле есть, только помещики, значит, да генералы снова хотят над нашим братом командовать, измываться. Так что ты гляди, с кулаками держи ухо востро. Дня через два-три сюда разъезды оренбургских казаков заявятся. Наши сказывали, их уже видали под Бузулуком. А с той стороны какие-то к Ставрополю тянутся. По ночам артиллерию слышать и зарево большое от пожаров видно. Ладно, давай закурим, у меня махорка есть.

Он достал холщовый кисет с махоркой, вынул из него бумагу, мы скрутили себе сигарки и продолжали разговор.

— А ты из каких мест будешь?— спросил крестьянин.— Издалека?

— Издалека, дяденька.

— А у вас тоже бои идут?

— Нет, у нас тихо, спокойно.

— Понятно, заскучал, значит, там. А тут теперь ничего другого не остается, как бежать. Кабы б тебе удалось за Волгу перебраться... Там ни купцов, ни генералов с помещиками. Большую силу собирают там против этих, самарских. Ты не беспокойся, голубок, к вечеру до места доберемся, я тебе одежонку дам мордовскую. И лапти дам, а утром пойдешь себе в Большую Каменку. Еды себе расстарайся. Приобвыкнешь, а потом глядишь, и к своим доберешься.

II

На другое утро, когда я продолжал свой путь дальше на северо-восток, меня было не узнать. К полудню я дошел до какой-то татарской деревушки, миновал ее, но за околицей меня догнал татарин и коротко спросил:

— Бежишь?— После такого вступления он сунул мне в руки каравай хлеба и повернул обратно, напутствовав словами:— Салям алейкум!

Примерно через полчаса меня догнал другой татарин из этой же деревни и на невероятно ломаном русском языке предупредил, чтоб я не шел по дороге, а возле леса свернул по оврагу к речке, а потом поднялся вверх по берегу...

При этом он все время повторял:

— Казаки, дорога, есть, казаки, коя барасин¹.— На прощанье он протянул мне пачку махорки, коробок спичек и газету на сигарки, прибавив:— Татар бедная, генерала сволочь, генер кихнет.

¹ Куда идешь (тат.)

Я съел хлеб в овраге над рекой, на опушке небольшой рощицы.

Возле меня, в траве, повторялись самарские события. Жирный муравей-воитель пожирал маленького муравьишку, который полминуты назад еще тащил кусок коры на совместную стройку нового жилища.

К вечеру того же дня я добрался до Большой Каменки. Войдя в крайний дом, я поклонился перед висевшей в углу иконой, поздоровался с хозяевами и подсел к столу. На столе стояла большая миска салмы, картофельной похлебки, в которой плавали клецки из белой муки и накрошенный зеленый лук. Хозяйка принесла деревянную ложку, положила ее передо мной и пригласила поужинать с ними. Хозяин придвинул ко мне хлеб и нож. Никто меня ни о чем не спрашивал. Круглые добродушные лица мордвинов не выражали никакого особенного любопытства.

Когда мы поели, хозяин объявил мне, что я буду спать на сеновале.

Только после этого завязалась беседа:

— Издалека будешь?

— Издалека, хозяин.

— Бежишь? Сразу видно, что бежишь: ни онучи толком закрутить не умеешь, ни лапти лыком подвязать по-нашему. Не скроешь, милый человек, что из Самары убежал. Кирпичи делать умеешь?

На всякий случай я сказал, что умею.

(На этом рукопись обрывается.)

1921 г.

КАК Я ВСТРЕТИЛСЯ С АВТОРОМ НЕКРОЛОГА ОБО МНЕ

За мое 5—6-летнее пребывание в России я был несколько раз убит различными организациями и отдельными лицами*.

Вернувшись на родину, я узнал, что был трижды повешен, два раза расстрелян и один раз четвертован дикими повстанцами-киргизами у озера Кале-Ышела.

Наконец, меня окончательно закололи в дикой драке с пьяными матросами в одесском кабаке. Эта версия мне кажется самой правдоподобной.

Правдоподобной казалась она и моему доброму другу Гольману, который, найдя очевидца моей позорной и в то же время геройской смерти, написал об этом так неприятно окончившемся для меня событии целую статью в своей газете.

Он не ограничился небольшой заметкой. Его доброе сердце принудило его написать обо мне некролог, который я прочел вскоре по своем возвращении в Прагу.

Будучи уверен, что мертвые из гроба не встают, он весьма элегантно выругал меня в этом некрологе.

Чтобы убедить его в том, что я жив, я пошел его искать—так возник этот рассказ.

Даже Эдгар По, мастер кошмаров и ужасов, не мог бы придумать более страшного сюжета.

*

Автора своего некролога я нашел в одном из пражских винных погребков, как раз в двенадцать часов, когда, согласно какому-то императорскому предписанию от 18 апреля 1856 года, закрываются винные погребки.

Он смотрел на потолок. Со стола убрали залитые скатерти. Я присел к его столику и спокойно спросил:

— Разрешите? Здесь не занято?

Он все еще обзирал заинтересовавшее его место на потолке и ответил вполне логично:

— Пожалуйста. Как раз закрывают, думаю, что вам безразлично, свободно или занято.

Я взял его за руку и повернул к себе. Он минуту молча смотрел на меня и наконец шепотом спросил:

— Простите, вы не были в России?

Я засмеялся.

— Вы меня только теперь узнали? Я был убит в России в одном грязном кабаке в дикой схватке с пьяными матросами.

Он побледнел.

— Вы... вы...

— Да,—сказал я ему твердо,—я был убит в корчме в Одессе матросами, и вы посвятили мне некролог.

Он чуть слышно прошептал:

— Вы прочли, что я о вас писал?

— Ну, конечно, некролог очень интересный, если отбросить некоторые небольшие недоразумения. Он только длинноват. Даже когда умер государь император, ему не отвели столько строчек. Ему ваш журнал посвятил 152 строчки, а мне 186, по 33 геллера за строчку—как нищенски прежде платили журналистам!—что всего составляет 55 крон и 15 геллеров.

— Что вы, собственно, от меня хотите?—спросил он испуганно.—Хотите эти 55 крон и 15 геллеров?

— Оставьте этот заработок себе,—ответил я,—мертвые не берут гонораров за некрологи о себе.

Он побледнел еще больше.

— Знаете что,—сказал я непринужденно,—заплатим и пойдем еще куда-нибудь. Я хочу провести эту ночь с вами.

— Нельзя ли это отложить хотя бы на завтра?

Я пристально посмотрел на него.

— Счет!—крикнул мой собеседник.

Позвав на углу извозчика, я предложил сесть автору своего

некролога в фиакр и гробовым голосом сказал извозчику:

— Везите нас на Ольшанское кладбище.

Автор моего некролога перекрестился.

Долго царила томительная тишина, нарушаемая только хлопанием бича и фырканием лошадей.

Я наклонился к своему спутнику:

— Не кажется ли вам, что где-то в тиши Жижковских улиц завывали собаки?

Он задрожал, приподнялся и спросил, заикаясь:

— Вы действительно были в России?

— Убит в корчме в Одессе в драке с пьяными матросами,— ответил я сухо.

— Иисус Мария,— отозвался мой спутник,— это ужаснее, чем «Свадебные рубашки» Эрбена*.

И опять наступила томительная тишина... Где-то действительно завывали собаки.

Когда мы очутились на Страшницком шоссе, я предложил своему спутнику расплатиться с извозчиком. Мы стояли во тьме Страшницкого шоссе.

— Скажите, пожалуйста, нет ли здесь какого-нибудь ресторана?— обратился ко мне безнадежным и жалобным тоном автор некролога.

— Ресторан?— засмеялся я.— Мы сейчас перелезем через кладбищенскую стену и поговорим где-нибудь на могильной плите об этом некрологе. Лезьте вперед и подайте мне руку.

Он молча подал мне руку, и мы соскочили на кладбище. Под нами затрещали сучья кипариса. Ветер меланхолически шумел между крестами.

— Я дальше не пойду!— сорвалось с уст моего приятеля.— Куда вы хотите меня утащить?

— Сегодня,— весело сказал я, поддерживая его,— мы пойдем посмотреть на склеп старого пражского семейства Бонепиани. Совершенно заброшенный склеп в 1-м отделении, 6-й ряд, у стены. Заброшенный с того самого времени, как в нем похоронили последнего потомка, которого привезли в 1874 году из Одессы, где он был убит матросами в корчме во время драки.

Мой спутник вторично перекрестился.

Когда мы уселись на надгробную плиту, покрывавшую прах последних потомков пражских горожан Бонепиани, я взял осторожно автора своего некролога за руку и произнес тихим голосом:

— Дорогой друг! В гимназии преподаватели учили вас прекрасному, благородному правилу: о мертвецах ничего, кроме хорошего! Вы же отважились написать обо мне, мертвце, всякие мерзости. Если бы я сам писал о себе некролог, я написал бы, что ни одна смерть не оставяла такого тяжелого впечатления, как смерть господина такого-то! Я написал бы: «Самой крупной заслугой умершего писателя была его любовь к добру, ко всему, что свято для чистых душ». Вы же написали,

что умер жулик и комедиант! Не плачьте! Бывают моменты, когда сердце бурлит от желания описать самое прекрасное из жизни умерших. Но вы... написали о том, что покойный был алкоголиком.

Автор моего некролога зарыдал еще сильнее, его скорбные рыдания разносились по тихому кладбищу и терялись где-то вдали у еврейских печей.

— Дорогой друг,—сказал я решительно,—не плачьте, теперь уже ничего не исправишь...

Сказав это, я перепрыгнул через кладбищенскую стену, подбежал к будке кладбищенского привратника, позвонил к нему и заявил, что, возвращаясь с ночной работы, я слышал за кладбищенской стеной первого отделения плач.

— Это, наверно, какой-нибудь нализавшийся вдовец,—цинично ответил привратник,—мы его арестуем.

Я ждал за углом. Приблизительно через десять минут ночные сторожа вели к кладбища автора моего некролога в участок. Он упирался и кричал:

— Сон это или действительность?! Господа, вы знаете «Свадебные рубашки» Эрбена?

1921 г.

БУРЖУЙ РАМЗЕЛИК

С паном Рамзеликом я познакомился не в большевистской России. Пан Рамзелик даже не знал, что я был в России. Он и не подозревал, что я советский комиссар, а мои честные карие глаза внушили ему полное доверие ко мне. Познакомились мы, когда я, выйдя на полустанке в лесу, спросил пана Рамзелика, как пройти в Баланово. Пан Рамзелик медленно поднял голову и сказал:

— Я из Баланова.

День был жаркий, и я присел в тень около пана Рамзелика. Скоро я узнал все его анкетные данные и через полчаса стал его приятелем. А еще через полчаса он пригласил меня на свою виллу, и мы отправились в путь.

— То-то старуха удивится, что я не подождал ее. Понимаете, здесь у нас вообще-то спокойно, но мало ли что может случиться. У меня, видите, золотая цепочка, ношу цилиндр, издали видно, что идет господин. Каждому известно, что у меня вилла. Она единственная в Баланове. Поэтому через лес я никогда не хожу один. Это не так-то просто. Вот и приказываю я жене выходить мне навстречу. Если бы она не пришла, а вы случайно не направлялись в Баланово, я остался бы на полустанке. Наказал бы ее. Через час идет поезд на Илове. Купил бы я билет до Илове. Пошел бы там на почту и послал телеграмму: «Старуха, я в Илове». Завернул бы в трактир и сидел там, пока она не приехала за мной. Я не робкого десятка.

Нет. Явись сюда большевики, я защищал бы свое имущество и стрелял бы в них, псов, покуда этот сброд не издох бы. В политике я разбираюсь, как никто. Посмотрите на царскую Россию. Что было? А что сейчас? Вот я и говорю: «Старуха, встречай меня. Я через лес один не пойду!»

— А как ваша жена? Вы не боитесь, что на нее кто-нибудь нападет, к примеру, вон в той лощинке, в тени густых елей?

— Да что вы,—засмеялся пан Рамзелик.—Кому нужна старуха! Старуха—старуха и есть. Да она, если надо, и в 4 часа утра в лес пойдет. Знаете грибников? Не то чтобы нам грибы были нужны, у нас вилла, держим поросят, двух коз, одежды у нас на несколько тысяч, белья на столько же, золото, серебро. Есть и поле, куры, вилла красивая, с верандой. На одной стороне комната и кухня, и на другой—комната и кухня. Там у нас квартиранты. Бедняки, но женщина порядочная, знает свое место. Придет ко мне в сапожную мастерскую и так вежливо попросит: «Пан хозяин, будьте добры, почините мне ботинки». Придет к жене в кухню: «Пани хозяйка, попробуйте малины».

Вообще люди здесь меня уважают. Пражанина сразу видно, им это лестно. Живет здесь одна голытьба. Против меня зуб у них, потому что я из Голешовиц, в жизни кое-что повидал и здесь вот виллу заимел. Знают, что, вздумай я ее продать, так до конца дней ни я, ни моя старуха может пальцем не шевельнуть. Кругленьких 30 тысяч получили бы. Да кабы эти деньги имели прежнюю стоимость. Во всем социалисты виноваты. Вот если бы их не было! Подметка—30 крон, каблук—5. Человек мог бы жить, есть цыплят—жареных, вареных и пареных. Да не тут-то было. Никто работать не хочет. За яичко просят 50 крейцеров, за все приходится платить: за кофе, за уксус, за каждую ерунду. Спекулянты и большевики! Один для другого ничего не сделает. Благодеяний и в помине нет. А любовь к ближнему! Сироту никто не пригреет. А на буржуя каждый плюет. Кто призрел сироту в Баланове, парнишку той потаскушки, что служила у крестьянина Гампейза? Какой-нибудь аграрник или социалист? Нет, не аграрник, не социалист. Это сделал буржуй, хозяин это сделал—пан Рамзелик. Приютил сироту.

Приучаю его работать и говорю: «Ты не для меня это делаешь, а для себя. Трудись. Погляди на меня. Я не вечно буду жить. Погляди на мою старуху. И она не вечна. Старайся и будь прилежен, носи воду, паси коз, ходи в лес за дровами, коси траву. Делаешь все для себя. Я что-нибудь с этого имею? Ничего. Я мог бы взять служанку, платить ей 10—20 гульденов. Мне это нипочем, у меня не убудет. А что бы стало с тобой? Завяз бы в трясине, захлебнулся бы в волне социализма. Для себя трудисься. Погляди. Вилла—словно замок, в хлеву поросята, две козы. Ухаживай за ними как следует, кому это достанется? Вырастешь, окрепнешь, станешь мужчиной. Не пропадешь в жизни».

Однако благодеяния, дорогой пан, не вознаграждаются.

Думаете, Лойза нам благодарен и за любовь нашу платит любовью? Лентяй он. Будишь его в 4 часа, чтобы шел за грибами,—плачет. В 11 часов вечера есть просит. Ему нипочем лечь в постель с полным желудком. Ничего не понимает в гигиене. Да еще разборчивый. Наша картофельная похлебка ему уже приелась. А какая похлебка! Старуха заправляет ее мукой, кладет свежие грибы, чеснок. А картошка! Я, дорогой пан, до смерти люблю картошку. Вот мы и едим ее каждый день. Не потому, что я не мог бы позволить себе что-нибудь господское, нет. Не в этом дело. Подметка—30 крон, каблук—5. Две козы в хлеву, молока хватает. Грибы Лойза приносит. Дрова мы не жалеем. Лойза их наносит, затопим печь, наедемся досыта, и сиротка у нашего очага греется. Хотя мы и городские, но встаем рано. В 4 часа, с жаворонком. Пример парнишке показываем. Иногда стрелки на часах перевожу, чтобы Лойза пораньше в лес пошел. На рассвете грибов больше найдет. Ранняя пташка носок прочищает, а поздняя глазки продирает. Да мы со старухой уже не пташки. Нам встать спозаранку трудно. Что поделаешь! Ну, мы еще подремлем малость. Мы люди старые да и городские. Нам ни к чему спину гнуть. Но люди мы работающие. Старуха помогает крестьянам в поле и по хозяйству. Иной раз вместо себя Лойзу пошлет. Паренек молодой, и сила, конечно, другая. Однако мальчишка огорчает нас, ох, как огорчает. Придется, видно, отправить дармоеда. А зимой ему почти делать нечего. Да еще отвечай за него. Обленился может, распустится. Молодое тело должно быть в движении. А зимой у него работы нет. Нам и самим-то зимой нечего делать. За козами квартирантка ходит, я не спрашиваю, нравится ей это или нет. В другом месте ей квартиры не найти. Радоваться должна, что мы себя ограничили и дали ей две комнаты. Я бы тоже мог жить на широкую ногу и завести салон. Купить бы фортепьяно, письменный стол, набожную картину повесил. Но зачем? Пусть бедная женщина имеет хорошую квартиру. Ей и во сне не снилось, что на старости лет будет жить в вилле.

Мы вышли на опушку леса. Перед нашим взором раскинулась прелестная деревушка. Благоустроенные усадьбы, красивые домики. Пан Рамзелик махнул рукой и показал на домик, стоящий на другом конце деревни.

— Вот наша вилла. Ни у кого здесь нет виллы, это единственная.

Он забыл, что пригласил меня, и сердечно пожал мне руку. Мы распрощались. Я стоял на лесной опушке и смотрел вслед пану Рамзелику. Я не видел, как покачивалась золотая цепочка, но блеск его цилиндра был роскошен.

Он свернул за угол, а я зашел в трактир. Меня согривало сознание, что, сопровождая по лесу пана Рамзелика, буржуя и благодетеля, я охранял его.

1921 г.

ИЗ ДОРОЖНОГО ДНЕВНИКА МАРШАЛА ПИЛСУДСКОГО

С польского оригинала перевел Ярослав Гашек

Предисловие переводчика

С заключением франко-польского договора значительно продвинулось вперед выяснение чехословацко-польских отношений и четко определилась наша французская ориентация. Сенсационные заявления маршала Пилсудского в связи с этим, сделанные в Париже, сопровождались различными толками по этому поводу в европейской и американской прессе. Вступление французской внешней политики в новый этап получило отклик не только на страницах наиболее крупных газет во всем мире, но и в самых широких кругах населения, прежде всего — в Тешинской области*.

Я далек от того, чтобы пускаться в разбор международной политики, и перевожу для читателя всего лишь некоторые отрывки из дорожного дневника маршала Пилсудского. Ради интереса сообщаю, что перевод сделан с оригинала дневника, который попал в руки переводчика чисто случайно из-за необъяснимого стечения обстоятельств, которые останутся тайной для публики. Могу сообщить лишь, что маршал Пилсудский потерял свой дневник на обратном пути из Парижа в Варшаву. Я убежден, что после опубликования перевода он будет весьма обрадован тем, что его дневник не попал в плохие руки и что публикация его содержания будет способствовать упрочению чехословацко-польских отношений. Дневник написан простым повествовательным слогом. Хотя он и не обладает особыми беллетристическими достоинствами, тем не менее в каждой его фразе выражено откровенное мышление польского пана. Предисловие к переводу я заканчиваю эпиграфом, который использовал польский писатель Вацлав Серошевский* в начале своей книги о маршале Юзефе Пилсудском: «Хотя его прошлое против него говорит, его ждет победа после смерти».

Первая страница дневника

Варшава

Снова я еду за границу. Оставляю на время Варшаву. Из Варшавы я выезжал в последнее время уже несколько раз. Однажды, когда под Варшавой были большевики. Тогда я ехал в Англию к Ллойд Джорджу. Родился я в ноябре 1867 года в Жулёве в поместье Михайловских, которое в период властвования москалей я с горя проиграл в карты. Ношу перчатки 16 размера и воротничок 41 размера¹. В детстве мы часто

¹ Вышеприведенные рассуждения весьма типичны для маршала Пилсудского. Об этом писали и французские газеты во время визита Пилсудского в Париж. Они также отмечали, что он очень любит вспоминать эпизоды из своей жизни. — *Прим. автора.*

собирались тайно в нашем доме и разрабатывали планы, направленные против москалей. Еще и сейчас у меня сохранились в памяти слова из песни, которую мы пели: «Будет Польша называться Госпожой». Этой поездки я боюсь. Боюсь, что французы еще не забыли, как я верой и правдой служил Австрии и Германии с 6 августа 1914 года вплоть до революции 1918 года*, когда я перешел на сторону Антанты. Боюсь упоминания во французских газетах о том, что я приветствовал кайзера Вильгельма в Варшаве. Но больше всего я боюсь Англии. Если память мне не изменяет, с англичанами я также договорился, что с нами в союзе будут только они. Когда я был последний раз в Лондоне, я подписал соглашение, по которому Англия и Польша договорились о совместной акции, направленной на улучшение хозяйственного положения, и что в случае войны Польша выступит со своими вооруженными силами на защиту справедливых интересов Англии. После этого я взял в долг один миллион фунтов стерлингов. Сегодня я направляюсь во Францию, чтобы заключить франко-польский договор. Тем самым нарушается договор с Англией, но делать нечего — пусть чехи злятся. Пускай они не думают, что они будут делать политику в Центральной и Восточной Европе. Да поможет мне в этом Иисус Христос и святая дева!

Вторая страница дневника

Сегодня я отбыл из Варшавы после торжественного богослужения, которое совершал сам архиепископ. Отведал тела святой девы. По этому случаю состоялся прощальный банкет с членами правительства. Председатель совета министров взял у меня в долг тысячу польских злотых. Прежде чем я на поезде пересек границу Польши, на последней пограничной станции отслужили полевую обедню, и кое-кто из присутствовавших мне отдал на память свои сабли. Таких сабель, врученных мне на память, у меня уже около шестисот. На границе я прочитал газету «Варшавский курьер» и узнал, что польская армия снова отступает.

Третья страница дневника

Залита красным вином и текст прочитать невозможно. Сохранилась лишь одна надпись: Париж, Мулен-Руж.

Четвертая страница дневника

Париж

Прошло все очень хорошо. Не говорилось ничего ни об Англии, ни о том, что я помогал Австрии и Германии, ни о кайзере Вильгельме. Французы элегантны и галантны —

настоящие поляки Запада. Приняли все мои условия:

1) после моего пребывания вести обучение во всех школах Франции лишь на польском языке;

2) предоставить концессии польским колбасным фирмам на производство польской салями;

3) дать указание всем французским ежедневным газетам, чтобы они опубликовали статьи о том, что чехи проводят проавстрийскую политику;

4) подписать лишь такой франко-польский договор, который бы сломал хребет чехам.

Было там еще несколько пунктов, содержание которых у меня вылетело из головы. Однако среди всего другого я требовал, чтобы доктор Бенеш был изгнан из Парижа. Это требование было отвергнуто под тем предлогом, что я требую слишком много за один раз. Со своей стороны я обещал Франции, что мы постараемся улучшить ее экономическое положение, что поляки сделают все, что в их силах, для Франции, чтобы она достигла положения великой державы. Как только вернусь в Варшаву, пошлю в Париж министра финансов. Как я лично убедился во время пребывания в Париже, нам что-нибудь дадут в долг. От Англии мы уже раньше кое-что получили, теперь же мы снова в хороших отношениях с Францией и противостоим Англии. Как только к нам поступят деньги, поеду в Америку, подпишу новый американо-польский договор, получу снова заем и снова буду выступать против Франции. Затем я обдумываю возможность заключения японо-польского договора против Америки. После Англия мне это простит, и я смогу завязать с ней новые связи и получить новые займы.

Пятая страница дневника

Я побывал в трех костелах и на шести банкетах. Завтра возвращаюсь в Варшаву. Французы чрезвычайно интеллигентная нация, и даже трехлетние дети в Париже превосходно говорят по-французски.

Последние страницы дневника (с 6 по 20) были украдены у переводчика из пальто в одной кофейне.

1921 г.

ЦЕПНАЯ ТОРГОВЛЯ САХАРИНОМ

Личности, которые упоминаются здесь,— исторические, а приводимый нами случай вызовет у каждого читателя грусть и сострадание. Автор руководствовался при этом искренним стремлением создать правдивую и живую картину описываемых событий.

Закон 1899 года запрещал продажу сахарина и соответственно его контрабандный ввоз и тайную продажу. За это наказывали строже, чем за отцеубийство или государственную измену, поджигательство или сокрытие убийцы.

Однако контрабандистов не коснулся этот истребительный процесс, и число их год от года росло. Они вступили в первую мировую войну несломленными, с твердой уверенностью, что в Чехии всё будут подслащивать сахарином. Это проводилось ими в жизнь со всей последовательностью.

Сласти из кукурузной муки, жареных желудей и даже кофейный торт Мокко приготавливались на сахарине. Производители содовой воды и лимонада подслащивали свои прохладительные напитки исключительно сахарином, впрочем, как и многие производители ликеров. Сахарин прошествовал победным путем и в кофейни. Становились все более мизерными кусочки сахара, подаваемые к кофе, и некоторые владельцы кафе заявляли, что кофе подслащивается прямо на кухне еще в то время, когда он варится.

Это было прибыльным занятием. Один килограмм сахарина стоил в Швейцарии 8 франков и 50 сантимов, а здесь его продавали во время войны за 3000 крон. И предприниматели росли как грибы после дождя. Самые солидные люди занимались его продажей. Политики, ученые, служители искусства и высокопоставленные чиновники. Сеть заговора против сахара оказалась разветвленной во всех слоях общества. На пути бедного сахара стояли лишь враги и заговорщики.

Встречаясь на улице, они подавали друг другу тайные знаки пожатием рук и подмигиванием. И о самых достопочтенных людях нельзя было в то время сказать с уверенностью, что они не торгуют сахарином.

*

В ту пору встретил на улице пана Ауэра пан Вензиг.

— Франта,—сказал он,—предлагаю тебе выгодную торговлю. Имею отличный сахарин, в шестьсот раз слаще, чем сахар. У меня он в оригинальных пакетиках по осьмушке, четыреста крон за штуку. Смотри, какие великолепные этикетки, а вся упаковка — красота, да и только!

Пан Ауэр заявил, что такая фирма по производству сахарина в Швейцарии ему неизвестна, и выразил изумление по поводу того, что в продаже уже появился сахарин в шестьсот раз слаще сахара.

— Франта,—произнес далее с воодушевлением пан Вензиг,—честное слово, я не обманываю. Это такой сахарин! Ничего подобного ты еще не видел. У нас он химически очищенный. Скорее пойдем со мной, я тебе дам на пробу два пакетика по осьмушке килограмма в оригинальной упаковке.

Пан Ауэр захотел убедиться в его качестве.

— Не делай, Франта, глупостей,— сказал пан Вензиг,— тот господин, у которого я этот сахарин достал, предупредил меня, чтобы я не нарушал упаковку: поскольку сахарин такого сорта в шестьсот раз слаще сахара, он пропитывается влагой и портится. Это проверено химическим путем.

Пан Ауэр пошел на Смихов и продал один пакетик знакомому кондитеру, который из гуммиарабика, сахарина и красителя из свеклы изготавливал малиновые конфеты.

На обратном пути он встретил предпринимателя из провинции, производившего содовую, который незадолго до этого ему писал, что у него нет ничего для подслащивания. Он выразил искреннюю радость по поводу сахарина, взял пакетики и заявил, что закупает все.

Когда пан Ауэр возвратился к пану Вензигу, тот ему сообщил, что у него этого прославленного сахарина 10 килограммов. «Только что получил для продажи новую партию!»

За следующие три дня пан Ауэр продал сахарин одному хозяину кофейни. Через ее владельца ему заказал пакетик сахарина в осмюшку один производитель настоящих медовых марципанов. Потом пан Ауэр попал со своим сахарином к фабриканту повидла и варенья, который загорелся идеей делать повидла и варенья из картофельной кожуры и сахарина. За четыре дня было заключено еще несколько подобных сделок, причем пан Ауэр повторял каждому покупателю слова пана Вензига относительно высокого качества сахарина: «У нас он химически очищенный и проверенный. Это самый сладкий сахарин в мире».

На пятый день торговли самым сладким в мире сахарином пан Ауэр проснулся утром от оглушительных ударов в дверь.

Когда он открыл, в комнату ворвался предприниматель из провинции, производивший содовую.

— Пан, вы меня убили с вашим сахарином!— кричал он.— Это никакой не сахарин, это смесь соды, глауберовой соли и чуть-чуть размолотого сахара. Я вам поверил, что у всего этого сладость в шестьсот раз большая, чем у сахара. Я погиб, я провалился! Я засыпал этот так называемый сахарин в целую партию малинового и лимонного напитков, и покупатели мне все это возвратили назад. Вы погубили всю мою торговлю!

Пан Ауэр ответил, что он чрезвычайно удивлен, ведь его сахарин химически очищен и проверен. Фабрикант же, напротив, утверждал, что этот сахарин не только не сладит, но, наоборот, делает воду горькой. Для доказательства он привез с собой по бутылке лимонного и малинового напитка. Они действительно имели вкус морской воды.

— Это страшное недоразумение,— вздохнул пан Ауэр,— пойдем сейчас же к тому господину, от которого я получил этот

сахарин, и сделаем пробу.

Они пошли к пану Вензигу. Фабрикант содовой всю дорогу повторял, что он разорен.

— Слушай,— без всякого вступления сказал пан Ауэр пану Вензигу,— свари черный кофе, чтобы мы могли этот сахарин химически исследовать. По всему видно, что это глауберова соль, гипс, сода, мука и еще черт знает что!

— Это невозможно, Франта, к упаковке не смей прикасаться, но если ты думаешь, что здесь какая-то «ловушка», так и быть, я пожертвую на это осьмушку.

Сварили черный кофе, и испытание его с самым лучшим в мире сахарином привело к такому результату, что не подслащенный им кофе был бы примерно на пятьдесят процентов менее горьким, чем тот, который подслащивался сахарином, имевшим в шестьсот раз большую сладость, чем сахар.

— Признавайся!— требовал пан Ауэр от своего поставщика.

Пан Вензиг заявил, что он ничего не знает, что он получил несчастный сахарин от одного очень солидного торговца «У Петра» в Праге, что у него еще имеется новых 15 килограммов.

Во время этого разговора фабрикант содовых вод удрученно сидел на кушетке и повторял: «Мое имущество пойдет с молотка». Пан Вензиг взял в маленький чемоданчик весь свой запас сахара, и все вместе они пошли к солидному торговцу «У Петра». На лестнице встретили кондитера, владельца кофейни и производителя настоящих медовых марципанов, которым пан Ауэр продал за последние дни сахарин, неописуемый по своей сладости.

Все были взбешены. Малиновые конфеты кондитера годились бы вместо клея переплетчикам, медовые пряники и марципаны второго господина были из совершенно горького теста и могли бы с успехом применяться как слабительное. Жалким было положение и владельца кофейни. Его хотели отправить в сумасшедший дом, поскольку он убеждал посетителей, что горький кофе, который он подавал гостям, уже подслащивали на кухне.

Все жаждали реванша и примкнули к процессии. Когда они явились к солидному торговцу «У Петра», первым на него набросился пан Вензиг.

— Эй, парень, возвращаю тебе это назад, ты нас подвел. Вари черный кофе...

В результате нового эксперимента было установлено, что сахарин, который предлагал и поставлял солидный торговец из Праги, представляет собой какую-то немыслимую смесь.

— Господа,— заявил торговец, выплевывая изо рта противную горечь,— я ни за что не отвечаю, я был убежден, что все это проверено химиком. У меня есть этого вещества еще 5 килограммов, оно от Оскара из Вршовиц.

Когда они явились к Оскару, тот встретил их чрезвычайно любезно:

— Так вы пришли еще за одним килограммом? У меня осталось еще восемь!

Услышав, что его считают мошенником, он громко расхохотался.

— Если это надувательство, то я не могу, господа, ничего поделывать. Я получил это от одного художника «У Вальдеса», как раз за углом. Пойдемте к нему. Но он очень нервный человек...

И он не обманул компанию. Когда на стол художнику высыпали весь сахарин, тот начал кричать:

— Иезус Мария, господа! У меня есть еще на 6000 крон. Я готов сойти с ума. Мне это дал владелец одной типографии. Я ему покажу, этому мистификатору и мошеннику!

Владелец типографии встретил их очень скромно. Первым делом выслушал от художника, что он злодей и прохвост и что о нем плачет тюрьма.

— Господин,— кричал художник,— вы виноваты, ибо печатаете этикетки! Я это сейчас понял. Вы нам дадите расписку, что возместите весь ущерб, который мы понесли с этим вашим проклятым сахарином!

— Я готов подписать все,— отвечал владелец типографии,— но хочу сообщить вам, что этот сахарин я приобрел у некоего агента Елинека. Не знаю, где он живет, мне известно лишь, что каждый день после обеда он находится в кофейне Арко.

Вызванный пан Елинек прервал брань художника, который производил больше всех шума, и схватился за голову:

— Я уже, господа, знаю о том, что это мошенничество. Только вчера меня отколотил один кондитер, делающий вафли и трубочки с кремом, которому я это продал. Если вы, господа, хотите что-нибудь подобное сделать, то прошу вас уйдем с прохода, чтобы не было публичного скандала, но, уверяю вас, я невиновен. Я это получил от Гёрла из Жижкова.

— Хорошо,— заявил художник.— Мы пойдем к тому пану Гёрлу, но ему будет худо.

Им открыл дверь элегантно одетый господин и попросил, чтобы они подождали в прихожей, поскольку у него в комнате беспорядок. Но, узнав среди присутствовавших пана Вензига, предложил пройти в квартиру.

— Чем могу служить, господа?— спросил он приветливо.— Прощу садиться.

— Господин,— обратился к нему художник,— вы — негодяй, вы — мошенник, вы — прохвост и мерзавец! Вы всех нас обокрали!

— Господа,— невозмутимо произнес пан Гёрл,— ведите себя прилично и спокойно, вы в моем доме. Да, это я вас подвел. Этот продукт идет от меня. Я его произвел.

— Вы... мошенник... Мерзавец... Это подлость... Подлец...

— Господа,—сказал с тем же спокойствием пан Гёрл,—я уже всем вам однажды сказал, что вы в моем доме и должны вести себя спокойно и прилично. Я полностью признаюсь, что произвожу это один. Могу вам сказать, что действительно занимаюсь мошенничеством. Один это делает одним способом, другой—по-другому, я придумал этот путь, чтобы добыть деньги. Если вы мне угрожаете доносом, то как вам будет угодно. Вы окажетесь вместе со мной. Я буду продавать под видом сахара все, что захочу. Если сейчас кто-то из вас орал, что в нем гипс, то это правда. Я клал его туда. Также муку, поваренную и глауберову соль, известь. Вообще кладу то, что у меня под рукой. Сейчас буду класть мел, чтобы вы знали. И больше мне с вами не о чем говорить. Здесь останется только пан Вензиг, я его знаю, он приличный господин, а остальные господ прошу уйти, поскольку сегодня я должен произвести новую партию моего сахара. Вы сели в лужу, а поэтому позвольте мне, чтобы и другие поймались на эту удочку.

У господина Гёрла остался один Вензиг, которому пан Гёрл предложил сигарету. Минуту они сидели молча. В конце концов пан Гёрл сказал:

— Вы очень порядочный человек, поэтому мы могли бы работать вместе. Я, по правде говоря, не хочу, чтобы вы все потеряли. Дам вам за десять килограмм моего сахара полкилограмма настоящего, так что ущерб, нанесенный вам, составит всего лишь 3000 крон. Не хотите ли еще сигарету?

Пан Вензиг отдал десять килограмм старого товара и принес домой полкилограмма настоящего в оригинальной упаковке.

Объятый тревожным сомнением, он сделал маленькую пробу. Это оказался мел.

Когда при ближайшем свидании пан Вензиг упрекнул пана Гёрла за это новое мошенничество, тот ответил ему чрезвычайно спокойно и со всей откровенностью:

— Отмените, мой милый господин, закон 1899 года о запрещении продажи сахара, и я вам даю слово, что займусь чем-нибудь другим.

1921 г.

ИДИЛЛИЯ ВИННОГО ПОГРЕБКА

Эти четыре человека, встречаясь ежедневно по утрам в винном погребе и рассуждая о большевиках, не ведали страха и сомнений.

О них они говорили каждый день, вкладывая в беспощадное осуждение большевиков всю свою душу.

Эти люди были живым газетным архивом, прекрасным фонографом с постоянно наточенной иглой и треснувшей пластинкой, которая шипит, хрипит, но продолжает наигрывать

одно и то же. Каждый из них — и торговец кофе, и фабрикант стеклянной посуды, и архитектор, и старший инспектор страхового общества — имел свою излюбленную тему. Торговец кофе рассуждал о смертных казнях; фабрикант стеклянной посуды — о замученных буржуа и царской семье; архитектор — о хозяйственной разрухе и преследовании архитекторов, о комиссарах и голоде; старший инспектор страхового общества — о свободном браке, мятежах и ликвидации страхования жизни.

За их столом с табличкой «Занято» ежедневно умерщвлялись тысячи людей и пылали города. Здесь четвертовали детей фабрикантов, а китайцы совершали бесчисленные зверства. Здесь вырезали всех большевиков и комиссаров, обрекали на голодную смерть всю Россию. За этим столом вешали и расстреливали русскую интеллигенцию, тут увенчивались успехом ежедневные бунты против Советов, и народные комиссары, навсегда изгнанные из Москвы и Петрограда, бежали с похищенным золотом за границу.

За этим столом разыгрывались потрясающие трагедии; за границу для ведения пропаганды посылались ящики с русским золотом; тут уж щедрость собеседников не знала предела и граничила с расточительством.

С каждой выпитой стопкой условия жизни в Советской России становились все ужаснее. Ни «Народни листы», ни Аверченко, ни Станислав Николау, ни «Право лиду», ни «Пражски вечерник»* не могли додуматься до подобных каннибальских пиршеств. Расходясь, друзья пожимали друг другу руки в знак взаимного восхищения и признания, словно хотели сказать: «Итак, завтра опять здесь. Будем беспощадны. За ночь в России обязательно что-нибудь произойдет».

И, пыхтя, они отправлялись обедать. За все время, что они ходили в погребок, их единственной жертвой стал некий молодой статистик, который на основании сведений торговца кофе отмечал в своей записной книжке число лиц, казненных большевиками.

Как раз перед своими именинами статистик подвел итог и обнаружил, что большевики казнили в три раза больше людей, чем насчитывается на всем земном шаре. Молодой человек потерял рассудок, будучи не в силах объяснить, как он сам существует на безлюдной планете.

Когда четверо друзей встретились вновь, торговец кофе сказал:

— Русские большевики опять выкинули номер. В Харькове забили насмерть дубинами трех внуков и внучку Божены Немцовой*. Мало того, они отрезали им головы и послали в ящике Ленину, который собственноручно выколот им глаза. Я прочел об этом сегодня в вечерней газете.

Завязался интересный разговор, в ходе которого архитектор сообщил, что русские большевики вообще имеют зуб против потомков и родственников чешских писателей и поэтов. Так,

недавно в Новочеркасске они повесили брата Гейдука*, в Москве четвертовали троюродного дядю Бенеша Гршебизского* и утопили младшего брата Арбеса*. Сестру Элишки Красногорской* посадили на кол в Тамбове. Племянника Сватоплука Чеха сожгли в Туле. Племянницу Врхлицкого* задушили в Нижнем Новгороде, а брата Пеланта* застрелили в аэроплане. Шурина Махара* привязали к рельсам и пустили пассажирский состав, а увидев, что несчастный еще жив, отправили следом товарный.

Фабрикант стеклянной посуды дополнил эти факты сведениями о том, как большевики в России поступают со своими собственными писателями и журналистами. С Горького заживо содрали кожу и бросили его в яму с негашеной известью. Аверченко раздели донага при сорокапятиградусном морозе и поливали водой до тех пор, пока он не превратился в огромный ледяной сталактит. Теффи* поджарили на конопляном масле, а потом замариновали в уксусе. Борисом Соколовым зарядили царь-пушку в Кремле и выстрелили в сторону Ходынки. Если уж большевики творят такое с собственными людьми, если они зажарили вдову Толстого, а через Мережковского пропустили электрический ток в два миллиона вольт, от чего он сошел с ума, то нечего удивляться тому, что они учинили в Харькове с тремя внуками и внучкой Божены Немцовой.

Старик, сидевший за соседним столиком, встал и подошел к четырем знатокам русской жизни.

— Господа,— сказал он дрожащим голосом,— господа... это... ошибка... Я сам... сам внук... Божены Немцовой. Мы... вернулись... только вчера... из России. Мы все... живы... С нами, извините... ничего не сделали. Разрешите мне... подсесть к вам... я...

— Не важно, кто вы такой,— пробасил старший инспектор страхового общества.— Этот столик для наших друзей, а не для тех, кто заступает за большевиков. Если вы собираетесь защищать их, так и оставались бы в России, чтобы участвовать в их зверствах. У нас, в чешском народе, вы не найдете поддержки.

Когда «замученный большевиками» внук Божены Немцовой отошел, торговец кофе многозначительно произнес:

— Это какой-то старый интриган. Видимо, он собирается вести здесь пропаганду на денешки Москвы.

Архитектор заметил, что для таких мерзавцев нет ничего святого.

И вновь, как вчера и позавчера, за столом четырех собеседников умерщвлялись тысячи людей и пылали города.

А торговец кофе, возглавлявший это общество каннибалов, после каждой фразы стучал кулаком по столу и кричал:

— Мне бы попасть туда, черт подери, показал бы я этим большевикам! Они бы у меня и не пикнули!

Накануне вынесения приговора кладненским забастовщи-

кам* торговец кофе еще раз резюмировал свои обвинения и добавил:

— Значит, завтра их приговорят к повешению... Что вы говорите, пан трактирщик? Хрена к сосискам мне не надо, предпочитаю горчицу... Знаете, я разговаривал со многими, и все требуют для них петли. Что вы говорите? Хлеба или булочки? Вот если бы у вас нашелся соленый рогалик... Нет? Тогда дайте булочку. Вчера вечером сидел я в будейовицкой пивной, так там никто не сомневался, что их повесят.

— Боюсь,—сказал архитектор,—как бы повешение не заменили им пожизненным заключением.

— Что вы, пан архитектор, кто это вам сказал?—разгорячился фабрикант стеклянной посуды.—Ни о каком помиловании не может быть и речи. Висеть им как миленьким!

— Мне бы попасть туда, да еще с правом решающего голоса,—вставил старший инспектор страхового общества,—я бы настаивал на исполнении приговора в двадцать четыре часа.

— Это не выйдет,—рассудительно заметил торговец кофе.—Если бы вешали одного, а тут их целых четырнадцать! Это будет самая крупная казнь в истории Чехии, и ее надо как следует подготовить. Один палач не справится, даже при трех помощниках. Ведь нельзя же поставить четырнадцать виселиц за сутки. Недавно у меня в лавке делал полки очень опытный столяр, и все же ему понадобилось три дня.

— А еще гробы заказать,—продолжал он, обмакивая дебреценскую сосиску в горчицу.—Даже если их сбить из необструганных досок, все равно, считаю, не меньше трех дней. Да, еще булочку, пожалуйста. Я полагаю, их повесят не раньше чем через неделю.

— А если они будут апеллировать?—заметил архитектор.

— В таком случае все задержится,—важно ответил торговец кофе.—Несколько лет тому назад в Триесте приговорили к смерти через повешение одного итальянца, он подал апелляцию, и прошло целых три месяца, пока его повесили. Я получил тогда пропуск, ведь мне еще не приходилось видеть казни, но, к сожалению, накануне я лег поздно и проспал. Ходила моя жена, но не получила никакого удовольствия, потому что итальянец даже не дергался.

— А однажды в Шопроне я видел, как вешали цыгана,—сказал архитектор.—Тот сильно дергался.

— Такая уж у них беспокойная натура,—отозвался фабрикант стеклянной посуды, зажигая сигару.

В то утро, когда был объявлен приговор, в винном погребке за столом четырех собеседников стояла унылая тишина—безмолвие разбитых надежд и неоправдавшейся буйной фантазии.

Первым нарушил молчание архитектор:

— В воскресенье поеду с семьей в Розтоки: смотреть, как цветут черешни.

— А у меня в саду,—сказал торговец кофе,—расцвела яблоня.

— Эх, если б только люди поумнели и перестали быть варварами,—сокрушался фабрикант стеклянной посуды,—да не ломали бы веток!

— Я бы за это наказывал на месте,—заявил торговец кофе. И присмиревшие друзья снова впали в мрачное уныние.

1921 г.

КАКИЕ Я ПИСАЛ БЫ ПЕРЕДОВИЦЫ, ЕСЛИ БЫ БЫЛ РЕДАКТОРОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОРГАНА

1. Всюду хорошо, а дома лучше

Истина эта в наши дни не находит должного уважения и признания. У нас в республике, особенно за последнее время, укоренилась дурная привычка утверждать обратное. И хотя мы со своей стороны не намерены и не считаем возможным говорить о полном благосостоянии наших граждан, однако необходимо одернуть болтунов, критикующих государственный строй и разглашающих по всему свету о том, что у нас плохо.

Очень хотелось бы, чтобы наши слова не были гласом вопиющего в пустыне и не упали на каменистую почву. Допустим, в жизни наших сограждан бывают мгновения, когда они легко могут стать добычей подстрекателей, но мы не должны забывать, что после плохого может наступить хорошее. Только человек злонамеренный способен в этом сомневаться.

Государственная власть существует с тех пор, как существует человечество, и с самого начала истории не было такого государства, механизм которого был бы совершенно свободен от каких бы то ни было—пусть даже самых маленьких—недостатков. А с другой стороны, в каждом государстве всегда находятся беспокойные люди, которые всегда недовольны.

Таких людей следует избегать, так как они нарушают наш душевный покой и учат нас ненавидеть некоторые классы, государственный строй, общество, определяющее судьбу того или иного государства. В конце концов все иллюзии рушатся, и это открывает путь к преступлению.

Если в государстве порядок, то это и на каждого гражданина накладывает отпечаток порядочности; порядочный же человек дорожит душевным миром и благоденствием, а благоденствие народа является основой благополучия политического.

Поглядим вокруг. Разве мы не видим, что люди, получающие приличные доходы, имеющие солидный капитал, живут зажиточно, пользуются уважением не только в своем кругу, но и у

своих рабочих? Конечно, только человек предубежденный способен это отрицать.

У нас в республике много таких, которые добились богатства благодаря усердию своих рабочих или же получили его по наследству. Отчего же не порадоваться их успеху? Неужели мы должны завидовать им, ненавидеть их?

И как можно верить тем, кто утверждает, будто у нас все плохо? Недавно в газетах промелькнуло сообщение, что в Китае, в провинции Ганьсу, погибло от голода пятьсот тысяч, а в провинции Шаньси—восемьсот тысяч человек. Наблюдается ли что-либо подобное в нашей республике, покупающей китайскую муку?

Статистика говорит языком цифр. В Чехии, Моравии, Силезии и Словакии от нищеты и голода погибает ежегодно лишь незначительная доля процента всего населения. А сколько народа умирает от голода в Индии, откуда к нам вагонами прибывает рис? Полмиллиона! Столь значительный процент смертности в Чехии по сравнению с Индией есть лучшее доказательство в глазах каждого беспристрастного человека. Наше вечное недовольство способно вызвать на устах статистика лишь улыбку сострадания.

В настоящее время 1 кг говядины стоит 16 чешских крон, 1 кг гуся—32 кроны, 1 кг курицы—36 крон, 1 кг свинины—28 крон, 1 кг индейки—42 кроны. И тем не менее слышатся постоянные жалобы на дороговизну.

Во время франко-прусской войны 1871 года в осажденном Париже курица стоила 300 франков, гусь—500 франков, вол—80 000 франков, свинья—50 000 франков. Переведите это на чешские кроны по теперешнему курсу!

Пусть каждый недовольный сравнит эти цифры. Не может быть спору, что мы живем в период необычайной дешевизны съестных припасов. Сто семьдесят лет назад, когда французы были в Праге, фунт муки стоил тринадцать талеров. А сколько он стоит теперь, когда французов нет?

На Аляске вы не достанете говядины, а у нас скот в изобилии. Индийское племя чамакоко в Южной Африке не имеет представления о сахаре, а у нас каждый видный чиновник, министерский служащий страдает сахарной болезнью.

Таким образом, народ не может у нас пожаловаться на плохое питание. Посмотрим теперь, какова политическая обстановка в республике. Для сравнения возьмем обстановку в Тонкине, где парламент был распущен, а депутаты казнены, запороты насмерть, четвертованы. А был ли у нас такой случай, чтобы после роспуска Национального собрания какого-нибудь депутата четвертовали? Кто толкует о репрессиях, пусть поглядит на Сиам. Там царит полное самовластие: иначе говоря, монарх может по своему усмотрению отрубить голову любому, кому вздумает. У нас же люди добровольно обходятся без головы.

Зная это, жаловаться на недостаток свободы может только человек злонамеренный.

Свобода гарантирована нам законом. А кто же у нас осмелится открыто наплевать на закон? Если же нечто подобное и случится, так это просто по недоразумению, которое тотчас выяснят и поправят.

Разветвленная система органов безопасности бдит над нами, пока мы спим.

Произойдет ли где убийство, органы эти тотчас отвечают на него повальными обысками и арестами, в результате которых нередко обнаруживается до тех пор не раскрытая и действовавшая безнаказанно шайка фальшивомонетчиков.

Школа учит наших детей уважать законы и молиться богу, воспитывая их хорошими гражданами. Наши дипломаты получили признание, а наши финансисты имеют такой вес на международной финансовой бирже, что сами устанавливают курс нашей кроны.

Миром и спокойствием дышит каждая чешская хижина, каждый домашний очаг. Прилежные руки работают на фабриках, в мастерских, а по окончании рабочего дня тысячи тружеников радостно съедают за ужином свой ломоть хлеба, вознося хвалы богу и выражая благодарность работодателям, которые обеспечивают им этот хлеб.

Годами обсуждают рабочие лидеры вопрос о том, как улучшить положение рабочего класса.

Но вопрос этот самым успешным образом разрешен предпринимателями, предоставляющими рабочим заработок. Он попросту отпадает, поскольку даже с точки зрения самого левого крыла социалистического движения, коммунистов, кто не работает, тот не ест.

Имеющий работу работает и ест.

Представление о том, будто предприниматели не работают, в корне ошибочно. Каждый предприниматель хлопочет.

А кто хлопочет, тот работает.

Всеобщая забота о положении рабочих в нашей республике очень скоро доказала самим рабочим совершенную бессмыслицу революционных иллюзий. Развитие капитализма, на котором основано существование нашей молодой республики, обеспечивает заработок всем, кто искренне желает трудиться на пользу этому развитию.

В наши дни, когда положение неимущих составляет предмет самого пристального внимания всего общества, невозможно говорить о какой-либо политике репрессий по отношению к рабочему классу. Суровые мероприятия, о которых столько толковали у нас, разбились о всеобщую любовь к ближнему, как это прекрасно показал социал-демократический депутат Бехине* в своей статье «Потерпевшие крушение», где он колеблется между ненавистью и симпатией, пока в конце концов не заговорила его чистая душа.

Текст его «Потерпевших» звучит прямо как стихи:

И вот мой корабль разбился.
И я на пустынном острове
Сижу одиноко.
Море и небо, а между ними
Бьется мое «человеческое сердце»,
О Робинзон Крузо!

Как раз в наше время эти прекрасные, гуманные стихи особенно много говорят нашему сердцу благодаря той гармонической любви к ближнему, которая в них звучит.

Именно теперь, когда мировая социалистическая революция ликвидирована попятным движением всего исторического процесса, деспотические мероприятия правительства в известных вопросах вполне оправданы и принятое им решение с точки зрения государственных интересов заслуживает всяческой поддержки и не подлежит критике. Необходимо понять, в какое ответственное время мы живем, и из этого исходить при оценке политических событий!

II. Не завидуйте!

Величайшим злом в жизни нашей республики является то, что в широких кругах ее населения распространена жестокая зависть, стремящаяся вставлять палки в колеса нашему счастливому будущему.

Завидовать кому-нибудь у нас в республике — разве это не позор и не величайший разврат?! Каждый, кто хочет, чтобы наш народ опомнился и снова нашел себя, должен прежде всего уничтожить и растоптать чудовище зависти, вторгающееся всюду и опутывающее своей паутиной всю республику. Зависть отравляет своим тлетворным дыханием самый воздух нашей страны и разрушает нравственные устои республики.

Зависть побуждает всяких лжепророков и волков в овечьей шкуре забрасывать грязью чистый кристалл нашей общественной жизни. В ту великую эпоху, в которую мы живем, когда Карла Габсбурга изгнали из Венгрии, чем мы доказали всему свету наличие у Малой Антанты* своей твердой линии, нельзя допускать, чтобы зависть расстраивала наши ряды. О, если бы вернулись времена древних греков и римлян, когда патриций и раб, не зная зависти, работали плечом к плечу во славу своего государства!

У нас же в самых широких слоях укоренилась зависть.

Каждое повышение окладов нашим министрам или членам законодательных органов вызывает завистливые толки людей, не умеющих логически мыслить. Этим господам непонятны слова датского министра внутренних дел, сказанные им на празднестве по случаю восьмисотлетия датского государства:

«Народ будет всегда крепок и силен своими хорошо обеспе-

ченными министрами и членами законодательных органов».

Вот что говорят в стране, где нет зависти, где государственный бюджет принимается без всяких дискуссий и выкриков! А у нас ни одно, даже самое незначительное, повышение окладов нашим ответственным руководителям не обходится без дебатов в парламенте и завистливой критики.

Если б у нас, скажем, министру финансов повысили оклад на сто тысяч крон в год, в стране поднялся бы вой — множество служащих, мелких и средних чиновников налогового управления тотчас потребовало бы ничем не оправданного повышения своих окладов, не считаясь с тем, что республика переживает тяжелый финансовый кризис.

Они утверждают, будто все страшно дорого и им не на что содержать свои семьи.

Это неправда. Никто из наших государственных служащих, ведя скромный, невзыскательный образ жизни, не может умереть с голоду. А завистливые разговоры насчет того, что я, мол, тоже не прочь получать на представительство, как наш министр, внушены опять-таки зловредными подстрекателями.

В самом деле, только руками разводишь, слыша такие речи:

«Если министр может представлять от имени республики, почему бы не могли это делать мы? Ведь нас тысячи, целый ведомственный аппарат!» Или еще: «У министра — особняк, министр ездит с семьей на дачу. Мы и не представляли себе, что так будет выглядеть на практике провозглашенная Масариком в его декларации Чехословацкая республика»*.

Не говоря уже о том, что в период всеобщего кризиса строительной промышленности невысказанно каждому из полумиллиона чиновников и государственных служащих обеспечить возможность покупки или постройки особняка, смешно толковать о полумиллионе дач, когда все квартиры в городе заняты или заранее законтрактованы сановниками из министерства и нашими капиталистами, которые представляют наш народ на мировом рынке и открывают нашей валюте выход на международную арену, за что каждый из нас должен был бы от всего сердца пожелать им хорошенько отдохнуть, если б нам не мешала зависть.

Недавно один гражданин говорил при мне: «Они на машинах разъезжают, а у меня на трамвай денег нет». Я хотел сказать ему: «Так ходи пешком, завистник! Если у тебя нет денег на трамвай, что же удивительного, что их нет на машину? Иди работай, старайся. Иначе тому, кого ты сегодня видишь катающимся на автомобиле, придется ходить пешком, а ты по собственному опыту знаешь, как это неприятно. Не желай зла ближнему, будь нравственным, ибо лишь в нравственной чистоте — залог нашего национального здоровья».

Нравственная чистота, отмывание сердец наших от яда зависти — вот что необходимо для упорядочения наших внутренних взаимоотношений!

Надо учиться уважать материальные возможности ближнего и свято хранить в душе сознание собственных обязанностей. Что многим до этого еще далеко, свидетельствует такой случай.

Недавно вышло распоряжение платить швейцарам, открывающим вам дверь ночью, не больше десяти геллеров. Оно появилось в тот момент, когда правительство в соответствии с ростом цен на предметы первой необходимости повысило оклады министрам.

Вдруг слышу, один швейцар ругает этот порядок на чем свет стоит. «Нам снизили плату за открывание дверей в ночное время до десяти геллеров,—горячился он.—А министрам, у которых и без того все есть, повысили оклады на тысячу крон! Мы тут здоровье теряем. Кто—ночью, утром ли—с попойки ни придет—вставай, дверь отворяй!.. О сне забыли...» и т. д.

Я не выдержал. «Милый друг!—говорю.—Это вас все проклятая зависть с толку сбивает. Одно дело—швейцар, другое дело—министр. Вы что же? Хотите, чтобы министр стал швейцаром, а швейцар министром? Да вам бы тогда еще больше завидовали, чем вы теперь министру завидуете. И не потому, что вы не сумели бы лучше с делом справиться, чем теперешний министр, а просто так, из чистой зависти. Вы забываете о том, какие у вас обязанности. Что должен делать швейцар? Ночью и днем следить, чтобы дому не угрожала никакая опасность, за что домовладелец берет с вас пониженную квартирную плату. Спать швейцар вообще не имеет права и дверь отворять должен бесплатно, не завидуя тем, кто кутит в ресторанах, пока он выполняет свою обязанность. Так что даже эти десять геллеров, в сущности, совершенно лишние. Ваш труд полностью вознаграждается возможностью меньше платить за квартиру—возможностью, которую при теперешнем жилищном кризисе трудно переоценить».

Мы хотели бы, чтобы широкие слои населения в конце концов поняли, что зависть разрушает национальное единство и подрывает международное положение нашей республики.

Если рабочий завидует своему хозяину, говоря: «Он живет лучше меня: мне за год не заработать десятой доли того, что он тратит за день», то разве это правильно?

Нет, совершенно неправильно. В сердце рабочего должно говорить чувство более высокое, чем зависть, а именно—радость труда. Рабочий не должен расценивать все с точки зрения платы, он должен быть идеалистом. Его идеал—не борьба за жалкие гроши, а—еще раз повторяю—радость труда. Рабочий должен оставить тот сомнительный путь, по которому его вела до последнего времени зависть, и, забыв о бедности, о повседневных нуждах, видеть в труде вечный двигатель своего существования.

Рекомендуем вниманию всех трудящихся, сбиваемых с толку бессовестными агитаторами, одно прекрасное стихотворение. Оно напечатано 24 апреля 1921 года в Воскресном заниматель-

ном и поучительном приложении к «Народни политике» за подписью Ад. Альфа* и озаглавлено «Сонет»:

Для очень многих жизнь течет легко.
Цветы их счастья пышны, ярко блещут;
Уста улыбкой радостной трепещут;
Грудь с наслаждением дышит глубоко,
А от другого радость далеко.
Нетопыри забот крылами плещут
Над ним. Его бичи тревоги хлещут:
«Где мне детишкам взять на молоко?»

Но если б жизнь была для всех одна,
В ней вовсе не было б очарованья,
Исчезли бы стремления, желанья...
Ведь радость и трудящимся дана,
Их радость—труд. И в вешнем одеянье
Даль манит их, цветами убрана.

Прекрасно показал здесь поэт, что, если б всем было хорошо, не стоило бы жить на свете! Как было бы ужасно, если бы люди не умирали с голоду, если бы не было несчастных, бьющихся как рыба об лед ради куска хлеба. Тогда жизнь стала бы до того скучной, что капиталистам из «Народни политики» пришлось бы раздать свои капиталы бедноте, а самим помирать с голоду, лишь бы, как совершенно правильно пишет автор «Сонета», жизнь человеческая не утратила очарования.

Кроме того, он подчеркивает одно обстоятельство, которого мы до сих пор не касались, но которое является нашим драгоценным союзником в борьбе против зависти. В этой борьбе играет роль не только уже помянутая здесь чистая радость труда, заставляющая труженика забыть свою нужду и свои житейские горести, но также чудное ощущение, испытываемое маленьким, придавленным жизнью человеком при виде весеннего наряда убравшейся цветами природы.

Любовь к цветочкам, к траве, к цветущим деревьям, к одуванчикам, маргариткам изгоняет зависть из сердца человека, из души бедного пролетария. Насытившись благоуханием, он несет его домой, своим близким, в виде букета полевых и лесных цветов, который и их питает своим ароматом.

Вот о чем не следует забывать самым завистливым из завистливых—нашим безработным; а органы социального обеспечения республики должны проводить для них экскурсии за город, где безработные могли бы наслаждаться запахом цветов и пением птичек, журчанием чистых ручейков и шелестом деревьев.

Вот о чем не следует забывать и лидерам социалистических партий, которые лучше сделали бы, если б меньше толковали о политике, а прививали бы массам интерес к ботанике и почаще устраивали доклады о красоте природы.

Не может быть ни малейшего сомнения, что красоты

природы в соединении с чистой радостью труда уничтожат зависть в широких массах чешского народа, а устройство экскурсий для рабочих привлечет к нашей республике симпатии всего мира.

1921 г.

ЗАМЕТКИ

Я ужасно люблю газетные статьи, читать их—для меня истинное наслаждение. Я не могу от них оторваться. Все равно как другие—от юмористического журнала. Помнится, в 1917 году в Киеве в первомайской демонстрации участвовало более тридцати тысяч большевиков и всего четыреста меньшевиков. На другой день меньшевики писали, что большевиков было двести, а их, меньшевиков,—шестьдесят тысяч. На третий день они уточнили эту цифру, а к концу недели она достигла ста двадцати тысяч.

У «Право лиду» нет такого размаха. Она не сумела дотянуть число правых в нашей первомайской демонстрации даже до двадцати тысяч, хотя и постаралась добросовестно посчитать одного правого за десять. Что ни говори, они все-таки революционеры. Этого у них не отнимешь. Они не боятся публиковать официальные сведения о количестве своих приверженцев.

Но в математике редакция «Право лиду» явно слаба. В нашей первомайской демонстрации участвовало от правых столько-то и столько-то человек, по шесть в шеренге, и продолжалась демонстрация тринадцать минут. Умножим количество демонстрантов на тринадцать. Тринадцать—несчастлирое число, но я вижу и другие промахи.

Будь я редактором «Право лиду», я для рекламы партии использовал бы даже пребывание доктора Соукупа* в подвале, куда он скрылся от своих противников на собрании. Я написал бы «Триумфальное шествие доктора Соукупа». Несколько строк посвятил бы тому, как доктор Соукуп миновал запасный выход в Безовце, когда покидал собрание, по старой поговорке: «Дают—бери, а бьют—беги». Потом я опубликовал бы свою речь в подвале, с которою он обратился к какой-то ободранной кошке, столь же разочаровавшейся в людях, как и он.

Журналистика—поистине грозное оружие в поисках новых способов исказить факты. Она не теряет и в том случае, если нет никаких фактов.

В 1852 году один лондонский журнал поместил сообщение о том, что в Бирмингеме нашли до крайности истощенного человека, в ночь со второго на третье июля якобы свалившись с луны. С тех пор журналистика старается изобретать всевозможные приключения и чудеса...

Когда вы читаете в «Право лиду» о том, что социал-демократы всюду берут верх над коммунистами, что Москва

проиграла Первое мая на Вацлавской площади,— не кажется ли вам, что вас забавляют веселыми небылицами?

Но я бы и на этом не остановился.

На месте редактора Стивина* я бы написал, что из Москвы прибыло несколько экстренных поездов. И горделиво сообщил бы, что товарищи из «Право лиду» несли плакат с надписью: «Кто не с нами, тот против нас!»

Печально, но факт, что левые не с ними. Но меня возмущает «Право лиду», которая пишет, будто на митинг на Стршелецком острове собралось пятнадцать—двадцать тысяч человек. Прежде всего тире здесь совсем не к месту. Надо писать: «от пятнадцати до двадцати тысяч человек». Этим мы дали бы понять, что каким-то пяти тысячам не придаем значения. Самое лучшее было бы написать: «Участников было от двух тысяч пятисот до восьмидесяти тысяч человек»—с исходной цифрой как-никак приходится считаться. Повторяю: побольше математической смелости, господа!

Постараюсь объяснить, что это значит. Я составил бы, например, такую таблицу:

В демонстрации участвовало социал-демократов:

400 рядов по 6 человек—2400 человек.

По официальным данным—3000 человек.

По сведениям газеты «Еженедельник чешского слова» — 3780 человек.

В общей сложности это составляет—9180 социал-демократов.

Поскольку демонстрация продолжалась, как я уже сказал, тринадцать минут, умножаем эту цифру на тринадцать. Итого: 119 340 социал-демократов.

К демонстрации присоединилось пять старых членов союза Р.С.О.*. Из уважения к их сединам помножим это число на полученное выше. Итак: 119 340 социал-демократов×5=596 700 правых.

Пишем год: 1921. Прибавьте эту цифру к полученной ранее, и у вас будет верный 598 621 социал-демократ на первомайской демонстрации.

Примем также во внимание, что это была тридцать вторая первомайская демонстрация в Праге, и нам не останется ничего иного, как умножить в честь знаменательного юбилея 598 621 социал-демократа на 32. Теперь у нас налицо восемнадцать миллионов сто пятьдесят пять тысяч восемьсот семьдесят два правых.

К этой же цифре можно прийти и другими способами. Умножим, например, 2400 (наша исходная цифра) на 7564 чешских социалистов, участвовавших в демонстрации. Или умножим 2400 правых на 429, то есть на 429 лет со дня открытия Америки. У нас получится 1 029 000. Эту цифру помножим на восемнадцать—число сотрудников редакции «Право лиду»...

Вообще—больше смелости! Не робейте! Побольше лжи! Ничего, кроме лжи! Лгать, так уж без оглядки. Главное—ни слова правды.

Если паче чаяния в редакции «Право лиду» появится сотрудник, склонный писать правду, надо принять самые решительные меры—или несчастный погиб. Рекомендуются как можно быстрее освободить его от одежды, хорошенько потрясти, положить так, чтобы голова свисала вниз, и делать искусственное дыхание. Для этого голову несчастного надо зажать в коленях, равномерно отводить ему руки назад, сдавливать и сжимать ребра. Затем сложить руки на груди и применить растирания и теплые компрессы. Потом надо влить в беднягу побольше спирта, коньяка, ликера, сливовицы или рома—что окажется под рукой.

Когда он придет в себя, надо дать простор его фантазии. Пусть он прочтет, что было напечатано о первомайской демонстрации в «Право лиду». Потом горчичник на икры, крепкий кофе. Наконец—рвотное, слабительное, горячие компрессы на сердце и живот.

Совсем другого сорта статьи печатаются в «Прагер прессе»* и в газете «Народни листы». Я говорю не о политических заметках. О них вообще говорить не стоит. Речь идет об этих изданиях как о борцах за новую культуру.

Надо воспитывать в народе чувство солидарности. Чрезвычайно важно, чтобы «Прагер прессе» сообщила общественности, что в Лондоне издохла горилла четырех с половиной лет от роду, с необыкновенно косматой шерстью. Если бы человек был менее деликатным существом, из этого можно было бы устроить такую потеху, что, пожалуй, за бедную издохшую гориллу пришлось бы заступиться английскому посольству.

Иначе воспитывает в народе чувство солидарности газета «Народни листы», сообщившая нам недавно о великолепном пиршестве двух американских обжор, которые жрут на пари: кто раньше перестанет, тот проигрывает.

Сказочная прожорливость, от которой у Виктора Дыка текут слюни, затопившие его острый интерес к литературе и искусству. Кажется, что сама жизнь толкает национальную демократию к таким пиршествам. Это пир во время чумы: одни жрут на пари, а другие—их большинство, девяносто восемь процентов,—никогда не едят досыта или попросту голодают.

Шел я недавно с одним литейщиком с Рингофферовки* мимо городского парка. Там взвешивался на весах какой-то помещик из Клецан. Он весил сто четырнадцать килограмм. Потом встал на веса литейщик. Он весил шестьдесят восемь кило. Я не удивился, прочтя в газете аграриев «Вечер», что удельный вес партии аграриев вдвое превышает удельный вес всех рабочих партий, вместе взятых.

Приматор доктор Бакса* в газете «Народни листы» делится впечатлениями о поездке делегации города Праги в Париж. «За границей,— рассказывает он в своей статье,— были неправильно информированы о положении дел в нашей стране. И моим долгом было опровергать на бесчисленных вечерах то, что они о нас думали. Всюду я заявлял без колебаний, что у нас все в порядке».

Доктор Бакса унаследовал это от старого Гроша*. Знамя Гроша с девизом «Ничего не случилось» до сих пор победно реет над Секваной.

Далее доктор Бакса перечисляет вечера и приемы. Ели и пили у посланника Осусского*, на банкетах Торговой парижской палаты, Союза французской национальной ассоциации, на банкете, устроенном городом Прагой, городом Парижем и т. д.

Всюду доктора Баксу принимали любезные хозяйки, а он в парижской ратуше поносил большевиков. Удивляюсь, что кое-кто осуждает это. Великолепные политические пиршества не могут кончаться иначе. Мы вас накормили и напоили, а вы поругайте большевиков. Тут нет ничего особенного. Точно так же рассуждают господа из магистрата, когда распивают вино в кабачках.

Особенно обрадовался Первому мая редактор отдела экономики газеты «Народни политика» доктор Ладислав Навратил. Он клянется на страницах своей газеты, что Первое мая у нас не является днем обострения классово-вражды, днем стиснутых кулаков, как это было в Австрии. В нашей, мол, республике—самое передовое в мире рабочее законодательство. Первого мая все слои населения должны, дескать, утешаться тем, что у нас осуществлена подлинная демократия, демократия экономическая и политическая.

К этому редактору мы рекомендуем применить следующие меры: опрокинуть его навзничь, облить холодной водой, натереть ему виски уксусом и вынести его на свежий воздух. Потом дать ему гофманских капель и отвезти на Панкрац*, чтобы он собственными глазами увидел, как политические заключенные машут платками в ответ на громовые приветствия масс, которые пришли навестить их.

В майском номере «Право лиду» напечатаны две статьи Иозефа Стивина. В одной из них, озаглавленной «По стопам Жореса»*, он заявляет, что слова о революционной вере в силу не больше чем мистификация пролетариата. В другой статье под названием «Не позволяйте себя обманывать» он пишет: «Так как известны случаи, когда в некоторых магазинах гражданам предлагали для обуви вместо крема «Дерби» другие сорта очень невысокого качества, мы считаем своим долгом предостеречь...» Или это писал сам доктор Соукуп?

Те, кого я задел в этих заметках, конечно, спросят: «Кто позволил этому субъекту писать подобные вещи?!»

Я сам себе позволил это, господа.

1921 г.

ЧТО Я ПОСОВЕТОВАЛ БЫ КОММУНИСТАМ, БУДЬ Я ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОРГАНА «ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ РЕСПУБЛИКА»

Вместо вступления

Уважаемая редакция газеты «Руде право»!

Никак не могу согласиться с тем, что вы называете правительственным органом «Чехословацкая республика»* «правительственным лакеем». Ведь вполне естественно и понятно, что правительственный орган не может поступать иначе как по пословице: «Чей хлеб жуешь — того и песенку поешь».

Сотрудники «Чехословацкой республики» не проявляют собственной инициативы, да и вообще никто еще никогда не видел, чтобы редактор правительственного органа писал статьи, направленные против правительства. Я знаю только один случай: в шестнадцатом столетии, во времена Маньчжурской династии, редактор правительственной газеты, издававшейся при императоре Син Вэйчжи, написал, что Владыка Неба и Земли сломал себе ноготь на мизинце правой руки. За это сей редактор был повешен на крюке, как наш Яношик, и вдобавок четвертован. Представляете себе теперь моральный облик редакторов китайского официоза, живших под постоянной угрозой столь жестокого членовредительства?

И надеюсь, вы не требуете, чтобы редакторы правительственного органа объявили себя коммунистами и начали бичевать правительство? Разве главный редактор Сватек, редактор Филип или Адольф Земан, работая в редакции австрийских «Пражских уржедных новин»*, выступали когда-нибудь против Австрии? Редактор Филип, ныне сотрудничающий в «Чехословацкой республике», в свое время написал даже панегирик к юбилею покойного Франца-Иосифа. А Сватек был тайным советником. Вот это действительно высокий моральный уровень! А если что и сгнило в Датском королевстве, то это не касается правительственного органа, где все рассортировано по чинам. Сотрудники «Чехословацкой республики» не редакторы, а чиновники. И поучают они не так уж назойливо. Они могли бы еще больше командовать, но, как я уже заметил, им не хватает инициативы и воображения.

Полагаю, что моя статья будет весьма полезна и поможет правительственному органу выработать правильную линию поведения.

Жофин, 7 апреля 1921 года

Таким образом, статья в «Чехословацкой республике», призывающая коммунистов быть пайныками, могла бы выглядеть примерно так:

Педагогическая мудрость

В высшей степени неприлично, что некоторые коммунистические ораторы говорят слишком громко. Желательно, чтобы ораторы, выступающие на митингах, произносили речи мягким тоном и по возможности щадили свои голосовые связки.

Было бы полезно, чтобы перед каждым митингом они являлись в редакцию нашего органа и получали от тайного советника ясные указания, как и что говорить. Мы их тут же сфотографируем, а снимки пошлем в полицейское управление — на память.

Мы уверены, что наших добрых советов никто не употребит во зло. Нам всегда приятно подать идею, помочь советом, указанием. Для ораторов-коммунистов мы изготовили изящные жетоны с надписью: «Одобрено „Чехословацкой республикой“». Обладатель такого жетона может не опасаться, что его арестуют полицейские.

Мы настолько идем навстречу коммунистическим ораторам, что даже составили для них программы речей, с которыми они могут выступить на митингах и собраниях.

Мы вовсе не собираемся баловать коммунистов своей любовью, не потакаем каждому их желанию, не воспитываем в них изнеженность, своеволие и непокорность, но в то же время взвешиваем как следует и собственную строгость. Мы стараемся приказывать не грубо, а мягко, однако не идем ни на какие уступки. Если мы что-нибудь запрещаем — значит, это необходимо. Если наше правительство и наказывает, то избегает наказаний телесных. Наказание у нас не месть, а серьезное предупреждение, которое должно последовать сразу же за совершением проступка, как это было, например, в Трганове*.

Теперь ясно, что наша любовь к коммунистам вовсе не такая, какой ее считают некоторые. В основе ее лежат терпение и настойчивость, которые ведут наш правительственный орган к педагогической мудрости, а она в свою очередь помогает правительству с присущей ему деликатностью определить, что коммунистам на пользу и что во вред. «Чехословацкая республика» избирает наилучшие пути и средства, чтобы сблизить коммунистов с правительством.

Наш правительственный орган не желает ничего иного, как только вести коммунистов на поводу своей любви от самых зачатков их развития, не теряя и в дальнейшем дружеской власти над ними. Мы постараемся с помощью любви преодолеть все препятствия, чтобы навсегда оставить в сердцах коммунистов благодатную почву для наших увещаний.

Пусть почувствуют коммунисты благотворное воздействие нашей любви — и в их жизни не останется пробелов.

Наши советы и указания—великое благодеяние, неоценимый дар.

Прежде всего мы не хотели бы, чтобы коммунисты утруждали себя политикой и решением социальных вопросов.

Как было бы чудесно, если бы вместо митингов и собраний они играли бы в песочек, резвились на детских площадках в наших многочисленных парках и вместо докладов о III Интернационале занимались массовыми играми. Ради этого мы готовы завести в «Чехословацкой республике» отдел «Игры и забавы», какой уже был когда-то в «Счастливом домашнем очаге»*.

А пока мы рекомендуем игры в отгадки, в фанты, в третий лишний. Если на политическом горизонте тучи, давайте забавляться вырезыванием бумажных куколок и штопкой чулок.

В случае безработицы, если мы окажемся без места, у нас будет достаточно свободного времени, чтобы мастерить из картона всевозможные безделушки для украшения своей квартиры.

Главное—остерегаться читать другие газеты, кроме правительственного органа. Будем выезжать на лоно природы, дышать свежим воздухом, наблюдать, как прилежно трудятся муравьи.

«Руде право» недавно упрекнуло нашу газету в том, будто мы предписываем ораторам, что им говорить на первомайских митингах. Мы еще не опубликовали, как именно представляем себе первомайские речи коммунистов, но принимаем вызов «Руде право» и даем здесь примерные тезисы выступлений коммунистических ораторов:

«Первое мая—первый день мая месяца. Май—первый месяц массовой посадки цветов, и главное—месяц весеннего сева. В начале мая мы высаживаем рассаду всех овощей, но особенно чувствительных—только в середине месяца. Высаживаем также выращенную заранее рассаду цветов и прямо в почву высеем семена тех растений, рассада которых могла бы пострадать от холода, а именно—фасоли, дынь, огурцов».

В таком духе должны быть выдержаны речи всех ораторов, и мы не сомневаемся, что массы разойдутся с первомайской демонстрации, полные чувства удовлетворения, твердо зная, что в мае сажают кочанный салат, брюкву, цветную капусту, горох, морковь, редиску, летнюю редьку и т. д.

Никто не может отрицать, что мы, к сожалению, не пользовались достаточным влиянием, чтобы попытаться изменить лозунги демонстрантов. Но мы с грустью видим, что чем дальше, тем больше углубляется пропасть между капиталом и пролетариатом. Но ведь: «Правда суда не боится!» Так давайте не будем ссориться!

Заинтересован ли пролетариат в капитализме? Как было бы замечательно, если бы демонстранты несли плакаты с надписями: «Да здравствует капитал! Ваши преданные рабочие».

Но для этого нашим рабочим недостает внутренней культу-

ры и душевного благородства; надо, чтобы весь рабочий класс поднялся на такую ступень, когда он будет вполне доволен своей участью. Если к подобному состоянию совершенства уже пришли так называемые правые, то будем надеяться, что и коммунисты, умудренные прилежным чтением нашего правительственного официоза «Чехословацкая республика», воспримут блага подлинной духовной культуры. Вот тогда-то Первое мая и станет подлинным праздником труда и трудящихся — к вящей выгоде их братьев капиталистов. Ибо есть ли что-нибудь более прекрасное в жизни человека, нежели сознание, что ты можешь быть полезен своему соотечественнику?

Если все последуют нашим советам, мы уверены: в самой бедной рабочей семье каждый день будет подаваться к обеду то, что теперь даже министр получает разве только по воскресеньям. А именно:

1. Суп из куропаток.
2. Рагу из омаров в масле, с итальянским салатом, украшенным цветами мака.
3. Бифштекс под соусом из мадеры, с овощами.
4. Цветная капуста в розетках из ветчины.
5. Окорок косули с венским кнедликом.
6. Брусника в корзиночках из лимонов.
7. Жареные цыплята с салатом и компотом.
8. Крем «Крамарж» в ванильных вафлях.
9. Торт «Тусар»*, торт «Бенеш»*.
10. Корзина конфет. Черный кофе. Фрукты.

1921 г.

РОКОВОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Хромого Томаса Хавкинса, председателя конференции по разоружению, поджидала в Сан-Франциско яхта, на которой он, покачиваясь на соленых волнах Тихого океана, мог бы отдохнуть, пока не соберется распушенная на вынужденный отдых конференция.

Доктора, пользовавшие некоторых членов конференции, обнаружили у большинства из них запор, признаки меланхолии, головную боль и несварение желудка — как последствия многочисленных банкетов.

Члены конференции по разоружению ходили после таких банкетов словно привидения; когда они выступали, язык плохо повиновался им, а читая на следующий день отчеты о заседаниях конференции, ораторы несказанно удивлялись, какую ерунду печатают газеты.

Однажды, когда они шли с банкета на конференцию, за ними увязался какой-то профессор, возвращавшийся со съезда

по борьбе с алкоголизмом. Они предоставили ему слово на заседании.

Профессор, с трудом держась обеими руками за трибуну и трясясь, как огородное пугало на ветру, в течение трех часов говорил об извержении в 1773 году вулкана Стромболи на Липарских островах.

Когда наконец, после трехчасового рева, за мраморным столом президиума убедились, что профессор говорит не по существу и что он вообще не имеет ничего общего с конференцией по разоружению, слуги, предварительно оглушив оратора дубинкой во избежание сопротивления, передали его полиции для выяснения личности.

Все участники конференции были несказанно удручены происшедшим и почувствовали, что глупеют день ото дня.

В этом их окончательно убедил напечатанный газетами последний отчет, из которого они узнали, что вчера, на пятнадцатом ночном заседании конференции по разоружению, было принято следующее постановление:

«§ 26. Поскольку выяснено, что Китай до сих пор не имеет ни одного дредноута и линейного крейсера первого класса, конференция по разоружению решила:

Страны—участницы конференции обязуются предоставить Китайской республике беспроцентный заем на три года в размере трехсот миллиардов, чтобы она могла построить столько же дредноутов и линейных крейсеров, сколько есть в наличии у стран—участниц конференции. Китайская республика обязуется в течение трех лет построить сорок дредноутов и тридцать крейсеров первого класса, а также обязуется уничтожить пять имеющихся у нее крейсеров третьего разряда и передать кантонскую гавань под контроль международной комиссии. Представленные на конференции государства заявляют о том, что с их стороны не имеется возражений против присутствия представителей китайского военного флота на строительстве третьего симплонского туннеля...»

«...и на строительстве телефонной станции на горе Арат»,—с ужасом прочли дальше члены конференции.

Председатель Том Хавкинс совершенно протрезвел от этого сообщения, но все же усомнился, действительно ли они приняли накануне подобные решения. Однако, когда по его требованию принесли стенографический отчет последнего заседания конференции, его чуть не задушила астма: весь двадцать шестой параграф был его собственным предложением, принятым с дополнением, внесенным членом конференции Вудвортом:

«Одновременно разрешается негритянской республике Либерии постройка пяти подводных лодок при непрерывном условии, чтобы они были выкрашены в черный цвет...»

Неудивительно, что на другой день председатель Том Хавкинс дрожащим голосом, вполне соответствовавшим его

осунувшемуся лицу, произнес на заседании конференции следующую прочувствованную речь:

— Нельзя отрицать, господа, что наши заседания ознаменовались крупными успехами и дали блестящие результаты. Мы проработали двадцать шесть постановлений. Радиотелеграф разнес наши решения по всему земному шару. Мы не щадили своего здоровья и должны быть откровенными: вы отлично знаете, что нас ждет еще гигантская работа. Поэтому нельзя допустить, чтобы мы переутомлялись. От работы и воли дохнут! Наши нервы нуждаются в отдыхе. Я по себе чувствую, что устал. Размышлять днем и ночью — это, господа, не шутки! Если у карманных часов перекрутить завод, то пружина лопнет. Так и с нашим мозгом. Он нуждается в покое. Нам сейчас в первую очередь необходим соответствующий отдых, чтобы укрепить здоровье, набраться сил для новой работы. Поэтому я вношу предложение, господа, разойтись на трехнедельные каникулы. (*Бурные аплодисменты и голоса: «На месячные!»*)

Член конференции Ле Ру, в эту минуту возвратившийся в невменяемом состоянии из ближайшего ресторана, подходит к ораторской трибуне и, стуча по ней кулаком, кричит: «Долой меня отсюда! Требую голосования!» (*Слуги, нежно поддерживая Ле Ру, выводят его в кабинет секретариата и укладывают на диван.*)

Тогда слово взял представитель Боливии Хуарес ди Вега, заявивший, что он будет голосовать против предложения господина председателя. Уже на третий день работы конференции он от имени своего правительства потребовал, чтобы Боливийской республике была оставлена ее постоянная армия в количестве двенадцати человек, охраняющих порядок во дворце президента и его окрестностях. Однако после прений, несмотря на его протест, было решено, что Боливия должна повысить контингент своей армии с двенадцати человек до ста двадцати тысяч, поскольку такова численность армий Чили и Перу. Ведь если вспыхнет война, Боливии угрожает опасность, что на ее двенадцать человек нападут сто двадцать тысяч перуанцев или чилийцев. Для предотвращения войны необходимо установить равновесие вооруженных сил в пропорции 1:1:1.

— Господа! — приподнятым тоном заявил Хуарес ди Вега. — Достопочтенное собрание! Как раз сегодня я получил отношение моего правительства, где указывается на абсурдность постановления уважаемой конференции. Все население Боливии мужского пола составляет меньше восьмидесяти тысяч человек. Как же вы хотите, господа, чтобы мы составили из них армию в сто двадцать тысяч? Что же нам, разрезать их пополам или одолжить недостающих сорок тысяч солдат у соседей, нарушив тем самым постановление конференции, запрещающее вербовать войско за границей? Правда, нам дан трехлетний срок, но согласитесь, пожалуйста, что, при всем нашем желании, мы не

можем за это время так размножиться! Я, господа, тоже немного математик...

— Лжете!— перебивает его представитель Чили.— Дайте сюда энциклопедию! (*Шум и смятение в зале.*)

Председатель звонит и посылает секретаря за энциклопедией, а представителя Боливии лишает слова.

— Господа,— заявляет председатель упавшим голосом,— только что мы были свидетелями совершенно неуместной демонстрации. Я не нахожу слов, чтобы выразить, до чего я огорчен случившимся.

В это время возвращается секретарь и просит слова:

— Господа, в энциклопедии Боливии нет!

Представитель Боливии встает, бледный и взволнованный.

— Милостивые государи, два миллиона триста сорок семь тысяч квадратных километров...

Председатель лишает его слова и просит секретаря продолжать.

— Раз в энциклопедии на Боливию и намек нет, то и для нас не существует никакого господина представителя Боливии с его двенадцатью солдатами! (*Смех в зале.*) Я предлагаю отобрать у него мандат и исключить из числа членов конференции. (*Голос: «Втерся сюда!»*) Происшедший случай весьма прискорбен и наглядно показывает, какие трудности приходится преодолевать конференции, так что пусть никто не говорит, будто она играет комедию!

За предложение об исключении Боливии голосовали все, кроме одного. Последний голос принадлежал члену конференции Мериану, мирно спавшему за своим столом и в этот момент случайно пробудившемуся из-за дыма от окурка сигары, которую он курил перед сном.

Он поднялся, произнес «против», но не успел сесть снова, как паркет вздыбился, раздался оглушительный взрыв и в полу образовалась громадная дыра. С потолка посыпалась штукатурка.

Члены конференции полетели вниз.

Когда дым и пыль рассеялись, обнаружилось, что председатель конференции по разоружению Хавкинс, зацепившись одной штаниной, висит на стальной балке зала заседаний. Он выделывал такие движения, будто участвовал в состязании по плаванию, причем непрерывно вопил: «*Mon dieu, mon dieu!*»

Власти полагали сначала, что это дело рук анархистов,— но следствие установило, что взрыв не имел политической подоплеки.

Представитель одной фирмы по производству взрывчатых веществ ожидал в приемной внизу некоторых членов конференции по разоружению, чтобы предложить им новое взрывчатое вещество вашингтонит, в две тысячи раз эффективнее экзакрита и в тысячу раз превышающее действие мелинита. По ошибке вместо коробки со спичками он вынул коробку с образцами и, открывая ее, вызвал взрыв.

Вот почему хромой Томас Хавкинс поехал отдыхать на Тихий океан.

1921 г.

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И «НАРОДНИ ЛИСТЫ»

Главный редактор газеты «Народни листы» в задумчивости вышел из кабинета и вступил в соседнюю комнату, где, погруженный в тяжкие мысли, сидел несчастный обозреватель, которому поручено было писать комментарии к Генуэзской конференции*.

— Нам нужно,—произнес главный редактор, приблизившись к столу обозревателя,—ничто... нечто... нечто... нечто, так сказать, сильное, так сказать, нечто еще сильнее, чтобы не померкла наша старая слава «Марианской гаубицы». Правда, пан коллега, вы честно старались травить Россию, но все это еще ничто.

— Позвольте,—сказал обозреватель,—я уже и сам думал об этом, ведь мы, собственно, все только подогреваем старые побасенки. Согласитесь, пан шеф, работы на меня навалено столько, что очень трудно и сложно выдумать что-то новое. Я разговаривал уже об этом с Виктором Дыком. Ему тоже ничего не приходит в голову. Тем не менее я думаю, мы уже хорошо ославили Россию!

Главный редактор сел за стол напротив обозревателя и, вертя большими пальцами рук, заговорил весьма внушительно:

— Ах, боже мой, сколько еще разных комбинаций! Надо просто вспомнить и учесть то, что мы уже выдумали. Итак, вы писали, что большевики на немецкие деньги разложили русскую армию, затянули войну на год, писали о Брест-Литовском мире и о свирепых матросах, разгоняющих Учредительное собрание, о подкупленных петроградских полках, о китайцах, латышах, венграх и немцах, которые помогли большевикам захватить власть,—и все.

— Простите, пан шеф,—перебил его обозреватель,—вы забыли, а ведь я писал еще, что они захватили власть с помощью уголовников, выпущенных из тюрем,—эта мысль явилась мне между одиннадцатью и двенадцатью ночи. Я бы выдумал, пожалуй, еще что-нибудь поострее, так ведь из типографии поминутно звонили, чтоб я сдавал в набор... Да вы и сами отлично знаете, пан шеф: я делаю что могу. Кто убил Амфитеатрова и Аркадия Аверченко? Я—в прошлом году! А Кронштадт, захвативший Москву,—тоже мое дело!

Обозреватель встал, и, прохаживаясь по комнате, взволнованно говорил:

— Кто превратил Ленина в еврея, пан шеф? А кто сделал генерала Брусилова евреем, подкупленным немцами? Кто прев-

ратил Врангеля в мученика, я или доктор Крамарж? У кого чрезвычайка перебила всех чехов в России — у вас? Пан шеф, вы всегда доводили меня до крайностей! Сегодня у меня Горький повешен чрезвычайкой, а завтра он обращается ко всей Европе по поводу голода в России! У меня большевики расстреляли Кропоткина и Короленко, а они меж тем спокойно живут после этого еще два года, и, когда наконец действительно умирают от старости, сама «Русс-унион» публикует телеграммы, что похороны их состоялись на счет государства.

Так трудно работать, пан шеф. Верите ли, когда я после ночного дежурства, измученный сидением в редакции, прихожу домой, два часа не могу заснуть, все выдумываю что-нибудь такое против Советской России. И все никакого толку. Иной раз столько народу перебьешь руками большевиков, что кричишь во сне со страху...

— Да вы успокойтесь, коллега, — перебил его главный редактор. — Мы все вас ценим, в этой области вы, конечно, наиболее способный сотрудник редакции, но я должен сказать вам, что именно теперь, когда заседает Генуэзская конференция, вы должны удвоить вашу энергию. Наша травля Советской России должна быть колоссальной, она должна ошеломлять. Наверное, вы сами понимаете, что сейчас, после выступления Чичерина, писать о заплombированных вагонах уже не имеет никакого смысла. Надо придумать что-то такое, что поистине поразит весь мир, надо вскрыть всю гнусность русской Советской власти. Китайцы, латыши, венгры, евреи, немцы — это все слабо, коллега, это пфф, ничто, водичка. Народ надо бить молотом по голове, а не поить его липовым чаем. Этого требует момент. Генуэзская конференция — это вам не престольный праздник или деревенское гулянье. Если уж сам Ллойд Джордж на приеме, устроенном шведским министром Брантингом, и то не знал, что сказать о Генуэзской конференции после того сюрприза, который нам преподнес этот негодяй Чичерин, — то мы теперь обязаны выступить не с водичкой, а с керосином! Только что мы толковали об этом в секретариате редакции. Надо чем-то ошеломить республику! Ваш долг теперь — отличиться и поразить не только общественность, но и нас самих, все акционерное общество нашего издательства, всю типографию!

Главный редактор встал, крепко стиснул руку обозревателя и бросил, уходя:

— Так что с интересом жду вашу завтрашнюю статью. Не допускайте, чтоб вас посрамила «Народни политика»! И так их Станислав Николау сильно конкурирует с нами своими проклятыми комментариями.

Когда главный редактор удалился, обозреватель опустил голову на руки и пребывал в такой позиции более получаса; потом он взял карандаш и написал на полосках бумаги роскошную статью, которая и впрямь ошеломила не только

акционерную типографию газеты «Народни листы» и ее подписчиков, но и весь культурный мир.

Статья была не слишком длинной, зато содержательной:

СОЗДАТЕЛЬ «АННЫ КАРЕНИНОЙ» ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ РАССТРЕЛЯН БОЛЬШЕВИКАМИ В МОСКВЕ ЗА НЕСОГЛАСИЕ С ЧИЧЕРИНЫМ

Генуэзская конференция обрела свою трагедию! Нет более в живых Льва Николаевича Толстого!

Захватчики государственной власти на Руси, люди самых низких моральных устоев, навсегда замкнули уста величайшего из русских людей, Льва Николаевича Толстого, который был схвачен за то, что пламенно протестовал против махинаций Чичерина на Генуэзской конференции за счет русского народа!

Шесть китайских наемников убили вчера в тюрьме московской чрезвычайки автора «Анны Карениной»! Подробности завтра.

Низко, с плачем склоняется весь культурный мир над изуродованным трупом великого философа!

Мы давно отговаривали наше правительство от участия в Генуэзской конференции.

И вот вам!

Подробности, увы, «завтра» не были сообщены, доктор Крамарж пытался покончить самоубийством, расторопный обозреватель получил годовой отпуск, а одна пражская издательская фирма — как в воду глядела — поместила в том же самом злополучном номере газеты «Народни листы» большое объявление о массовом издании собрания сочинений Льва Николаевича Толстого...

1922 г.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ

«И когда дует южный ветер, говорите:
«эной будет»; и бывает».

*Еванг. от Луки, глава 12,
ст. 55*

I

Есть предметы, факты, события, явления, которые оказывают на человека необычайно освежающее действие. Они составляют необходимый элемент человеческой радости. Без них жизнь человека стала бы дьявольски однообразной. Человечеству нужна борьба, чтобы сердца людские не уподобились Сахаре — равнина, плоскость, не на чем душу отвести, песок и верблюды... Поэтому-то человечество и выдумало муниципальные выборы.

Представим себе окружной центр, где имеются следующие политические партии:

Партия спасителей народа;

Партия прогрессивных национальных горизонтов;

Народные минималисты;

Национальные максималисты;

Демократическая партия свободомыслящих;

Свободомыслящая партия прогрессивных демократов;

Социальные народные прогрессисты;

Партия реалистических аграриев социалистического толка;

Партия сельских демократов;

Венцелидесовцы.

Что касается последней политической партии, то ее произвел на свет в состоянии невменяемости местный гражданин Августин Венцелидес, причем ядро ее составило общество любителей игры в кегли при отеле «У розы» и компания собутыльников «Кубки».

Пан Августин Венцелидес принадлежал первоначально к партии спасителей народа, к которой принадлежит и пан Хаура, который, однако, злостно нарушил единство партии, начав ни с того ни с сего продавать метр английского полотна на тридцать геллеров дешевле, чем пан Венцелидес.

Жители города прекрасно помнят, как после этого в уборных ресторанах стали появляться надписи: «Хаура — вор!» Пан Венцелидес не дал себе даже труда хоть немного изменить свой почерк — неосторожность, приведшую его на скамью подсудимых по обвинению в диффамации, вследствие чего он, как осужденный преступник, был исключен из числа членов муниципалитета и превратился в отщепенца.

А отсюда уже недалеко до создания собственной партии. Таково происхождение партии венцелидесовцев.

Муниципальные выборы в этом городе были назначены в связи с отставкой городского головы, являвшегося вождем партии прогрессивных национальных горизонтов. Несчастный занимался демагогией и тайно продал паровой плуг, принадлежавший городскому хозяйству. Кроме того, его обвиняли в том, что он в период запрета водить собак без намордника приобрел для своей собаки намордник на средства города, занеся соответствующую сумму в графу «Почтовые расходы». С ним пали члены муниципалитета, принадлежавшие не только к партии прогрессивных национальных горизонтов, но и к объединенному блоку демократических свободомыслящих, народных минималистов и национальных максималистов, которые отказались от своих мандатов после того, как социальные народные прогрессисты выдвинули против блока грозное обвинение в том, что он, устроив пикник на берегу городского пруда, выловил оттуда всех лещей и сожрал даже всех мальков, приобретенных на средства налогоплательщиков. Подтверждением этого факта явилось то, что лидер национальных максима-

листов подавился, проглотив впопыхах маленького жареного карпа.

Коалиция рухнула. Отставки посыпались как из рога изобилия. От всех партий запахло тухлятиной. И вот как-то раз один местный житель, осведомившись у официанта в гостинице «У короны», что это за рыжий косо́й господин, который заказывает уже третью порцию рубца, получил в ответ:

— Этот рыжий косо́й записался у нас в книгу приезжих как правительственный комиссар. Мы уже дали знать в полицию: сейчас оттуда придут проверять у него документы.

Никто не пророк в своем отечестве. Утром сам окружной начальник нанес рыжему косо́му господину визит, и оказалось, что эта ошибка природы — действительно правительственный комиссар. Вдобавок выяснилось, что он ко всему еще хромым и питается исключительно рубцами — на основании теории, что в рубцах содержится пепсин.

Ошибка природы кушала рубец, глядя в окно гостиницы на распушенный муниципалитет и совещаясь с окружным начальником, причем через каждые два-три слова слышалось:

— У меня пувуар¹!

Урод назначил муниципальные выборы. Документация, избирательный аппарат, проверка полномочий, строгая проверка права голоса, всякие неприятности, мертвые встают из могил, чтобы потребовать участия в выборах...

Кандидатские списки. Переговоры политических партий. Пощечины при лунном сиянии, ночью, когда луна льет свой бледный свет и кого-то душат из-за того, что какой-то сторонник партии реалистических аграриев социалистического толка сказал о партии спасителей народа, что им бы только дорваться до казенного пирога.

Социальные народные прогрессисты и народные минималисты обмениваются пощечинами.

В одну из таких тихих ночей национальный прогрессивный горизонталист получил по морде от национального максималиста, которого в свою очередь где-то за углом сбил с ног свободомыслящий прогрессивный демократ.

Затем, в виде предисловия, на улицах появились официальные объявления о назначении новых выборов. После этого каждая партия выпустила простенькое обращение к своим сторонникам и расклеила его на улицах; в этом обращении она популярным языком разъясняла, что близятся перевыборы в местные муниципальные учреждения и каждому гражданину необходимо понять, что победить должна именно она.

Потом в органе свободомыслящих прогрессивных демократов «Голосá из Нучиц» появилась статья, которая, собственно, и положила начало настоящей заварухе. Статья была направлена против лидера социальных народных прогрессистов Юнеса и

¹ Pouvoir — власть (франц.).

озаглавлена «Образчик нравственного падения».

Начало было многообещающее:

«Одной из подлейших партий в нашем городе является партия социальных народных прогрессистов. Мы долго не решались написать слово «подлейших», но исключительно бесстыдное, лицемерное, гнусное и безнравственное поведение их лидера пана Юнеса убедило нас в том, что с шайкой пана Юнеса церемониться не приходится. Вчера к нам в редакцию, перед самым подписанием номера, явилась молодая девушка и, чуть не плача, сообщила, что пан Юнес выманил ее на прогулку за город к св. Вавржину и там, в бельведере, совратил, обещав жениться. Пан Юнес посулил ей даже (вы только представьте себе!), что она будет женой городского головы. А когда отец вышеупомянутой особы в четверг на прошлой неделе, в пять часов пополудни, попросил пана Юнеса назначить день свадьбы, этот развратник попросту выставил его за дверь, да еще крикнул ему вслед, что и не подумает жениться на какой-то потаскухе, добродетель которой не выдержала первой прогулки.

Вот какова она — пресловутая нравственность социальных народных прогрессистов! Волосы встают дыбом, когда подумаешь, что у этой партии были два представителя в городском совете и три — в финансовой комиссии, причем последние имели доступ к сейфу, где хранятся все городские поступления.

После этого не было бы ничего удивительного, если б наше городское хозяйство оказалось в самом критическом положении: ведь эта партия за счет налогоплательщиков устраивала оргии с обманутыми неопытными девушками в разных бельведерах.

Не городским головой вам быть, пан Юнес, а главарем разбойников!

В следующем номере мы помещаем большую статью о казнокрадстве бывшего члена городского совета пана Пипиха. Само собой разумеется, пан Пипих — тоже социальный народный прогрессист, каким был и известный муниципальный проходимец и шулер, уголовник Книжек, к тому же еще лошадиный барышник и шурин известного владельца публичного дома «За рекой», причем этот последний, говорят, тоже выдвигается кандидатом по их списку!»

Этой статьей «Голосá из Нучиц» победоносно прорвали блокаду, и орган социальных народных прогрессистов «Общественные интересы» незамедлительно ответил им в специальном выпуске, поместив на первой странице набранное жирным шрифтом письмо пана Юнеса по поводу нападения, которому он подвергся. Пан Юнес начал с большим достоинством:

«В последнем номере пользующихся печальной славой «Голосов из Нучиц» их редактор, известный лжец и алкоголик пан Папик, бросил ком грязь в мою седую голову. Этот субъект, гнушающийся честным трудом, позволил себе опубликовать обо мне нечто до такой степени нелепое, что, если бы статья его не затрагивала вопроса о муниципальных выборах, я отнесся бы к

ней как к бреду сумасшедшего и потребовал бы водворения автора в больницу для умалишенных. Но в данном случае, в обстановке разгорающейся идейной предвыборной борьбы между определенными партиями, нельзя видеть в пане Папике только идиота, а необходимо признать его негодяем высшей марки, злостным клеветником и моральным вырожденком. Кто знает мою седую голову—а таких, конечно, много,—тому прекрасно известно, что я уже более сорока лет женат, и нет надобности повторять, что мое прошлое так же незапятнанно, как мои седины. В городе и его окрестностях меня знает каждый ребенок—и вдруг на склоне моих дней является какой-то гнусный мерзавец, уже успевший получить по заслугам за свои бесчисленные проделки, и осмеливается говорить мне в глаза, будто я на старости лет кого-то обесчестил. Не выйдет, господа! Наша предвыборная борьба должна протекать на определенном моральном уровне, и я от имени своей партии—социальных народных прогрессистов—прошу исполнительный комитет партии свободомыслящих прогрессивных демократов немедленно исключить из своих рядов, скажу напрямик, этого наглого бездельника, проходимца, негодяя и клеветника Папика. Со своей стороны заявляю, что подал на этого грязного субъекта жалобу, и в ближайшую сессию суда присяжных низкий моральный облик негодяя получит надлежащую оценку.

Йозеф Юнес,

«Шифер, кровельный толь, цементная черепица».

Уже два часа ночи. Наверху в доме пана Венцелидеса еще горит свет. Пан Венцелидес сидит за столом и пишет листовку, направленную против всех партий. Время от времени он кричит в спальню жене:

— Как там было дело с этим национальным максималистом? Мне нужны факты! Украл у Гржинексов бутылку с уксусной эссенцией? Ах, это сделал двоюродный брат их служанки? Неважно: произошло у них в доме, и кончено. Эти национальные максималисты ни с чем не считаются.

Пан Венцелидес пишет дальше. Через минуту до спальни опять доносится его голос:

— Как было дело с тем сельским демократом, Маринка?..

А в гостинице «Корона» правительственный комиссар жует рубли.

II

Характерно одно обстоятельство. Все партии в обращениях величали своих кандидатов известными, проверенными работниками, голосуя за которых избиратель сделает добро не только городу, но и самому себе, так как эти лица выше всего ставят пользу общества, а не удовлетворение собственного тщеславия.

Короче говоря, каждый из этих кандидатов был ангел,

благороднейший человек, которому чужды обман и мошенничество.

Но тут-то и началась публичная исповедь. В листовках каждой из десяти политических партий вскрывалась и обнажалась подноготная кандидатов остальных партий. Отчетливо выявилось, что, по существу, лидеры всех без исключения политических партий в совокупности своей составляют славную компанию, которая заняла бы видное положение где-нибудь в Панкраце, Мирове или Борах*.

Горожане просто диву давались, какие подонки вершили в последнее время судьбы города.

Каждая партия посылала другим партиям, то есть их руководству, угрожающие письма и анонимки. Национальные прогрессивные горизонталлисты, например, писали лидеру свободомыслящих прогрессивных демократов:

«Берегись, как бы результаты выборов не отразились на твоей заднице, так что трудно будет сидеть!»

А тот ответил руководителю национальных прогрессивных горизонталлистов анонимным письмом:

«Предупреждаю тебя заранее, Франта: отойди в тень. Таких развратников, спекулянтов и босяков, как ты, надо устранять из общества! Отступись, Франта, а не то я на тебя донесу, и тебя свезут прямо в Кутную Гору».

Демократическая партия свободомыслящих отправила национальным максималистам анонимное письмо следующего содержания:

«Пан Янота! Надеемся, что вы по получении этого письма заявите руководству своей партии о своем отказе баллотироваться; в противном случае один ваш добрый друг предаст гласности, что случилось с картофелем, предназначенным для городской бедноты!

С дружеским приветом
И.М.»

Анонимка, полученная лидером народных минималистов, была короткой:

«Вор! Смотри не показывайся на предвыборном собрании, а то я спрошу тебя: куда девались деньги за проданный сахар из городских запасов?»

Лидер демократической партии свободомыслящих был приятно удивлен, получив такое письмо:

«Милостивый государь! Меня, как давнишнего Вашего единомышленника, глубоко огорчил бесчестный поступок члена Вашей партии пана Семерака, которого Вы выставили первым кандидатом в своем списке. Он грубо злоупотребляет не только

Вашим доверием, но и честью Вашей супруги. Я застал Вашу супругу в роще «На Марковой» в момент совершения прелюбодеяния с паном Семеракком. Удивляюсь, как Вы сами не замечаете, в какой измятой юбке возвращается Ваша жена домой с прогулки. Вы поступили бы абсолютно правильно, если бы публично надавали этому Вашему соратнику оплеух. Что я Вам не лгу, в этом Вы можете лучше всего убедиться, осведомившись у Вашей супруги, почему с 16 мая на той полянке «На Марковой» не растет трава.

Желаю Вам полного успеха в деле очистки Вашей партии от подобных элементов и остаюсь

Ваш старый единомышленник и товарищ по партии.

Угадайте, кто?»

Супруга лидера партии спасителей народа получила заказное письмо:

«Пани Киндлова! Когда Вы по утрам ходите в церковь, Ваш муж в это время водит к себе в подвал гимназисток. Он страдал этим гнусным пороком еще до Вашего знакомства с ним. Скажите ему, чтобы он не выставлял своей кандидатуры, а то один отец подаст на него жалобу. Пока будьте здоровы и ждите продолжения, богомолочка!»

Примерно в это же время пан Венцелидес метался по комнате с распечатанным доплатным письмом:

«Бродяга! Теперь голоса выклянчиваешь? Видно, это у тебя в крови; ты ведь несколько лет тому назад в Нижней Австрии по миру ходил, за попрошайничество в тюрьме сидел, и тебя оттуда в Недоухов по этапу пригнали, шута горохового! Занимайся, болван, кеглями, а в политику не суйся. Ты в ней понимаешь, как свинья в апельсинах. Тебе бы только кого обобрать, спекулянт этакий!»

Не был обойден и лидер партии сельских демократов. Какой-то член партии реалистических аграриев социалистического толка писал ему:

«Пепичек Погодный! То-то, поди, злишься, что в копилке Центральной школьной Матицы, которую ты слямзил в трактире «У Гарцулов» перед войной, оказалось всего несколько пятаков? Тебе бы прийти тогда в этот трактир неделькой раньше: там у нас было больше ста крон. Вот бы ты опять нализался! Помнишь, как во время войны гнилую картошку нам спускал? Но пришел наконец божий суд. Собирай скорей пожитки и ступай за границу искать жар-птицу!»

Тот, кто хорошо тебя знает, и ты его тоже».

Говорю вам, это была грандиозная, всеобщая публичная исповедь.

Содержание анонимных писем мало-помалу становилось

достоянием гласности, так как каждый пострадавший выпускал листовку, в которой обличал эту подлость, этот недостойный прием предвыборной борьбы. В типографии люди с ног сбились, работая сверхурочно, и одной из самых важных фигур стал типографский корректор, которого на каждом шагу оставляли и начинали расспрашивать:

— Скажите, пан Бенке, нынче вы ничего не читали насчет меня? Ах, не говорите — «нет». По глазам вижу, что «да». До чего мы дошли с этой предвыборной борьбой!

Весь город был залеплен плакатами; в глаза кидались крупные буквы, образующие огромное слово: «Заявление!»

Самое скромное из этих заявлений звучало примерно так:

«С величайшим негодованием отвергаю утверждение моих политических врагов, будто я в 1913 году застраховал жену свою Марию Дртинову, урожд. Хлоупкову, на сумму 25 000 крон, а 19 августа, в семь часов вечера, с корыстной целью утопил ее в городском пруду во время купания. Настоящим заявляю, что никогда не был женат, никогда никого не застраховывал и в указанный день находился в заключении при уголовном суде в Праге за публичное оскорбление действием полицейских служащих вскоре после моего приезда в Прагу для осмотра Градчан.

Штепан Дртина,
„Узоры для вышивания“».

О том, какие обвинения были вообще возможны, говорит другое отчаянное заявление, выпущенное неким Кржиштой, который клянется, ссылаясь при этом на свидетелей, что никогда не выкапывал шпал на полотне северо-западной железной дороги и не продавал их оптом тому же железнодорожному ведомству, а также не занимался хищением телеграфных проводов на пльзеньском шоссе.

Эти разнообразные опровержения давали повод к новым обвинениям, отличавшимся иной раз большими подробностями, видоизменявшими либо дополнявшими первоначальные.

Повторные обвинения имели по большей части такой вид:

«Мы несказанно удивлены, что пан Гарцуба имел смелость и дерзость в ответ на наше обвинение выступить в свою защиту. Напомним ему в таком случае, что факт, о котором идет речь, имел место восемнадцать лет тому назад в Чаславе, где этот ловкач держал тогда галантерейный магазин, который он поджег 12 августа, в ночь со вторника на среду, повысив перед этим сумму страховки. В течение недели перед пожаром не проходило ночи, чтобы из магазина не выносились свертки с разным товаром, и мы ему точно напомним, что в воскресенье он унес домой канифас, в понедельник — мешковину, во вторник — камчатное, а в среду — английское полотно, в четверг — зефир, в пятницу — шелка, полотенца, носовые платки и салфетки, в субботу — носильное белье, в воскресенье — разные шер-

стяные материи на платья и отрез сукна, в понедельник — нитки и ленты, а в ночь со вторника на среду поджег свои пустые прилавки. Да, пан Гарцуба, напрасно вы в своем «Ответе» высокомерно обзываете нас клеветниками: ведь мы вас еще пощадили, назвав довольно мягко — поджигателем. Нам прекрасно известно, что у вас кожа как у бегемота и вы опубликуете новый ответ. Посмотрим, что скажут избиратели. Они должны быть осведомлены, что, голосуя за Гарцубу, выберут своим представителем поджигателя, чуть не спалившего весь Часлав».

Пан Гарцуба нашел в себе смелость опубликовать новый «Ответ» и расклеить его по углам улиц на досках для объявлений:

«Я просто констатирую, что восемнадцать лет тому назад действительно жил в Чаславе, но не держал галантерейного магазина, а являлся представителем фабрики пробковых товаров в Клаштере над Огржи, так что у меня на складе не могло быть канифаса и т. п. Думаю, этого вполне достаточно — не для моего оправдания, так как я в нем не нуждаюсь, меня все знают, — а для полного осуждения всем известной партии политических лжецов и негодяев».

Но и на этом дело не кончилось. Нет, этого оказалось недостаточно. На него накинута с еще большим остервенением, и на другой же день на улицах появились плакаты:

«ПРИЗНАНИЯ ПАНА ГАРЦУБЫ! ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕРТВЕЦ ИСПОВЕДУЕТСЯ!

Мы привыкли к безнравственности своих политических противников и все же были поражены циничным признанием пана Гарцубы в том, что он действительно был в Чаславе, где поджег свой склад пробковых товаров, к чему готовился целую неделю, унося домой, в безопасное укрытие, тюки товаров. Чтобы освежить факты у него в памяти, предадим гласности хронологический перечень этих незаконных операций. В ночь на воскресенье третьего августа он перетащил к себе домой пробки, предназначенные для пивоваров и виноделов, для бутылок с минеральными водами, ликерами и для продажи вина в розлив. В понедельник похитил пробки для аптек и аптекарских магазинов. Во вторник ночью забрал соломенную упаковку для бутылок всякого рода, а также пробковые затычки и пробочники. В среду вывез целый воз пробковых подстилок под линолеум, пробковых стелек для сапог, пробковых плавательных поясов, пробковых решетчатых циновок для ванн и бань и пробковых ручек для перьев; в четверг — цельные пробковые коврики и половики; в пятницу — пробковые мешки; в субботу — увез пробковые плитки, пробковую труху и отбросы; в воскресенье — пробковую термоизоляцию и в понедельник — пробковые прокладки для машин.

А двенадцатого весь склад был уже в огне. Вот факты, пан

Гарцуба! Этими фактами мы спокойно и убедительно отвечаем на ваше развязное: „Вполне достаточно“».

Ознакомившись с этим новым обвинением, пан Гарцуба до поздней ночи сидел, как осужденный перед казнью. На столе перед ним лежал лист бумаги, ничем не заполненный, если не считать заглавия, которое он с трудом сочинил к рассвету:

ОПРОВЕРЖЕНИЕ № 3

Начало светать, а лист все оставался чистым. У пана Гарцубы ум зашел за разум, и он в конце концов написал:

«В ответ на грубые нападки обращаюсь с просьбой к представителям судебных кругов навести обо мне справки на фабрике пробковых товаров в Клаштере над Огржи, в Блюннерсдорфе».

Это «Опровержение» оказалось тоже размноженным в виде плакатов, но в тот же день общественность была удивлена появлением новой надписи. На воротах ратуши кистью было намалевано:

«БЫВШИЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА ЮНЕС ЖРЕТ КОШЕК!»

И рядом, на тротуаре перед ратушей, той же рукой:

«ВЫБИРАЙТЕ ВЕНЦЕЛИДЕСА!»

А в гостинице напротив ошибка природы—правительственный комиссар по-прежнему жевал рубли...

III

Авторов анонимных писем вскоре разоблачили, и, так как в каждой партии их оказалось не меньше чем по одному, это стало даже считаться хорошим тоном. После их разоблачения все партии, словно сговорившись, выступили с заявлениями такого характера:

«Анонимные письма члена нашей партии—это все, что против нас имеется. Ничего другого в ущерб нам выдвинуть не могли...»

*

У коммивояжеров, останавливавшихся в этот период в городе и читавших все эти листовки, создавалось впечатление, что они попали в разбойничий притон; укладываясь спать у себя в номере гостиницы, они загораживали дверь шкафом и вообще принимали всевозможные меры предосторожности, а утром вставали пораньше и, не выспавшись, спешили уехать.

В городе должна была быть ярмарка, но народу съехалось очень мало: все были страшно напуганы.

«Там какие-то бандиты,—говорили в окрестностях.—Поедешь туда, а господа кандидаты зарежут тебя и ограбят».

Не знаю, чем кончится избирательная кампания, но ко мне как раз приехал один тамошний житель и сказал, что по дороге на вокзал он видел, как в городе расклеивают новые плакаты, в которых сказано, что бывший заведующий городскими финансами страдает половым извращением и состоит в любовной связи с секретарем своей политической партии...

1922 г.

ДУШЕНЬКА ЯРОСЛАВА ГАШЕКА РАССКАЗЫВАЕТ: «КАК Я УМЕРЛА»

Когда мое тело расстреляли в Будейовицах за государственную измену, которую мы с ним совершили в припадке белой горячки, полетела я, чистая душенька доброго Ярослава Гашека, к небу.

Вы, наверно, помните еще этого милого молодого человека? Он почитал государя императора, писал разные глупости и был в обличье розовый. Однажды он сказал нечто такое, с чем никто не согласился. Тогда этого лояльного мужа обвинили в государственной измене и прикончили.

О нем, вероятно, можно было бы говорить как о жертве, говорили же только как о забуддыге.

Но поскольку буквы «ж» и «з» стоят в алфавите рядом, я была спокойна. Весело подпрыгивала я и пела: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля!» Просто так—с радости.

Радость моя была возвышенна, но кратковременна...

Перед небесными вратами теснились неисчислимые толпы. В то время как я протискивалась вперед, чтобы поскорее куснуть райского блаженства, меня вдруг схватила за рубашку военная полиция. Это было нечто среднее между архангелом и императорско-королевским полицейским.

— Эй, пехотинец!—крикнуло мне небесное явление.—А значишься ты в списках погибших? Ну-ка предъяви свои документы!

У меня не было никаких документов, и я попыталась кое-как отвертеться:

— Осмелюсь доложить, меня только что застрелили в Будейовицах. Я не знала, что на это нужно подтверждение.

Небожитель хмуро посмотрел на меня.

— Кому ты сказки рассказываешь? Меня не проведешь! Стою здесь с тех самых пор, как непокорные ангелы нарушили дисциплину. После всемирного потопа у меня была служба в приемочной канцелярии. Я пропускал за небесные врата невинно убиенных младенцев. Видел я и Орлеанскую деву. О ней-то я мог бы кое-что порассказать!.. Я открывал врата Наполеону!..

А что касается тебя, так ты это не очень ловко придумала со

своими Будейовицами. Думаешь, я не знаю географии? Я же вижу, что ты из того «голубинового народа», который все время где-нибудь дерется. Видно птицу по полету! Не больно-то нам интересно сверхурочно тут из-за вас работать! Тебе каждый сопливый ангелочек скажет, что в Будейовицах в это время никакого фронта не было. Тут тебе не санаторий! Катись-ка отсюда! Марш назад в роту!

Заживо я принадлежала человеку, который выше всего на свете почитал начальство и законы. Заживо я никогда не имела дела с полицейскими. Поэтому я и после смерти послушно повернулась и полетела назад, в Будейовицы. На месте казни я нашла свое мертвое тело и скорбно воссоединилась с ним в императорско-королевского пехотинца.

Пехотинец был бравым солдатом, держался поближе к кухне и своими кулинарными познаниями приводил в смятение повара. Ел он за двоих,пил за троих.

Дивным промыслом божьим суждено ему было наконец пасть на русском фронте. Убедившись, что он действительно мертв, я грустно села на его ранец и задумалась... Была я опять свободна, как говорится, разведена со своим телом. Но не было у меня на это никакого документа.

Вокруг простиралась печальная разрытая равнина.. При свете месяца я вдруг увидела приближающегося человека. Это был ксендз. Он собирал у мертвых документы и вещи.

Я обрадовалась, что теперь он установит мою смерть и запишет об этом где нужно. Но подойдя уже совсем близко ко мне, он вдруг плюнул, проворчав: «Проклятая жизнь!», пошел прочь.

Мое тело мутными глазами смотрело в небо. Я заплакала: никто мне не поверит, что я умерла. Я не решилась вновь предстать перед вратами вечности и влезла снова в своего пехотинца, чтобы дожидаться более надежного способа смерти.

На счастье вскоре после этого мое тело напилось до бесчувствия и погибло в драке с пьяными матросами. Произошло это, надо полагать, где-нибудь около моря, насколько можно судить по присутствию матросов.

Я покинула свой труп и отправилась искать какой-нибудь документ, подтверждающий, что я в самом деле умерла. На этот раз я действовала по определенному плану, что помогло мне обнаружить в одной известной чешской газете некролог о себе, написанный в форме фельетона. И было в нем о моем бедном теле все самое наихудшее, что только можно придумать, согласно чешской поговорке: «О мертвых либо ничего, либо дурное!»

Заживо я также много писала о разных людях и не раз говорила о своих ближних кое-что ядовитое. Но я всегда писала только о живых и только о том, с чем человек выступал перед обществом. Грязного белья я никогда не трогала. Не сообщала, например, что пан Н.Н. имеет любовницу или что он там-то и

там-то был в пьяном виде. Для меня достаточно было сообщить, что он выступал с тем-то и с тем-то.

В посмертном воспоминании, которое посвятил мне мой «приятель», я именуюсь пьяницей и акробатом в жизни. Использовано здесь и словечко «шут». Но «Гашек-шашек»¹ — так меня дразнили на улице еще в детстве, до того, как я начала ходить в школу. Поэтому меня это слово не удивило. Было там также, что у «шашека Гашека» пухлые детские руки. Я быстренько заглянула дальше, не указано ли еще, что у меня под ногтями грязь и когда я в последний раз мыла ноги. Но этот исторический факт там вообще не был упомянут.

В полночь я забралась в каморку к автору пасквиля. Он лежал на постели в ботинках и храпел изо всех сил. Очень мне хотелось дать ему здоровую пощечину, так, чтобы за его злоязычными устами не осталось ни одного зуба. Но, поскольку я была мертвой, а мое тело с перебитыми пухлыми руками лежало во Владивостоке, я так ничего и не сделала моему «приятелю».

С некрологом под саваном полетела я снова к небу. Перед входом уже не было такой давки, как раньше. Слышалась главным образом русская речь. Одна душенька спросила меня:

— Ты откуда?

— Из Владивостока.

— Большевик или белогвардеец?

— Я большевик или белогвардеец, как тебе нравится,— ответила я весьма дипломатично.

— А что с тобой случилось? Чрезвычайка?

Я осторожно вытащила свой некролог и с вежливой улыбкой показала его спрашивающей душе: «Читайте!»

Душенька прочитала, покачала головой, вынула из кармана завернутый в промасленную газетную бумагу кусок хлеба, подsunула газету к моим глазам и насмешливо расхохоталась:

— Так мы, значит, земляки. Я — Коуделка из Вршовиц. А ну-ка, почитай, что тут написано.

Я несмело посмотрела на бумагу. В глаза мне бросилась заметка «Слухи о мнимой смерти Ярослава Гашека».

Там было написано, что Ярослав Гашек, возможно, действительно опился, но что это не было еще в последний раз. В общем, известие о моей смерти было опровергнуто.

У меня от горя затряслись колени, и я стрелой помчалась прямо во Владивосток. Улетая, я еще успела услышать, как душенька из Вршовиц кричала мне вслед:

— Шляются тут возле порядочных людей всякие проходимцы!

Совсем упав духом, пристроилась я к своему телу. Оно уже начало пахнуть. Я грустно посмотрела на свой высокий лоб,

¹ Шашек — по-чешски шут.

на приятный нос, и было мне очень горько, что в некрологе писалось только о моих руках.

Слезы брызнули из моих глаз—пришлось высморкаться в саван. Мне стало вдруг так обидно, что мое тело убили матросы, и я громко воскликнула: «Боже, каждый имеет после смерти покой, и только я—нет! А ведь был он такой приятный человек, этот пан Гашек,—так, во всяком случае, нам с ним казалось, и так мы с ним дружно жили!»

Вдоволь нагоревавшись, взвалила я свое троекратно мертвое тело на спину и отправилась с ним по свету.

На первом же углу улицы бросился мне в глаза ордер на арест, отпечатанный на большом плакате. Прочитав его, я поняла, что речь идет обо мне и о том, что я несущая на своей спине. Сложила я тогда свои останки под этот ордер, села сама напротив и стала ждать, когда кто-нибудь окончательно уберет меня со света.

Вскоре меня застрелили и повесили за государственную измену. На этот раз я имела уже официальный документ (чешско-немецкий, а не немецко-чешский) и была допущена наконец за врата вечности.

Здесь меня ожидал допрос:

— Кем была при жизни?

Покраснев и потупившись, я ответила:

— К тридцати пяти годам я имела за собой восемнадцать лет прилежной плодотворной работы. До 1914 года я наводняла своими сатирами, юморесками и рассказами все чешские журналы. У меня был широкий круг читателей. Я заполняла целые номера юмористических журналов, прикрываясь всевозможными псевдонимами. Но мои читатели в большинстве случаев меня узнавали. Поэтому я наивно считала себя писателем.

— К чему эти длинные рассуждения! Кем была на самом деле?

Я смутилась, нащупала в кармане некролог и выкрикнула в замешательстве:

— Извините, пьяницей с пухлыми руками!

— Откуда родом?

— Мыдловары, округ Глубока.

— Родилась?

— В 1883-м.

Тут меня поглотило море вечности...

ПОИСКИ ПУТИ

Предвыборное выступление цыгана Шаваню

Журнал «Иллюстрованъ светъ», № 42, 12.VIII.1904 г.

Один из первых фельетонов, в котором писатель выступает как мастер политической сатиры. В этом произведении остро высмеивается буржуазная демократия и ее атрибут— лживое «всеобщее» избирательное право.

Стр. 21. ... *в новом здании парламента в Пеште.*— Имеется в виду здание парламента на площади Кошута в Будапеште, построенное по проекту архитектора Имре Штейндля и торжественно открытое в 1896 г. В нем проходили заседания этого законодательного учреждения Венгрии, входившей в состав империи Габсбургов.

Господин Глоац— борец за права народа

Газета «Нова Омладина», № 99, 19.XII.1906 г.

«Нова Омладина»— газета чешских анархистов, в которой сотрудничал Я. Гашек.

Образ депутата Глоаца— собирательный. Гашек показывает типические черты буржуазных политиканов, демагогически разглагольствовавших о защите прав народа, но в действительности защищавших интересы господствующих классов и ставивших превыше всего собственное благосостояние и карьеру.

Стр. 23. ... *избравший своим депутатом в Имперский совет.*— Австрийский Имперский совет (рейхсрат)— законодательное учреждение Австрии, состоявшее из двух палат— верхней (палаты господ), в которую входили пожизненно назначаемые императором представители крупной земельной аристократии, высшего духовенства и бюрократии,

тического аппарата, и нижней (палаты депутатов), в которую избирались на основе ограниченного избирательного права депутаты из отдельных земель страны. По конституции 1867 г. обеспечивалось преобладающее влияние в рейхсрате наследственной знати, крупных помещиков и верхушки католического духовенства.

О парламентах

Газета «Нова Омладина», № 5, 13.I.1907 г.

На русском языке публикуется впервые.

Фельетон раскрывает классовый характер и ограниченность политических институтов буржуазной демократии. Искусно используя факты политической жизни различных стран — от Австро-Венгрии до царской России, писатель показывает, что так называемые представительные учреждения в условиях капиталистического строя являются ширмой, прикрывающей всевластие и неограниченный произвол имущих классов.

Стр. 26. *...произошло это в 1897 году.*— В 1897 г. австрийский рейхсрат стал ареной бурных столкновений в связи с обсуждением закона, предложенного правительством Бадени, об относительном равенстве чешского языка с немецким в государственных учреждениях Богемии. Шовинистически настроенные депутаты от немецких буржуазных партий устроили обструкцию этому закону. Потасовки, вспыхивавшие в рейхсрате, часто не обходились без вмешательства полиции.

Стр. 27. *...Как в той русской думе.*— 27 апреля 1906 г. начала свою деятельность I-я Государственная дума, учрежденная царизмом под давлением массового революционного движения, развернувшегося в стране в 1905—1906 гг. Царское правительство, встревоженное обсуждением в Думе аграрного вопроса, в ходе которого был внесен ряд законопроектов, предусматривавших отчуждение помещичьих земель, 8 июля 1906 г. распустило Думу.

Стр. 30. *И будет так же, как тогда в Испании в 1870—1880 гг.*— В ходе испанской буржуазной революции 1868—1874 гг. Испания была провозглашена республикой. Однако испанская буржуазия, напуганная выступлениями рабочего класса, проложила путь к реставрации монархии. 3 января 1874 г. генерал Павиа и маршал Серрано произвели государственный переворот и восстановили монархическую конституцию. Учредительные кортесы (собрание представителей от всех сословий) были распущены.

...выбранные на основе всеобщего, равного избирательного права при тайном голосовании.— В 1905—1907 гг. в Австро-Венгрии под влиянием первой русской революции развернулось широкое движение трудящихся за демократизацию политического строя, за введение всеобщего избирательного права. В январе 1907 г. австрийский рейхсрат вынужден был утвердить закон, провозглашавший введение всеобщего избирательного права. Но на деле избирательное право было далеко не всеобщим. Как и прежде, избирательных прав не имели женщины. Устанавливался годичный ценз оседлости, высокий возрастной ценз. Население округов, где жили угнетенные национальности, получило в рейхсрате гораздо меньшее количество мест, чем население округов с австрийским населением.

Газета «Коммуна», № 22, 26.IV.1907 г.

В юмореске высмеиваются произведения чешских поэтов-декадентов, пишущих о рабочих в сентиментально-слащавом тоне. Писатель выступает за высокое социальное предназначение искусства, призванного отражать революционную борьбу пролетариата против эксплуатации и угнетения.

О католической печати

Газета «Право лиду», № 8, 9.I.1908 г.

В фельетоне сатирик обличает религиозные вымыслы, которые проповедовались на страницах католических газет и журналов, в том числе таких, как «Доминиканская роза», «Св. Войтех», «Кршиж и Мария», «Св. Чех», «Св. меч», «Властенец», «Ческе цветы» и др. Разоблачая нелепость религиозных догматов, Гашек вскрывает глубокую враждебность церкви прогрессивным общественным течениям, прежде всего социалистическому движению рабочего класса.

Бунт арестанта Шейбы

«Дельница бесидка» (воскресное приложение к газете «Право лиду»), № 25, 26.I.1908 г.

Чернова

Журнал «Женски обзор», № 2, 1908 г.

На русском языке публикуется впервые.

Политический памфлет Гашека посвящен трагическим событиям, которые произошли 27 октября 1907 г. в словацкой деревне Чернова у Ружомберока. При освящении нового костела словацкое население Черновы попыталось воспрепятствовать исполнению этого обряда венгерскими священниками. Прибывшие жандармы открыли огонь по безоружной толпе. В результате 14 человек были убиты, 10 — тяжело и 60 — легко ранены. Расстрел в Чернове стал еще одним свидетельством чрезвычайной остроты национальных противоречий в Словакии, жестокого угнетения словацкого народа господствующими классами империи Габсбургов.

Стр. 46. ...оперетта Легара «Плетельщик корзин». — Оперетта венгерского композитора Легара Ференца (1870—1949) на сюжет из жизни словацкой деревни.

Гурбан Ваянский Святозар (1847—1916) — выдающийся словацкий поэт и публицист. В своих произведениях выступал против проводившейся габсбургскими властями политики национального угнетения словаков, боролся за освобождение словацкого народа.

Стр. 47. ...затем появился норвежский поэт. — Речь идет об открытом письме известного норвежского писателя и общественного деятеля Мартиниуса Бьёрнсона (1832—1910), опубликованном в печати в связи с событиями в Чернове.

Глинка Андрей (1864—1938) — католический священник, реакционный клерикально-националистический словацкий буржуазный политик, организатор и руководитель созданной в 1918 г. клерикально-фашистской словацкой народной партии.

Катастрофа на шахте

Еженедельник «Лид», № 22, 11.VI.1908 г.

Юбилей служанки Анны

Газета «Младе проуды», № 12, 22.VI.1908 г.

Тайна исповеди

Газета «Ческе слово», № 199, 30.VIII.1908 г.

Как Юрайда сделался атеистом

Еженедельник «Лид», № 32, 7.X.1908 г.

Стр. 60. ...нашего святого Яна.—Имеется в виду Ян Непомуцкий—генеральный викарий пражского епископата, которого король Вацлав IV приказал утопить в Влтаве за то, что он не выдал тайны, доверенной ему королевой во время церковной исповеди. Он был канонизирован католической церковью и причислен к лику святых.

Благотворительность

Еженедельник «Гумористицке листы», № 2, 31.XII.1908 г.

Нравоучительный рассказ

Журнал «Карикатуры», № 3, 21.I.1909 г.

Антигосударственный заговор в Хорватии

Журнал «Карикатуры», № 7, 18.III.1909 г.

Поводом для написания Я. Гашеком этого фельетона явился сфабрикованный габсбургскими властями в 1909 г. в Загребе, в Хорватии, входившей тогда в состав Австро-Венгрии, судебный процесс. На нем были вынесены суровые приговоры невинным людям, обвинявшимся в государственной измене. Процесс был заранее задуманной провокацией правительства Австро-Венгерской империи с целью задушить национально-освободительное движение в Хорватии, славянское население которой подвергалось жестокому национальному угнетению и насильственной мадьяризации.

Стр. 69. *Барон Раух Павел* (1885—1930)—в 1908—1910 гг. был назначен венгерскими властями баном (наместником) Хорватии, являлся одним из вдохновителей загребского судебного процесса.

Стр. 72. «Сокол»—спортивная организация, существовавшая в Чешских землях. Члены «Сокола» нередко участвовали в национально-освободительном движении славянских народов.

Журнал «Карикатуры» (спец. вып.), 4.X.1909 г.

Это один из самых острых политических памфлетов писателя в довоенный период. В нем он откровенно бичевал трусливую, пресмыкающуюся перед Габсбургской монархией чешскую буржуазию. Вскрывающая сущность политической позиции крупного чешского буржуазного деятеля Карела Крамаржа, сатирик обличал компромиссный, соглашательский курс крупнейших буржуазных партий Чешских земель — младочехов, реалистов и др.

Стр. 73. *Крамарж Карел* (1860—1937)—чешский фабрикант и буржуазный политик. Начал свою политическую деятельность в партии реалистов. С 90-х гг. XIX в.—один из руководителей младочешской партии, депутат от этой партии в рейхсрате. Выражая интересы промышленных кругов чешской буржуазии, связанных с политикой венского правительства, проводил до октября 1918 г. проавстрийскую политику, активно поддерживал империалистический курс Габсбургской монархии. После образования буржуазной ЧСР—в 1918—1919 гг. премьер-министр, один из основателей и лидеров партии национальных демократов. Занимал антисоветские позиции.

...младочешской позитивной политики.—Младочехи—буржуазная политическая партия, сформировавшаяся в 1874 г. на основе оппозиционного течения внутри буржуазного лагеря старочехов-либералов. На рубеже XIX и XX вв. младочехи, выражавшие интересы промышленной буржуазии Чешских земель, связанной с империалистическим курсом Вены, стали утрачивать свой оппозиционный характер в отношении Габсбургской монархии и перешли к так называемой позитивной политике—политике поддержки венского правительства.

...эпоха Баха.—Период реакционного политического режима, установившегося в Австрии после поражения буржуазной революции 1848 г. Назван по имени Александра Баха—австрийского министра внутренних дел с 1849 по 1859 г.

...мнил себя реалистом.—Реалисты (Чешская прогрессивная партия)—партия чешской буржуазии, возникшая в 1900 г. и носившая вначале название Чешская народная партия. Объединяла часть чешской промышленной буржуазии и буржуазной интеллигенции, широко использовала в своей деятельности псевдосоциалистические лозунги. Духовным вождем реалистов был Т. Г. Масарик.

«Час»—печатный орган Чешской прогрессивной партии.

Стр. 74. ...он скитается то по комиссиям, то по Крыму.—Жена Крамаржа была владелицей имения в Крыму.

Стр. 75. «Народни листы»—центральный орган партии младочехов.

«День»—одна из газет партии младочехов.

Удивительное происшествие с Франтишком Махулкой, практикантом магистрата

Журнал «Карикатуры», № 7, 15.XI.1909 г.

Суп для бедных детей

Журнал «Карикатуры», № 49, 12.IX.1910 г.

Забастовка преступников

Журнал «Копршивы», № 20, 29.IX.1910 г.

Стр. 85. «*Право лиду*»—центральный орган Чехословацкой социал-демократической партии. С 28 октября 1918 г.—Чехословацкой социал-демократической рабочей партии. Газета начала выходить 27 апреля 1893 г.

«*Зарже*»—социал-демократический журнал. Издавался в 1897—1904 гг.

«*Копршивы*»—социал-демократический сатирический журнал, выходящий с 1909 г. Кроме Я. Гашека, в нем сотрудничали М. Майерова, И. Ольбрахт, Й. С. Махар, Карел и Йозеф Чапеки и др.

Финансовый кризис

Журнал «Карикатуры», № 53, 10.X.1910 г.

Фельетон разоблачает экономическую политику крупнейших капиталистических монополий Австро-Венгрии, которые в целях повышения своих прибылей безудержно усиливали эксплуатацию широких масс трудящихся.

Стр. 89. «*Альпине-Монтан*»—в первом десятилетии XX в. одно из самых больших монополистических объединений в Австро-Венгрии, контролировало значительную часть предприятий австрийской горнодобывающей и металлообрабатывающей промышленности.

Бедржиховские заводы—предприятие сталелитейной промышленности в Моравии.

Зброевка—завод по производству оружия в Брно.

Стр. 90. *Завод Кольбена*—крупное электротехническое предприятие в Праге.

Заседание верхней палаты

Журнал «Карикатуры», № 1, 9.I.1911 г.

Один из острых политических фельетонов писателя в период до первой мировой войны. Написанный в форме отчета о заседании верхней палаты австрийского рейхсрата, в которой заседали представители высшей знати, духовенства и крупнейшие землевладельцы, фельетон ярко вскрывал антинародную сущность политики господствующих классов Габсбургской монархии.

Стр. 91. *Виндишгрец Альфред* (1851—1927)—президент верхней палаты австрийского рейхсрата в 1897—1918 гг., внук фельдмаршала Виндишгреца—одного из душителей революции 1848 г. в Австрии.

Мятеж в австрийском флоте

Журнал «Карикатуры», № 4, 24.I.1911 г.

Стр. 94. ...*моряки ... совершили в Португалии переворот.*—4 октября 1910 г. в Лиссабоне вспыхнуло восстание республиканцев, в котором участвовал военно-морской флот. Король Мануэль II бежал в Англию. В Португалии была установлена буржуазная республика.

Стр. 94. ...в Бразилии моряки военного флота пытались поднять мятеж.— Речь идет о восстании в бразильском военном флоте 23 октября 1910 г.

...австрийские мореплаватели открыли в Арктике Шпицберген и Землю Франца-Иосифа.— Данные, приводимые автором, не вполне точны. Шпицберген открыт русскими мореплавателями-поморами в XV в. Вторично его открыл в 1596 г. голландский капитан В. Баренц. Открытие Земли Франца-Иосифа было сделано в 1873 г. австро-венгерской экспедицией под руководством К. Вайпрехта и Ю. Пайера.

Стр. 95. Давле—небольшой город на р. Влтаве к югу от Праги.

Стр. 96. Пула—порт на побережье Адриатического моря. Крупная база военно-морского флота Австро-Венгрии.

Дредноуты

Журнал «Карикатуры», № 13, 27.III.1911 г.

Фельетон высмеивает милитаристскую политику правящих кругов Австро-Венгрии. Следуя агрессивным империалистическим замыслам своего союзника— кайзеровской Германии— и вынашивая собственные захватнические планы на Балканах, двуединая империя развернула гонку вооружений, тяжело отражавшуюся на положении рабочего класса и трудового крестьянства.

Анонимное письмо

Журнал «Карикатуры», № 17, 24.IV.1911 г.

Стр. 97. ...князь Фридрих, властитель Вальдецкого княжества.— Вальдецкое княжество находилось в Германии, его владелец князь Фридрих Вальдецкий управлял им в 1893—1918 гг.

Добросовестный цензор Свобода

Журнал «Карикатуры», № 25, 19.VI.1911 г.

Стр. 99. «*Delirium confiscationis cæponicum*»— «конфискационное бешенство» (лат.). Так иронически поставил Я. Гашек «диагноз болезни» австрийской цензуры, стремившейся путем конфискации и запретов различных печатных изданий помешать росту революционной и национально-освободительной борьбы народов.

Забывтый юбилей

Журнал «Копшивы», 14.IX.1911 г.

На русском языке публикуется впервые

В своих произведениях Гашек нередко обращался к библейским сюжетам, вкладывая в них актуальное политическое содержание. Примером может служить и публикуемая юмореска. Используя известную легенду из Библии о всемирном потопе, сатирик издевается над трусливой политикой чешских буржуазных партий национальных социалистов, аграриев и других. Разоблачая гонку вооружений, проводившую

юся правящими кругами Австро-Венгрии, и указывая на рост международной напряженности, писатель предсказал приближение мировой войны.

Стр. 101. *Национальные социалисты*—реформистская политическая партия в Чешских землях, возникшая в 1897 г. при прямой поддержке чешской буржуазии.

Стр. 102. *Аграрии*—представители крайне реакционной буржуазной аграрной партии. Начало возникновения партии относится к 80-м гг. XIX в.

...опускали таможенные слагбаумы на сербских границах.— После парламентских выборов 1907 г. аграрная партия стала одной из самых влиятельных буржуазных партий. По настоянию аграриев в Австро-Венгрии были введены запретительные пошлины на ввоз сельскохозяйственных продуктов, скота.

Святые

Юмореска была напечатана в период от 1911 до 1913 гг.

Сказка о трагической судьбе одного порядочного министра

Журнал «Копршивы», № 3, 1.II.1912 г.

Как я выбыл из национально-социальной партии

Журнал «Копршивы», № 6, 14.III.1912 г.

В основе фельетона лежат реальные факты. С декабря 1911-го по февраль 1912 г. Гашек работал литературным сотрудником в центральном органе национально-социальной партии—газете «Ческе слово». В фельетоне разоблачается беспринципный характер политики национальных социалистов, их демагогические заигрывания с рабочими и сделки с буржуазными предпринимателями и правящими кругами Габсбургской монархии.

Стр. 106. ...служил редактором «Мира животных».— В 1909 г. Гашек по рекомендации своего приятеля Ладислава Гаека стал литературным сотрудником в журнале «Мир животных», где работал около года.

Д-р Гюбшман Отакар—один из видных деятелей национально-социальной партии, ее депутат в австрийском рейхсрате.

«Золотой гусь»—гостиница и ресторан на Вацлавской площади в Праге; некоторое время—резиденция руководства национально-социальной партии. Члены этой партии носили эмблему в виде молота и пера с золотым гусем, увенчанным трехцветной лентой.

Стр. 107. Богач, Лоуда, Симонидес—деятели национально-социальной партии.

...Подружился я и с депутатами...—Лысый, Клофач, Стршибрный, Хоц, Фресл, Экснер, Бурживал, Война, Форманек—депутаты австрийского рейхсрата от национально-социальной партии.

Стр. 108. *Стришелецкий остров*—остров на р. Влтаве, где проводились рабочие сходки и собрания.

Стр. 109. ...так некогда ждали Мартиница и Славату на Градчанах.—

Ярослав Боржита из Мартиниц (Гашек называет его по месту, где он родился) и Вилем Славата из Хлума — чешские дворяне, ставленники Габсбургов, изменившие своему народу, за что были выброшены из окон Пражского Града восставшими чехами 23 мая 1618 г.

ИЗ КНИГИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА»

Публикуемые под рубрикой четыре материала являются фрагментами написанной Я. Гашеком книги, посвященной истории выдуманной им и его друзьями партии умеренного прогресса в рамках закона. Рукопись книги писатель передал в 1912 г. издателю Карлу Лочаку, который, однако, не решился в то время опубликовать столь острую сатиру на политическую жизнь Австро-Венгрии и продал рукопись Алоису Гатине — другу сатирика. Лишь после смерти Я. Гашека десять глав из книги были опубликованы в 1924—1925 гг. в «Смере», редактором которого являлся А. Гатина. Рукопись всей книги А. Гатина в 1936 г. передал на время первому биографу писателя Вацлаву Менгеру, который показал ее Юлиусу Фучику. Благодаря ему 23 главы книги в 1937 г. увидели свет в газете «Руде право». В введении к публикуемым главам Ю. Фучик писал, что гашековская книга «представляет собой действительно великолепную сатирическую историю чешской жизни последних лет перед войной» и «занимает в творчестве Гашека особое место».

После опубликования части книги в «Руде право» А. Гатина забрал рукопись произведения у Менгера, но затем по его просьбе в 1938 г. снова отдал ему для работы. Во время оккупации Чехии гитлеровцами в марте 1939 г. А. Гатина подвергся преследованиям и его библиотека была полностью уничтожена. К счастью, рукопись книги сохранилась у Менгера. В 1963 г. «Политическая и социальная история партии умеренного прогресса в рамках закона» была в полном объеме опубликована в 9 томе собрания сочинений Я. Гашека в Чехословакии.

Преследование новой партии правительственными кругами

Газета «Руде право», № 160, 11.VII.1937.

«Руде право» — ежедневная газета, начала выходить с 1920 г. как орган левого крыла социал-демократической партии, с 1921 г. — центральный орган Компартии Чехословакии.

Стр. 111. ...*великие бои за всеобщее избирательное право.* — Под влиянием первой русской революции борьба за всеобщее избирательное право в Чешских землях приняла подлинно революционный характер и в 1905—1907 гг. охватила всю страну. По Чехии прокатилась волна забастовок и демонстраций, которые в начале ноября 1905 г. вылились в настоящие сражения демонстрантов с полицией и войсками. Габсбургская монархия была вынуждена пойти на уступки. В январе 1907 г. закон о всеобщем избирательном праве был принят рейхсратом.

...*Шатобриан... говорил, что полиция всегда романтична.* — Шатобриан Франсуа Рене (1786—1848) — французский писатель, романтик, вырази-

тель идеологии дворянско-монархической реакции. Приписываемое ему высказывание придумано самим Гашеком.

...племянник директора полиции, который был в нашей компании.

Имеется в виду чешский поэт Луис Кршикава (1873—1920), дядя которого был директором пражского полицейского управления.

Маген Иржи (1882—1939)—известный чешский писатель и драматург.

...сколько мораван пало у «Гвезды».—8 ноября 1620 г. на Белой Горе, где находится замок «Гвезда», произошло сражение между военными силами Чехии и Моравии и войсками Фердинанда II Габсбурга и его союзников, закончившееся поражением чехов. После битвы на Белой Горе Чешские земли потеряли политическую самостоятельность и почти на триста лет оказались под гнетом Габсбургов.

Опоченский Густав (1881—1949)—чешский поэт и прозаик, друг Я. Гашека.

Стр. 112. Кошут Лайош (1802—1894)—вождь венгерской революции 1848—1849 гг.

Величайший чешский писатель Ярослав Гашек

Газета «Руде право» № 202, 29.VIII.1937 г.

Стр. 114. ...нас прозвали «голубиным народом».—Так назвал чешский народ Ян Коллар (1793—1852) в своей поэме «Дочь Славы».

Кралицкая библия—перевод Библии на чешский язык, сделанный в 1579—1593 гг. в Кралицах членами религиозной организации «Чешские братья».

Манифест партии умеренного прогресса в рамках закона к последним выборам

Газета «Руде право», № 166, 18.VII.1937 г.

Стр. 115. «Кравин»—небольшой ресторан на Краловских Виноградах, где нередко бывал Я. Гашек со своими друзьями—«основателями» партии умеренного прогресса в рамках закона и где проходили «предвыборные» собрания этой партии.

Стр. 116. Пшемысловичи—династия чешских князей, добившихся наибольших успехов в консолидации Чешского государства (X—XII вв.). *Ягеллоны*—литовско-польская королевская династия, представители которой занимали чешский престол с 1471 по 1526 г. *Люксембурги*—королевская династия, правившая Чехией с 1310 по 1437 г.

Стр. 117. Сватоплук Чех (1846—1908)—известный чешский поэт и писатель. Мост Сватоплука Чеха через Влтаву был построен в 1905—1908 гг.

...от имени исполнительного комитета партии умеренного прогресса в рамках закона.—В числе подписавших манифест партии умеренного прогресса в рамках закона были: Эдуард Дробилек—чиновник, друг Гашека; Йозеф Скружный—журналист и издатель, редактор журнала «Гумористицке листы»; Йозеф Лада—художник и писатель, в 1910—1911 гг.—редактор журнала «Карикатуры», друг Я. Гашека и известный иллюстратор «Похождений храброго солдата Швейка»; Богумир Шмераль—в то время один из лидеров Чехославянской социал-

демократической рабочей партии, редактор ее центрального органа — газеты «Право лиду», впоследствии — видный деятель чехословацкого и международного коммунистического движения, один из основателей КПЧ; Эмануэль Шкатула — депутат от социал-демократической партии в рейхсрате, в 1908—1919 гг. — один из редакторов газеты «Право лиду»; Слабый — полицейский комиссар, под наблюдением которого проходили собрания партии умеренного прогресса.

День выборов

Еженедельник «Смер», № 46, 12.XI.1925 г.

Стр. 117. ...*партии государственного права.* — Имеется в виду прогрессивная партия государственного права, которая возникла в 1908 г. из партии государственного права и радикальной прогрессивной партии. Имела сравнительно небольшое влияние, главным образом в кругах чешской буржуазной интеллигенции. Основным программным требованием партии было осуществление «чешского государственного права», т. е. введение самоуправления Чешских земель в рамках монархии Габсбургов.

Стр. 118. *Виктор Дык* (1877—1931) — чешский поэт, деятель прогрессивной партии государственного права. Во время выборов в австрийский рейхсрат в 1911 г. баллотировался от этой партии в том же округе, где проводил свою «избирательную кампанию» Я. Гашек. На выборах В. Дык потерпел поражение.

Хоц Вацлав — деятель национально-социальной партии. Баллотировался в том же избирательном округе, где и Виктор Дык. На выборах получил большинство голосов.

*

Как Цетличка был избирателем

Газета «Право лиду», 20.XI.1913 г

Цена славы

Журнал «Свет», № 7, 1913 г.

На русском языке публикуется впервые.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, правящие классы Австро-Венгрии вели усиленную идеологическую обработку населения с целью его подготовки к будущему военному конфликту. На страницах буржуазных газет и журналов, с трибуны рейхсрата и с церковного амвона велась разнузданная шовинистическая, милитаристская пропаганда, всячески оправдывалась и превозносилась захватническая политика австрийского империализма. В этих условиях писатель смело поднял свой голос против культа насилия и войны. В публикуемом фельетоне Я. Гашек гневно осуждал захватнические войны, несущие гибель, неисчислимые страдания и бедствия миллионам людей на земле.

Стр. 123. ...человек по имени Эфиальт.—Я. Гашек приписывал политическому деятелю древних Афин, вождю афинской рабовладельческой демократии Эфиальту (ок. 500—461 гг. до н. э.) поступок жившего значительно позднее в городе Эфесе Герострата, который, согласно древним источникам, действительно сжег в 350 г. до н. э. храм богини Артемиды Эфесской (по римской мифологии—Дианы)—одно из семи чудес света,—желая прославить свое имя в веках.

Стр. 124. *Тритель Пьер*—французский художник.

Валленштейн Альбрехт (1583—1634)—полководец, главнокомандующий войсками Фердинанда II Габсбурга во время Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.)

Война в воздухе

Журнал «Свет», № 15, 1913 г.

На русском языке публикуется впервые.

Фельетон был написан накануне первой мировой войны, когда правящие круги государств двух империалистических группировок—Тройственного союза и Антанты—развернули невиданную до того времени гонку вооружений. Самые новейшие достижения науки и техники ставились на службу агрессивным замыслам империалистов, применялись для создания новых средств массового уничтожения людей. В фельетоне разоблачаются гонка вооружений, империалисты, стремившиеся использовать достижения человеческого разума для захватнических целей. В нем получали отражение гуманистические воззрения писателя, его ненависть к войне и милитаризму.

Стр. 127. *Уэллс Герберт Джордж* (1866—1946)—английский писатель, классик научно-фантастической литературы.

...в Балканских войнах.—Балканские войны явились следствием острых противоречий между правящими кругами балканских государств, а также национально-освободительного движения на Балканах. 1-я Балканская война (9 октября 1912 г.—30 мая 1913 г.) происходила между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией. 2-я Балканская война (29 июня—10 августа 1913 г.)—война Болгарии против Греции, Сербии и Черногории, к которым присоединились Румыния и Турция. Балканские войны привели к обострению международных противоречий в Европе.

Повесть о портрете императора Франца-Иосифа I

Газета «Чехослован», № 18, 17.VII.1916 г.

Один из первых фельетонов, написанных Я. Гашеком после того, как он начал активно участвовать в антигабсбургском движении чешских и словацких военнопленных в России. Подчинив в это время свое творчество задачам формирования чехословацких частей, которые, как он тогда считал, принесут освобождение от австрийского ига, писатель уделял большое внимание разоблачению монархии Габсбургов. Гашек развенчивал миф австрийской официальной пропаганды о том, что тогдашний император Австро-Венгрии Франц-Иосиф (1830—1916)

является «другом» славян и «отцом» своих подданных. В публикуемом и других фельетонах сатирик создал образ тупого и жестокого правителя, со злобой и пренебрежением относящегося к чешскому и к другим славянским народам империи.

Стр. 130. *«Народни политика»*—правая буржуазная газета, орган Народной партии (старочехов). Издавалась с 1883 по 1945 г.

«Глас народа»—еженедельник Народной партии (старочехов).

Стр. 131. *...они взяли Львов и стоют под Перемышлем.*—Имеется в виду галлицийская операция русских войск Юго-Западного фронта во второй половине августа—сентябре 1914 г. В ходе ее русские армии разбили австро-венгерские войска, заняли Львов и блокировали крупнейшую австрийскую крепость Перемышль.

Стр. 133. *...сражался за Австрию под Кустоццей.*—В сражении под Кустоццей 24 июня 1866 г. австрийская армия нанесла поражение войскам Италии, выступившей в качестве союзницы Пруссии в австро-прусской войне.

По стопам тайной полиции

Газета «Чехослован», № 23, 21. VIII. 1916 г.

Фельетон написан во время работы Я. Гашека в редакции газеты «Чехослован», издававшейся в Киеве. Писатель разоблачает военно-полицейский режим, систему доносов и провокаций, царивших в Австро-Венгерской империи и использовавшихся властями для борьбы против революционного и национально-освободительного движения.

Описывая инцидент с полицейским агентом и провокатором А. Машеком, автор основывался на реальных фактах. Машек действительно служил в полицейском управлении Праги, являясь своего рода «специалистом» по анархизму и национально-освободительному движению на Балканах. Р. Пытлик в своей книге о Гашеке «Скитающийся гусь» сообщает, что в годы первой мировой войны А. Машек был заброшен в Россию для сбора агентурных сведений об антигабсбургском движении среди чешских и словацких военнопленных. Не случайно Я. Гашек в фельетоне указывал, что «Александр Машек жив и находится в настоящее время в России, где очень интересуется чешским вопросом». 23 апреля 1917 г. в газете «Чехослован» появилось сообщение, автором которого, по мнению Р. Пытлика, был Я. Гашек, о том, что агент австрийской полиции А. Машек разъезжает с секретным заданием габсбургских властей по русским городам и направляется в Туркестан. Осенью 1917 г. писатель был вызван в контрразведывательное отделение III русской армии для установления личности А. Машека, задержанного в Ташкенте. Габсбургский шпион был арестован и посажен в тюрьму. При отходе чехословацкого корпуса с Украины А. Машек был legionерами расстрелян.

Стр. 133. *...получить разрешение торговать в табачной лавке.*—В габсбургской монархии существовала государственная монополия на торговлю табачными изделиями. Право торговать в маленьких табачных лавочках обычно давалось инвалидам войны.

Стр. 134. *... был пьян так, как это полагалось по закону.*—То есть мог быть признан, по австрийским законам, невменяемым и, таким образом, не отвечающим за свои поступки.

Стр. 135. *«Худис»*—газета, издававшаяся приверженцами одного из течений чешского анархизма, вождем которого был опытный оратор и демагог Карел Вогрызек, разоблаченный позже как агент полиции. В

1905—1907 гг., будучи участником анархистского движения, в редакции «Худяса» сотрудничал Я. Гашек.

Стр. 135. ... редактором Кнотеком, который ныне редактирует «Остравский деник».—Кнотек Ладислав—идеолог чешского анархизма. На его средства издавалась анархистская газета «Коммуна», где работал и Я. Гашек. Со второй половины 1906 г. Л. Кнотек был ответственным редактором газеты «Нова Омладина».

Стр. 136. Розенцвейг-Муар—чешский поэт, близкий к анархистам, друг Я. Гашека.

ПУБЛИЦИСТ, БОЕЦ, КОМИССАР

Большинство материалов этого раздела написано Я. Гашеком по-русски

Из дневника уфимского буржуя

Газета «Наш путь» № 3, 14. I. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Фельетон, опубликованный в газете политотдела Реввоенсовета 5-й армии Восточного фронта «Наш путь», с поразительной меткостью и глубиной рисует «уфимского буржуя» — представителя ухотившего в прошлое класса.

В сатирическом образе чешского офицера Палички воплощено контрреволюционное чешское офицерство, спровоцировавшее рядовых легионеров на антисоветский мятеж.

Стр. 141. *Да здравствует Учредительное собрание!* — Лозунг созыва Учредительного собрания широко использовался на первом этапе гражданской войны силами российской контрреволюции, прежде всего партиями правых эсеров и меньшевиков, для борьбы против власти Советов. Учитывая непопулярность монархистских и буржуазных лозунгов и стремясь мобилизовать силы для борьбы против Советского государства, контрреволюция делала ставку на этот лозунг, не утративший еще полностью своей популярности в трудящихся массах, в особенности среди крестьянства. Этот лозунг широко использовали в своих контрреволюционных целях образовавшиеся летом и осенью 1918 г. такие белогвардейские правительства, как самарский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) и Уфимская директория.

Стр. 142. *«Народная армия»* — так демагогически называл белогвардейский самарский Комуч сформированную им летом 1918 г. контрреволюционную армию.

Вильсон Вудро (1856—1924) — президент США в 1913—1921 гг., один из главных вдохновителей и организаторов вооруженной интервенции в Советской России в 1918—1920 гг.

Адмирал Колчак (1873—1920) — при поддержке империалистов Антанты на захваченной белогвардейцами территории Урала, Сибири и Дальнего Востока установил открытую военную диктатуру. 18 ноября 1918 г. в Омске было создано контрреволюционное колчаковское «Омское», или «Сибирское», правительство.

Трагедия одного попа

Газета «Наш путь», № 6, 17. I. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Тема разоблачения реакционной роли церкви и духовенства тради-

ционная для творчества Я. Гашека. Участвуя в борьбе трудящихся Страны Советов с силами отживающего, старого мира, сатирик еще глубже осознал классовую, эксплуататорскую сущность религии и церкви, служители которой активно выступали против народа на стороне контрреволюции. В публикуемом фельетоне обличается духовенство, оказывавшее поддержку всем российским белогвардейским правительством — от Комуча до Колчака.

Стр. 144. *Войцеховский С. Н.* (1883 — после 1946) — белогвардейский генерал, летом 1918 г. командовал Челябинской группой белочехов, в ноябре — декабре 1918 г. — войсками белых на бугульминском и уфимском направлениях.

Ликующий зверь

Газета «Красная Европа», № 1, 15. II. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Газета «Красная Европа» — орган Уфимской организации иностранных коммунистов, выходила под редакцией Я. Гашека. Статья явилась гневным откликом на убийство силами контрреволюции вождей германского пролетариата — Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Уфимский Иван Иванович

Газета «Наш путь», № 31, 16. II. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Стр. 146. *Дутов А. И.* (1864 — 1921) — полковник царской армии, один из главных руководителей казачьей контрреволюции на Урале. В 1918 — 1919 гг. (с перерывом) командовал Оренбургской армией в войсках Колчака.

Вооруженные силы пролетариата

Газета «Красная Европа», № 2, 22. II. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Участвуя в борьбе трудового народа России против сил контрреволюции, за торжество власти Советов, Я. Гашек стал очевидцем и созданием вооруженных сил пролетарского государства. В первую годовщину Красной Армии писатель выступил со статьей, в которой показал классовую сущность армии нового типа, международное значение ее борьбы с белогвардейцами и иностранными интервентами.

Творчество эсеров

Газета «Наш путь», № 39, 26. II. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

В фельетоне вскрывается политическая эволюция партии эсеров, проложившей путь к установлению открыто контрреволюционной военной диктатуры Колчака. Писатель, анализируя материалы эсеровских газет, показывает, что эта партия, жонглировавшая красивыми фразами, не только окончательно скатилась в лагерь контрреволюции, но и потерпела полное идейное и политическое банкротство.

Стр. 148. *«Армия и народ»* — эсеровская белогвардейская газета.

«Уфимский вестник» — орган контрреволюционной Уфимской дирекции.

Стр. 149. Эсеры выступали против Брестского мирного договора, заключенного Советской Россией с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. Демагогически выдвигая лозунг борьбы против Брестского мира, они надеялись привлечь на свою сторону массы мелкой буржуазии.

Об уфимском разбойнике, лавочнике Балакулине.

«Газета «Наш путь» № 49, 9. III. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Обзор военных действий

Газета «Наш путь» № 55, 23. III. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

В период, когда белогвардейской армии Колчака на Восточном фронте удалось добиться временных успехов, Гашек выступает со статьей, в которой анализирует военное и политическое положение колчаковцев, давая понять, что врагов ждет неизбежный крах. В простой и доступной каждому красноармейцу форме Я. Гашек разъясняет главные задачи, которые ставила в это время коммунистическая партия перед бойцами и командирами Красной Армии для полного разгрома белогвардейщины.

Перебежчики

Газета «Наш путь», № 64, 5. IV. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Дневник попа Малюты из полка Иисуса Христа

Газета «Красный стрелок», № 63, 9. VII. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

В середине апреля 1919 г. газета политотдела РВС 5-й армии Восточного фронта «Наш путь» была переименована в газету «Красный стрелок». Первый номер под новым названием вышел 15 апреля 1919 г.

Стр. 155. Контрреволюционный колчаковский режим ставил своей целью восстановление в России монархии. Власть на захваченной белыми территории Урала и Сибири в этот период принадлежала Колчаку, провозгласившему себя «верховным правителем России». Я. Гашек иронически именуется «царем всероссийским Александром IV (Колчаком)».

В мастерской контрреволюции

Газета «Красный стрелок», № 80, 29. VII. 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Стр. 156. ...занят комитетом Иностранной партии (коммунистов-большевиков).— Организация иностранных коммунистов была создана в Уфе в январе 1919 г. при активном участии Я. Гашека, который был секретарем организации.

Англо-французы в Сибири

Газета «Красный стрелок», № 106, 6. IX. 1919 г.

Печатается по тексту газеты. (Названия газет в тексте редакцией даны в современной транскрипции.)

Стр. 160. ...чешский министр военных дел генерал Стефанек.—В тексте Гашеком неверно написана фамилия Штефаника М. Р. (1880—1919)—офицера французской армии, словака по национальности, который являлся одним из вдохновителей антисоветского мятежа чехословацкого корпуса. Осенью 1918 г. он был направлен в Сибирь, чтобы способствовать продолжению вооруженной борьбы чехословацких легионов против Советской республики.

Вошь из Японии

Газета «Красный стрелок», № 123, 26. IX. 1919 г.

Печатается по тексту газеты. (Названия газет в тексте редакцией даны в современной транскрипции.)

Стр. 161. Клемансо Жорж (1841—1929)—французский реакционный политический деятель, в 1906—1909 и в 1917—1920 гг. премьер-министр Франции. Один из организаторов вооруженной интервенции в Советской России.

Ллойд Джордж Дэвид (1863—1945)—английский государственный деятель. В 1916—1922 гг.—премьер-министр Великобритании. Один из организаторов вооруженной интервенции в Советской России.

Что станет с Чехословацкой буржуазной республикой?

Статья была опубликована 11. I. 1920 г. в газете «Всемирная революция», издававшейся Иностранной секцией Политотдела РВС 5-й армии Восточного фронта. Номер этой газеты со статьей не сохранился. Перевод статьи на венгерский язык был опубликован в журнале венгерских политэмигрантов в Советском Союзе «Шарло эш калапач» («Серп и молот»), № 7, 1932 г. Перевод с венгерского сделан по тексту журнала.

Стр. 161. ...Карл Габсбург бежал.—Карл I Габсбург (1887—1922)—в 1916—1918 гг. император Австро-Венгрии. После распада Габсбургской монархии бежал за границу.

Немец и Виктор—вожди правого крыла чешской социал-демократии.

Стр. 162. Масафик Томаш Гарфик (1850—1937)—чешский буржуазный идеолог и политик. В годы первой мировой войны возглавил деятельность чехословацкой эмиграции на Западе, председатель образованного в 1916 г. в Париже чехословацкого Национального совета. Один из главных вдохновителей антисоветского мятежа чехословацкого корпуса. В 1918—1935 гг. президент ЧСР.

Стр. 163. ...в Кладно... образовался рабочий совет.—Под могучим влиянием Великого Октября во многих пролетарских центрах Чешских земель и Словакии возникло движение за создание рабочих Советов. В Кладно рабочий Совет был избран в мае 1919 г., большую роль в его образовании сыграло левое крыло социал-демократии во главе с А. Запотцким.

«Где моя родина»—песня Мареша из пьесы Й. К. Тыла «Фидловачка», ставшая чешским национальным гимном.

Жертва немецкой контрреволюции в Сибири

Газета «Рогам-Штурм», № 8, 10.IV. 1920 г.

Газета «Рогам-Штурм» издавалась Иностранной секцией, а с 10 апреля 1920 г.—Интернациональным отделением Политотдела Реввоенсовета 5-й армии. Ответственным редактором газеты был Я. Гашек. Статья публикуется в переводе с немецкого.

Стр. 164. ...*генерал фон Тирпиц освободил Берлин.*—Фон Тирпиц Альфред (1849—1930)—германский адмирал, один из активных деятелей контрреволюции в Германии. Вместе с Вольфгангом фон Каппом (1853—1922) предпринял в марте 1920 г. попытку контрреволюционного переворота в стране.

Стр. 165. «*Сохрани нам, боже правый, Цезаря и отчий край!*»—начальные слова австрийского монархического гимна.

Чешский вопрос

Газета «Власть труда», № 132, 21.IV.1920 г.

Газета «Власть труда»—орган Иркутского губернского комитета РКП(б) и Иркутского Ревкома.

Стр. 166. ...*французского генерала Жанена.*—Жанен Морис—в годы первой мировой войны глава французской военной миссии при царской ставке, во время гражданской войны—главнокомандующий войсками Антанты в Сибири.

Договор чехо-войск с представителями Советской власти.—7 февраля 1920 г. на станции Куйтун между правительством РСФСР и командованием чехословацкого корпуса было заключено соглашение. Оно предусматривало содействие советского командования эвакуации частей корпуса с советской территории, а с чехословацкой стороны—отказ от поддержки Колчака и его войск, передачу советским властям в сохранности золотого запаса Советской республики, захваченного бело-гвардейцами, и т. д.

Стр. 167. ...*так называемый Центр.*—Имеется в виду Политцентр—эсеро-меньшевистский орган, возникший в ноябре 1919 г. в Иркутске. В обстановке, когда Красная Армия громила основные силы Колчака на Восточном фронте и освобождала территорию Сибири, эсеры и меньшевики сделали попытку удержаться у власти в Восточной Сибири, отмежевавшись от открыто контрреволюционного режима колчаковцев. Убедившись в невозможности сохранения власти, Политцентр 21 января 1920 г. передал свои полномочия Иркутскому Ревкому.

К празднику

Газета «Красный стрелок», № 125, 27.VI.1920 г.

Печатается по тексту газеты.

Статья написана в связи с предстоящим вручением 5-й армии Восточного фронта Почетного революционного Красного Знамени ВЦИК.

Газета «Красный стрелок», № 167, 15.VIII. 1920 г.

Статья написана в связи со второй годовщиной образования 5-й армии Восточного фронта.

Воззвания и листовки, написанные Я. Гашеком

В период пребывания писателя в Советской республике одной из форм его творчества как революционного публициста явились пламенные воззвания и листовки, обращенные к чешским и словацким трудящимся, находившимся в то время на российской территории. Я. Гашек разъяснял в них международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, призывал чешских и словацких пролетариев встать на защиту завоеваний Октября—вступить в Красную Армию. В условиях, когда командованию чехословацкого корпуса удалось в мае 1918 г. спровоцировать рядовых легионеров на антисоветский мятеж, замечательный чехословацкий интернационалист вместе с другими коммунистами—чехами и словаками обращался к чешским и словацким солдатам со словами правды, разоблачал контрреволюционные замыслы реакционного офицерства, выполнявшего задания империалистов Антанты, призывал отказаться от борьбы против власти Советов.

Из пяти публикуемых в этом сборнике воззваний и листовок чехословацкого революционера-интернационалиста четыре написаны Я. Гашеком на русском языке. Под некоторыми стоят подписи и других чехословацких коммунистов. Анализ содержания и стиля листовок убеждает в том, что они принадлежат перу выдающегося чехословацкого писателя.

Обращение к солдатам чехословацкого корпуса

Газета «Солдат, рабочий и крестьянин» (Самара), № 284, 14.IV.1918 г.

Это первое воззвание, выпущенное в Самаре чехословацкими интернационалистами во главе с Я. Гашеком.

Воззвание к чехам и словакам с призывом встать на защиту русской революции (май 1918 г.)

Опубликовано в сб. «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России» (М., «Советская Россия», 1957, с. 80). Документ хранится в ЦГАСА ф. 10, оп. 1, д. 298, л. 48.

Воззвание к чехословацким легионерам с призывом поддержать русскую революцию (май 1918 г.)

Опубликовано в сб. «Ярослав Гашек в фотографиях» (Прага, 1959, с. 94).

Стр. 173. ...составшим в организации Отделения Национального совета.—Отделение чехословацкого Национального совета в России было создано на III съезде Союза чехословацких обществ в России, проходившем 23 апреля—1 мая 1917 г. Оно проводило политическую линию чехословацкого Национального совета, направленную на привлечение

чешских и словацких военнопленных в сформировавшиеся на российской территории чехословацкие воинские части для участия в войне на стороне Антанты. После Октябрьской революции Отделение развернуло агитацию среди чешских и словацких легионеров за отъезд на Западный фронт, во Францию, а в мае 1918 г. подняло чехословацкий корпус на антисоветский мятеж.

Зборов—город на Украине, где части чехословацкого корпуса участвовали летом 1917 г. вместе с русской армией в наступлении против германских и австро-венгерских войск.

Бахмач—город на Украине, где в феврале 1918 г. в рядах советских войск участвовали в отражении германского наступления интернациональные отряды, созданные в Киеве чехословацкими левыми социал-демократами. В то же время находившиеся под Бахмачем части чехословацкого корпуса, заключив с германским командованием временное перемирие, отступили на восток.

**Листовка, обращенная к чехословацким солдатам
и рабочим-эмигрантам (май 1918 г.)**

На русском языке публикуется впервые.

Документ хранится в военно-историческом архиве в Праге (ЧССР).

**Воззвание, выпущенное организацией чехословацких коммунистов в
Самаре (2 июня 1918 г.)**

*Вечерний бюллетень газеты «Приволжская правда» (Самара), № 4,
2.VI.1918 г.*

Это воззвание было выпущено чехословацкими коммунистами в Самаре вскоре после получения известий о контрреволюционном выступлении частей чехословацкого корпуса 28 мая 1918 г. в Пензе, о захвате белочехами Сызрани и их наступлении на Самару.

СНОВА НА РОДИНЕ

Юбилейное воспоминание

Журнал «Гост до дому», № 4, 1956 г.

Это произведение написано Я. Гашеком весной 1921 г. в связи с третьей годовщиной его участия в борьбе за власть Советов в Поволжье. В нем писатель вспоминает, как ему пришлось скрываться от белочехов и белогвардейцев в селах Самарской губернии после захвата Самары частями мятежного чехословацкого корпуса. Оно проникнуто чувством глубокой симпатии к трудящимся Советской страны, к крестьянам-беднякам, укрывавшим чешского интернационалиста в эти трудные для него дни от контрреволюционеров. Зарисовка Я. Гашека осталась неоконченной.

Стр. 178. *...армия контрреволюционного Учредительного собрания.*— Имеется в виду так называемая «народная армия», созданная образовавшимся в Самаре после захвата ее белочехами контрреволюционным «Комитетом членов Учредительного собрания» (Жомуч).

Как я встретился с автором некролога обо мне

Газета «Трибуна», № 13, 16.I.1921 г.

Стр. 180. *...убит различными организациями и отдельными лицами.*— Во время службы Я. Гашека в габсбургской армии (а затем пребывания его в России) на родине распространялись различные слухи о его гибели. «Очевидцы» утверждали, что он был расстрелян за дезертирство в Чески-Будейовицах, повешен чехословацкими легионерами за измену, убит в драке с матросами в Одессе или Владивостоке. Буржуазия сопровождала эти сообщения различными порочащими Гашека «подробностями» и грубыми выпадами против писателя.

Стр. 182. *Эрбен Карел Яромир (1811—1870)*— чешский поэт, фольклорист. В его балладе «Свадебные рубашки» есть страшные мистические сцены.

Буржуй Рамзелек

Газета «Трибуна», № 58, 10. III.1921 г.

Из дорожного дневника маршала Пылсудского

Газета «Трибуна», № 67, 20.III.1921 г.

На русском языке публикуется впервые.

В фельетоне Я. Гашек с присущим ему острым сарказмом разоблачает политику правящих буржуазно-помещичьих кругов тогдашней Польши, находившихся в полной зависимости от крупных империалистиче-

ских держав, прежде всего Англии и Франции, в частности политику, проводимую главой Польского государства Юзефом Пилсудским (1867—1935).

Стр. 186. ...в *Тешинской области*.—В начале 1919 г. чехословацкие войска начали продвигаться в Тешинскую область, захваченную польской армией. Представители государств Антанты заставили чехословацкое правительство прекратить военные действия. В 1920 г. Тешинская область в результате переговоров между Чехословакией и Польшей была разделена между обоими государствами. Я. Гашек в этом фельетоне отразил противоречия между буржуазной Чехословакией и буржуазно-помещичьей Польшей по вопросу о Тешинской области.

Серошевский Вацлав (1858—1945)— «польский писатель, автор ряда романов, а также монографии «Юзеф Пилсудский» (1915), слова из которой приводит Я. Гашек.

Стр. 187. ...до *революции 1918 года*.—Имеется в виду широкое народное движение, развернувшееся под влиянием Великого Октября в польских землях осенью 1918 г. за национальное и социальное освобождение. После поражения Германии и Австро-Венгрии в первой мировой войне это движение привело к образованию самостоятельного польского государства.

Цепная торговля сахаринном

Газета «Трибуна», № 90, 17.IV.1921 г.

Возвратившись на родину, Я. Гашек гневно разоблачал в своих произведениях демагогические утверждения буржуазных и правосоциалистических политиканов о якобы наступившей эре «свободы» и «процветания» с образованием самостоятельной ЧСР в октябре 1918 г.

А в это время в стране, охваченной кризисом, трудящиеся находились в тяжелом положении: усиливалась безработица, капиталисты снижали заработную плату, росли цены, увеличивались налоги. Воспользовавшись этим, чехословацкая буржуазия для увеличения своих прибылей развернула спекуляцию предметами первой необходимости.

В публикуемом фельетоне писатель обличает буржуазную систему «свободного предпринимательства»—систему обмана и спекуляции, обогащения кучки эксплуататоров за счет широких трудящихся масс.

Идиллия винного погребка

Газета «Руде право», № 89, 17.IV.1921 г.

Важное место в творчестве Я. Гашека после его возвращения в буржуазную Чехословакию занимало разоблачение клеветнических антисоветских вымыслов, распространявшихся о Стране Советов.

Одним из наиболее ярких произведений сатирика, посвященных этой тематике, является публикуемый фельетон.

Стр. 194. *Николау Станислав*—чешский реакционный журналист, сотрудничавший в газетах «Народни политика» и «Пражски вечерник» (клерикальная газета антикоммунистического и антисоветского направления).

Немцова Божена (1820—1862)—известная чешская писательница. Автор реалистических рассказов и повестей о крестьянском быте, среди

которых особое место занимает повесть «Бабушка» (1855), переведенная на многие языки.

Стр. 195. *Гейдук Адольф* (1835—1862)—чешский поэт, в своих произведениях изображал сельскую жизнь, поборник тесного союза чешского и словацкого народов.

Тршебизский Вацлав Бенеш (1849—1884)—чешский писатель, автор исторических романов и повестей.

Арбес Якуб (1840—1914)—чешский писатель и публицист. Возглавлял группу чешских писателей и поэтов, собиравшихся в гостинице «Златы литр», к которой относился и Я. Гашек.

Красногорска Элишка (1847—1926)—чешская писательница и поэтесса, активная участница движения за женское равноправие, сотрудница газеты «Женски листы».

Врхлицкий Ярослав (Фрида Эмиль) (1853—1912)—известный чешский поэт, драматург, переводчик. Автор поэтических сборников «Эпопея человечества», «Сельские баллады» и др.

Пелант Карел (1874—1925)—чешский публицист и общественный деятель. Основал атеистическое и антиклерикальное общество «Вольна мышленка», редактор одноименного журнала.

Махар Йозеф Сватоплук (1864—1942)—чешский поэт. Выступал с резкой критикой австрийского бюрократизма, католической церкви. После первой мировой войны оказался в лагере реакции.

Тэффи Н. А. (1872—1952)—русская буржуазная писательница-юмористка. После Октябрьской революции эмигрировала за границу.

Стр. 196. ...*накануне вынесения приговора кладненским забастовщикам.*— Имеется в виду проходивший в марте—апреле 1921 г. судебный процесс над участниками всеобщей стачки в декабре 1920 г. Четырнадцать руководителей кладненского пролетариата во главе с А. Запотоцким были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Какие я писал бы передовицы, если бы был редактором правительственного органа

«Дельница бесидка» (приложение к газете «Руде право»), № 98, 28.IV.1921 г.

Это острая сатира на политическую и общественную жизнь домюнхенской буржуазной Чехословакии. Интересно отметить, что фельетон по содержанию переключается с другим фельетоном автора «Всюду хорошо, а дома лучше» (1909), в котором он критикует режим монархии Габсбургов. Тем самым Гашек проводит явную параллель между буржуазной Чехословацкой республикой и Австро-Венгерской империей, подчеркивая, что оба государства являются орудиями угнетения трудящихся.

Стр. 199. *Бехине Рудольф* (1881—1948)—один из руководителей правого крыла чехословацкой социал-демократии, в домюнхенской ЧСР—лидер оппортунистической Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, неоднократно занимал пост министра в буржуазном правительстве.

Стр. 200. *Малая Антанта*—в 1920—1938 гг. союз Чехословакии, Румынии и Югославии, был главным звеном во французской системе военно-политических союзов в Европе.

Стр. 201. ... *так будет выглядеть на практике провозглашенная*

Масариком в его декларации Чехословацкая республика.—После своего возвращения из эмиграции в Чехословакию Т. Г. Масарик 22 декабря 1918 г. выступил с посланием, в котором заявил о том, что стране требуются глубокие социальные реформы. На деле вся его деятельность была направлена на создание и упрочение буржуазного государства и укрепление капиталистического строя в Чехословакии.

Стр. 203. *Альфа Адольф (Вахек Адольф Эмиль)* (1881—1948)—чешский писатель.

Заметки

Газета «Руде право», № 104. 5.V.1921 г.

Стр. 204. *Соукуп Франтишек* (1871—1940)—правый социал-демократический политик, тесно связанный с буржуазными кругами. В 1918—1919 гг.—министр юстиции в буржуазном правительстве К. Крамаржа, в 1920—1938 гг.—сенатор от социал-демократической партии.

Стр. 205. *Стивин Йозеф* (1879—1941)—правый лидер чехословацкой социал-демократической партии, в 1918—1938 гг. депутат Национального собрания ЧСР. Занимал антикоммунистические и антисоветские позиции.

Р.С.О.—рабочая спортивная организация.

Стр. 206. *«Прагер прессе»*—издававшаяся с 1921 г. правительственная газета англо-французской ориентации.

Рингофферовка—сталелитейные заводы Рингоффера в Смихове в Праге.

Стр. 207. *Доктор Бакса*—в 1920—1921 гг. бургомистр Праги.

... *от старого Гроша.*—Бургомистр Праги в начале XX в. Грош был известен своей беспринципностью. Однажды, когда в городской управе была вскрыта коррупция, бургомистр Грош заявил на заседании городского совета: «Господа, ничего не случилось...»

...*ели и пили у посланника Осусского.*—Осусский Ш. (1889—1973), в 1920—1938 гг.—чехословацкий посланник во Франции.

... *ответи на Панкраца.*—На Панкраце находилась тюрьма, в которой содержались политические заключенные—руководители чехословацкого рабочего движения.

Жорес Жан (1859—1914)—лидер Французской социалистической партии, страстный борец против колониализма, милитаризма и войн. Убит 31 июля 1914 года французским шовинистом.

Что я посоветовал бы коммунистам, будь я главным редактором правительственного органа «Чехословацкая республика»

Газета «Руде право», № 107, 8.V.1921 г.

Стр. 208. *«Чехословацкая республика»*—в 1920—1938 гг. официальный орган правительства ЧСР.

«Пражске уржедни новины»—официальный орган сначала австрийского, а с 28 октября 1918 г. до 1920 г.—чехословацкого правительства.

Стр. 209. ...*как это было, например, в Трганове.*—В начале 1921 г. в Трганове застрелили за пустячную провинность солдата чехословацкой армии левого социал-демократа Людвика Германа. Его убийцы были вскоре оправданы и выпущены на свободу.

Стр. 210. «Счастливый домашний очаг» — женский журнал, издававшийся Шимачеком.

Стр. 211. *Тусар Властимил* (1880—1924) — правый лидер чехословацкой социал-демократии. В 1919—1920 гг. — премьер-министр ЧСР. Проводил политику подавления революционного движения.

Бенеш Эдуард (1884—1948) — чехословацкий буржуазный политик. В 1918—1935 гг. — министр иностранных дел, в 1935—1938 гг. — президент ЧСР.

Роковое заседание конференции по разоружению

Газета «Руде право», 25.XII.1921 г.

В фельетоне сатирик изобличает политиков империалистических держав, показывает, что за их красивыми и громкими фразами, болтовней о разоружении скрывается упорное нежелание осуществить любое, даже минимальное сокращение средств массового уничтожения людей. Гашековское произведение и сегодня звучит так же актуально, как и шесть десятилетий назад.

Генуэзская конференция и «Народни листы»

Газета «Руде право», № 95, 23.IV.1922 г.

Стр. 215. Международная Генуэзская конференция по экономическим и финансовым вопросам проходила 10 апреля—19 мая 1922 г. с участием 28 капиталистических государств и Советской России. Советская делегация во главе с Г. В. Чичериным отвергла домогательства империалистических государств, пытавшихся добиться экономических и политических уступок, которые привели бы к реставрации капитализма в России.

Муниципальные выборы

Газета «Лидове новины», № 358, 20.VII.1922 г.

Стр. 222. ...в Панкраце, Мирове или Борах.—Тюрьмы в Праге, в Моравии и Пльзене.

Душенька Ярослава Гашека рассказывает: «Как я умерла».

Вечерний выпуск газеты «Право лиду», 31.XII.1920 г.

Этой юмореской Я. Гашек, видимо, хотел ответить на нападки и шумную кампанию лжи и клеветы, поднятую буржуазией по его адресу после возвращения на родину. Чтобы отразить удары, которые сыпались на него со стороны враждебного окружения, писатель использовал свой любимый прием — он все обвинения доводит до абсурда.

Ю. Щербakov

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аверченко А. Т. 128, 194, 195, 215
Альфа А. (Вахек А. Э.) 203
Амфитеатров А. В. 215
Арбес Я. 195
Атила 124, 126
- Бах А. 73
Бенеш Э. 188, 211
Бехине Р. 199
Бирюков С. М. 13
Брусилов А. А. 215
Бьёрнсон Б. М. 47
- Валленштейн А. 124
Ваянский С. (Гурбан) 46
Верещагин В. В. 124
Верн Ж. 127
Вильгельм II Гогенцоллерн 164, 165, 171, 173, 187
Вильсон Т. В. 142, 161, 162, 167
Виндишгрец А. 91, 92, 93
Войцеховский С. Н. 144
Врангель П. Н. 216
Врхлицкий Я. (Фрида Э.) 195
- Гавличек-Боровский К. 7
Гаек Л. 7
- Ганнибал Б. 124, 126
Гейдук А. 195
Глинка А. 47
Гогин В. Е. 157
Гоголь Н. В. 7
Горький М. (Пешков А. М.) 7, 195, 216
Гус Я. 6
Гюбшман О. 106, 109
- Деникин А. И. 169
Дробилек Э. 117
Дутов А. И. 146, 152
Дык В. 118, 206, 215
- Жанен М. 166
Жорес Ж. 207
- Ирасек А. 6
- Капп В. фон 164, 165
Карл I Габсбург 161, 164, 165, 171, 173, 200
Карнеджи Э. 116
Клемансо Ж. Б. 161, 162
Клофач В. Я. 107, 162
Кнотек Л. 135, 137
Козак Я. 19

Колумб Х. 115, 116
Колчак А. В. 15, 142—144, 149,
153—158, 166, 167—169, 178
Короленко В. Г. 216
Кошут Л. 112
Крамарж К. 9, 73—75, 162, 211,
216, 217
Красногорска Э. 195
Кропоткин П. А. 216
Кун В. 111, 117

Лада Й. 117

Легар Ф. 46
Ленин В. И. 13, 194, 215
Либкнехт К. 15, 144, 145
Ллойд Джордж Д. 161, 186, 216
Лонген Э. 8
Люксембург Р. 15, 144, 145

Маген И. (Ванчура А.) 111, 112
Майерова М. 8
Мартиниц (Боржита Ярослав)
109
Масарик Т. Г. 11, 140, 162, 163,
166, 201
Махар Й. С. 195
Машек А. 138, 139
Мережковский Д. С. 195
Михалков С. В. 18

Навратил Л. 207
Наполеон I. 124, 125—127
Неедлы З. 5
Немцова Б. 7, 194, 195
Неруда Я. 7
Николау С. 194, 216

Ольбрахт И. 8
Опоченский Г. 111, 136
Осусский Ш. 207

Пелант К. 195
Петлюра С. В. 158
Пилсудский Ю. 186
По Э. А. 181
Прохазка А. 8
Пушкин А. С. 7

Раух П. 69, 70

Салат-Петрлик Я. 16, 177
Салтыков-Щедрин М. Е. 7
Серошевский В. 186
Симонс Дж. Т. 129
Скала И. 19
Скружный Й. 117
Славата В. 109
Соукуп Ф. 204, 207
Сперанский Н. А. 156, 157
Стефанек М. Р. (Штефаник) 160
Стивин Й. 205, 207

Тамерлан (Тимур, Тимурленг)
124, 126
Тэффи Н. А. (Лохвицкая-
Бучинская) 195
Тимофеев Е. М. 149
Тирпиц А. фон 164, 165
Толстой Л. Н. 195, 217
Тритель П. 124, 125, 126
Тршебизский В. Б. 195
Тусар В. 211
Тыл Й. К. 7

Уэллс Г. Дж. 127

Фердинанд II Габсбург 111, 112
Франц-Иосиф I 11, 12, 94, 129,
130, 133, 134, 137, 208
Фучик Ю. 18

Хоц В. 107, 118

Цезарь Гай Юлий 29, 124, 126

Чех С. 117, 195
Чехов А. П. 7
Чичерин Г. В. 216, 217

Шагинян М. С. 20
Шатобриан Ф. Р. 111
Шкагула Э. 117
Шмераль Б. 117

Эдисон Т. А. 116
Эрбен К. Я. 182, 183

Юденич Н. Н. 169

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПОИСКИ ПУТИ	20
Предвыборное выступление цыгана Шаваню. <i>Перевод Р. Разумовой</i>	20
Господин Глоац — борец за права народа. <i>Перевод Д. Горбова</i>	23
О парламентах *. <i>Перевод Н. Шахуриной</i>	26
Поэзия социальная. <i>Перевод О. Малевича</i>	30
О католической печати *. <i>Перевод С. Востоковой</i>	34
Бунт арестанта Шейбы. <i>Перевод А. Лешковой</i>	36
Чернова *. <i>Перевод С. Востоковой</i>	46
Катастрофа на шахте. <i>Перевод Н. Роговой</i>	49
Юбилей служанки Анны. <i>Перевод А. Лешковой</i>	52
Тайна исповеди. <i>Перевод Е. Аникст</i>	54
Как Юрайда сделался атенстом. <i>Перевод Н. Аросевой</i>	59
Благотворительность. <i>Перевод Ю. Гаврилова</i>	63

Нравоучительный рассказ. <i>Перевод С. Востоковой</i>	66
Антигосударственный заговор в Хорватии. <i>Перевод В. Суханова</i>	69
Д-р Карел Крамарж. <i>Перевод В. Петровой</i>	73
Удивительное происшествие с Франтишком Махулкой, практикантом магистрата. <i>Перевод С. Востоковой</i>	75
Суп для бедных детей. <i>Перевод Д. Горбова</i>	82
Забастовка преступников. <i>Перевод С. Востоковой</i>	85
Финансовый кризис. <i>Перевод В. Чешихиной</i>	89
Заседание верхней палаты. <i>Перевод В. Чешихиной</i>	91
Мятеж в австрийском флоте. <i>Перевод Т. Аксель</i>	94
Дредноуты*. <i>Перевод Ю. Щербакова</i>	97
Анонимное письмо. <i>Перевод В. Петровой</i>	97
Добросовестный цензор Свобода. <i>Перевод Д. Горбова</i>	99
Забытый юбилей*. <i>Перевод С. Востоковой</i>	101
Святые. <i>Перевод С. Востоковой</i>	102
Сказка о трагической судьбе одного порядочного министра. <i>Перевод И. Граковой</i>	103
Как я выбыл из национально-социальной партии. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	106
Из книги «ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА»	110
Преследование новой партии правительственными кругами. <i>Перевод С. Востоковой</i>	110
Величайший чешский писатель Ярослав Гашек. <i>Перевод И. Граковой</i>	113
Манифест партии умеренного прогресса в рамках закона к последним выборам. <i>Перевод И. Граковой</i>	115
День выборов. <i>Перевод И. Граковой</i>	117
Как Цетличка был избирателем*. <i>Перевод Н. Шахуриной</i>	120
Цена славы*. <i>Перевод С. Востоковой</i>	123

Война в воздухе *	127
<i>Перевод С. Востоковой</i>	
Повесть о портрете императора Франца-Иосифа I.	129
<i>Перевод В. Чешихиной</i>	
По стопам тайной полиции.	133
<i>Перевод П. Богатырева</i>	
ПУБЛИЦИСТ, БОЕЦ, КОМИССАР	140
Из дневника уфимского буржуя.	140
<i>Написано по-русски</i>	
Трагедия одного попа.	143
<i>Написано по-русски</i>	
Ликующий зверь.	144
<i>Написано по-русски</i>	
Уфимский Иван Иванович.	145
<i>Написано по-русски</i>	
Вооруженные силы пролетариата.	147
<i>Написано по-русски</i>	
Творчество эсеров.	148
<i>Написано по-русски</i>	
Об уфимском разбойнике, лавочнике Балакулине.	150
<i>Написано по-русски</i>	
Обзор военных действий.	152
<i>Написано по-русски</i>	
Перебежчики.	153
<i>Написано по-русски</i>	
Дневник попа Малюты из полка Иисуса Христа.	155
<i>Написано по-русски</i>	
В мастерской контрреволюции.	156
<i>Написано по-русски</i>	
Англо-французы в Сибири.	158
<i>Написано по-русски</i>	
Вопль из Японии.	160
<i>Написано по-русски</i>	
Что станет с Чехословацкой буржуазной республикой?	161
<i>Перевод с венгерского И. Салимона</i>	
Жертва немецкой контрреволюции в Сибири.	164
<i>Перевод с немецкого Н. Аросевой</i>	
Чешский вопрос.	165
<i>Написано по-русски</i>	
К празднику.	167
<i>Написано по-русски</i>	
Белые о 5-й армии.	168
<i>Написано по-русски</i>	
Воззвание к чехам и словакам (май 1918 г.)	171
<i>Написано по-русски</i>	
Воззвание к чехословацким легионерам (май 1918 г.) *	173
<i>Перевод Ю. Щербакова</i>	

СНОВА НА РОДИНЕ	177
Юбилейное воспоминание. <i>Перевод И. Ивановой</i>	178
Как я встретился с автором некролога обо мне. <i>Перевод П. Богатырева</i>	180
Буржуй Рамзелик. <i>Перевод Е. Аникст</i>	183
Из дорожного дневника маршала Пилсудского*. <i>Перевод Ю. Щербакова</i>	186
Цепная торговля сахарином*. <i>Перевод Ю. Щербакова</i>	188
Идиллия винного погребка. <i>Перевод Е. Аникст</i>	193
Какие я писал бы передовицы, если бы был редактором правительственного органа. <i>Перевод Д. Горбова</i>	197
Заметки. <i>Перевод Н. Rogовой</i>	204
Что я посоветовал бы коммунистам, будь я главным редактором правительственного органа «Чехословацкая республика». <i>Перевод Н. Rogовой</i>	208
Роковое заседание конференции по разоружению. <i>Перевод М. Скачкова</i>	211
Генуэзская конференция и «Народни листы». <i>Перевод Н. Аросевой</i>	215
Муниципальные выборы. <i>Перевод Д. Горбова</i>	217
Душенька Ярослава Гашека рассказывает: «Как я умерла». <i>Перевод С. Востоковой</i>	227
КОММЕНТАРИИ	231
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	257

И (Чехосл)

Гашек Я.

Г 24 Примеры из жизни: Пер. с чеш./Предисл.
Ю. Н. Щербакова.—М.: Прогресс, 1983.—262 с.

Ярослав Гашек (1883—1923), выдающийся чешский писатель-сатирик, навсегда вошел в мировую литературу как автор «Похождений бравого солдата Швейка». Менее известен широкому читателю Гашек-газетчик, страстный публицист, клеймивший своим сатирическим пером Габсбургскую монархию, духовенство, институты буржуазной «демократии». В настоящее издание, приуроченное к 100-летию со дня рождения писателя, включены его избранные очерки, статьи и фельетоны, часть которых публикуется на русском языке впервые.

Издание иллюстрировано.

Книга предназначена широкому кругу читателей.

ББК 84.4.Че.

И (Чехосл)

Ярослав Гашек
ПРИМЕРЫ ИЗ ЖИЗНИ

ИБ № 12962

Редактор русского текста *Т. Б. Жданова*
Художник *В. И. Левинсон*
Художественный редактор *В. А. Пуланков*
Технический редактор *Т. И. Воскресенская*

Сдано в набор 3.3.83. Подписано в печать 21.7.83.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура баскервиль.
Печать высокая. Условн. печ. л. 13,86+0,84 печ. л. вк.
Усл. кр. отт. 14,90. Уч.-изд. л. 17,34. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 1434. Цена 85 к. Изд. № 37478

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая
типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

Ярослав ГАШЕК

В школах нам говорили, что юмор—это своего рода приправа. Сегодня мне кажется, что юмор—это не какая-то добавка, а, наоборот, это, наверное, подлинное видение мира. Гашек владел юмором. Гашек был человеком, который видел мир, а многие другие о нем только пишут.

Карел Чапек

*

Если бы кто-нибудь предложил мне выбрать из художественной литературы нашего века три произведения, которые, на мой взгляд, относятся к мировой литературе, то в качестве одного из таких произведений я выбрал бы «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека.

Бертольд Брехт

*

Гашек один из самых искусных чешских юмористов, а по человеколюбию своего юмора—просто единственный. Это не был просто обычный остряк, это был подлинный, постоянно работающий над собой художник.

Юлиус Фучик

*

Гашек стал после российской Октябрьской революции серьезным, глубоко преданным своему делу политиком-большевиком.

Карел Крейбих